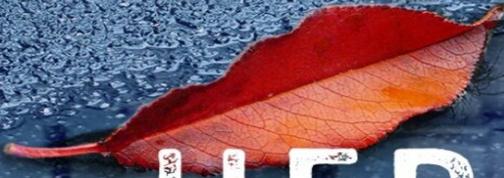

INSPIRIA

ЛАЙЗА ДЖУЭЛЛ

Меня часто одолевают
МРАЧНЫЕ МЫСЛИ.
Я делаю жуткие вещи,
и иногда даже мне самой
БЫВАЕТ СТРАШНО.

НЕВИДИМАЯ ДЕВУШКА

 INSPIRIA

Annotation

Впервые на русском! Лайза Джуэлл – один из самых известных авторов Великобритании. Ее произведения – признанные бестселлеры, в которых органично сочетаются лучшие качества романтической, психологической и городской прозы, написанной с присущим англичанам тонким юмором и умением закрутить сюжет не хуже Агаты Кристи.

У внешне благополучной семьи Форс проблемы во взаимоотношениях. Кейт подозревает Роана в изменах, и хотя сейчас между ними затишье, обида и подозрение не покидают их дом.

Юная Сафайр как никто знает о проблемах в семье Роана. Она провела не один год под его присмотром, посещая его сеансы психотерапии. И ей не нравится, что они закончились. Под покровом ночи, ускользая из дома своего дяди, она, невидимая, следит за Роаном, чтобы быть к нему хоть немного ближе.

Через дорогу от семьи Форс живет Оуэн Пик. Его жизнь разваливается, ему не везет ни на работе, ни в личной жизни. Он все больше погружается в сумрачные глубины интернета, где его призывают мстить за обиды обществу, и больше всего – женщинам.

Когда однажды Сайфер пропадает, подозреваемых в избытке. Но все ли так просто?

"Мрачный, тщательно продуманный триллер, чье украшение – сложные, мучающиеся от одиночества и симпатичные (в основном!) персонажи".

Buzzfeed

«Я прочитала эту книгу за выходные. Оторваться от нее было невозможно. На данный момент – лучшее у Лайзы Джуэлл»

Джоджо Мойес

«Непредсказуемо, невероятно захватывающе... Это триумф!»

Люси Фоли

«У Джуэлл отличный темп повествования. Каждая ее история поражает сюжетными витками и ложными ходами, которые только разогревают интерес».

Booklist

- [Лайза Джуэлл](#)
  -
  - [Вечер Дня святого Валентина](#)
  - [До этого](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
  - [Потом](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
    - [26](#)
    - [27](#)
    - [28](#)
    - [29](#)
    - [30](#)
    - [31](#)
    - [32](#)

- [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [Сейчас](#)
    - [59](#)
    - [60](#)
    - [61](#)
  - [От автора](#)
  - [Заметка об имени персонажа «Анджела Керри»](#)
-

Лайза Джуэлл

Невидимая девушка

*Посвящается Джеку, Сонни и Какао: всем моим
обожаемым животным, которых я любила и
потеряла в этом году*

Lisa Jewell
INVISIBLE GIRL

Copyright © Lisa Jewell 2020 This edition is published by
arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Вечер Дня святого Валентина

23:59

Я пригибаюсь и натягиваю капюшон толстовки на голову, скрывая лицо. Девушка с рыжими волосами, идущая впереди меня, ускоряет шаг. Она знает, что ее преследуют. Чтобы не отстать, я тоже иду быстрее. Я всего лишь хочу поговорить с ней, но по тому, как она торопится уйти, понимаю, что она напугана. Услышав позади чьи-то осторожные шаги, я замедляю шаг. Затем поворачиваюсь и вижу идущую за нами фигуру.

Мне не нужно видеть его лицо, чтобы узнать, кто это.

Это он.

Сердце начинает стучать по ребрам, перекачивая кровь по телу с такой силой и быстротой, что я чувствую, как начинает пульсировать порез на ноге. Я отступаю в тень и жду, когда этот тип пройдет. Он сворачивает за угол, и я вижу, как меняется язык его тела, когда он видит идущую впереди женщину. Я узнаю его фигуру, угловатые очертания его тела и точно знаю, что он собирается делать. Я выхожу из своего укрытия. Я направляюсь к мужчине, иду навстречу опасности. Мои действия вполне сознательные, но моя судьба остается неизвестной.

До этого

Меня зовут Сафайр Мэддокс. Мне семнадцать лет. Со стороны отца я валлийка. Со стороны мамы во мне есть тринидадская и малайская кровь, и капелька французской. Иногда люди пытаются угадать, кто мои предки, но всегда ошибаются. Если кто-то спрашивает, я просто отвечаю, что я полукровка, и больше вопросов не возникает. Зачем вообще кому-то знать, кто с кем спал. В конце концов, это мое личное дело, верно?

Я учусь в предпоследнем классе школы в Чок-Фарм, где изучаю математику, физику и биологию, потому что я по жизни технарь. Вообще-то я не знаю, чем хочу заниматься, когда закончу школу. Все считают, что я поступлю в университет, но иногда мне кажется, что я просто хочу работать, может, в зоопарке, может, в парикмахерской.

Я живу в квартире с двумя спальнями на восьмом этаже высотки на Альфред-роуд, прямо напротив школы, в которую я не хожу, потому что ее еще не построили, когда я пошла в среднюю школу.

Моя бабушка умерла незадолго до моего рождения, а мама умерла вскоре после того, как я появилась на свет. Мой отец не хочет обо мне знать, а дедушка умер несколько месяцев назад. Так что я живу со своим дядей.

Он всего на десять лет старше меня, и его зовут Аарон. Он заботится обо мне, как отец. С девяти до пяти он работает в букмекерской конторе, а по выходным занимается садоводством. Наверное, он лучший человек в мире. У меня есть еще один дядя, Ли, который живет в Эссексе с женой и двумя крошечными дочками. Так что в семье наконец-то появились девочки, но для меня это уже довольно поздно.

Я выросла с двумя мужчинами, и в результате у меня не очень хорошо получается находить общий язык с девушками. Или, точнее, с мальчишками мне легче. Ребенком я тусовалась с ними, и меня называли сорванцом, хотя я им никогда не была. А потом я начала

меняться и стала «хорошенькой» (я не думаю, что я хорошенькая, просто все, кого я встречаю, так говорят). Мальчишки больше не хотели тусоваться со мной в качестве друзей, стали как-то странно вести себя со мной, и я поняла, что мне лучше завести подружек. И я их завела, но мы не очень близки, и вряд ли по окончании школы я когда-нибудь увижу кого-то из них снова. Но пока мы дружим, просто чтобы чем-то заняться. Мы все знаем друг друга очень-очень давно. Это легко.

Вот такая я в общих чертах. Я бы не сказала о себе, что я счастливый человек. Я не слишком часто смеюсь и не люблю обниматься, как другие девушки. У меня скучные хобби: я люблю читать и готовить. И не особо люблю куда-то ходить. Я люблю выпить капельку рома с дядей в пятницу вечером, пока мы смотрим телевизор, но я не курю «травку» и не принимаю наркотики. Удивительно, как много скучных вещей могут сойти тебе с рук, если ты красивая. Никто этого не замечает. Когда ты красивая, все просто думают, что у тебя классная жизнь. Люди порой бывают жутко близоруки. Люди вообще тупые.

У меня темное прошлое, и меня часто одолевают мрачные мысли. Я делаю жутковатые вещи, и иногда мне за себя страшно. Я просыпаюсь посреди ночи на смятых простынях. Перед сном я заправляю простыню под матрас, натягиваю ее так сильно, так туго, что от нее легко отскакивает монета. На следующее утро все четыре угла простыни вылезают из-под матраса. Я и моя простыня переплетаемся в объятьях. Я не помню, что случилось. Я не помню своих снов. Я не чувствую себя отдохнувшей.

Когда мне было десять лет, со мной случилось кое-что очень-очень плохое. Давайте не будем вдаваться в подробности. Но да, я была маленькой девочкой, и это был большой плохой момент, который не должна испытывать ни одна маленькая девочка, и то, что случилось, изменило меня. Я начала наносить себе повреждения, на лодыжках, под носками, чтобы никто не увидел порезов. Я знала, что такое самоистязание – в наши дни это знают все, – но я не знала, почему я это делаю. Я просто знала: это не дает мне заикливаться на других вещах в моей жизни.

Затем, когда мне было лет двенадцать, мой дядя Аарон увидел порезы и шрамы, сложил два и два и отвел меня к терапевту, который

направил меня в Детский центр Портмана для лечения. Меня отправили к человеку по имени Роан Форс.

Кейт

– Мам, можешь поговорить со мной?

Дочь, судя по голосу, запыхалась и напугана.

– Что? – спрашивает Кейт. – Что случилось?

– Я иду домой от метро. И я чувствую...

– Что?

– Это вроде тот самый парень... – Голос дочери понижается до шепота. – Он идет за мной по пятам.

– Просто продолжай говорить, Джорджи, просто продолжай говорить.

– Я и продолжаю, – огрызается Джорджия. – А ты слушай.

Кейт пропускает мимо ушей подростковую грубость и спрашивает:

– Где ты сейчас?

– Иду по Танли-Террас.

– Хорошо, – говорит Кейт. – Хорошо. Значит, ты уже почти здесь.

Она отодвигает занавеску и смотрит на улицу, в темноту январской ночи, ожидая, когда появится знакомый силуэт.

– Я тебя не вижу, – говорит она, начиная слегка паниковать.

– Я здесь, – отвечает Джорджия. – Я тебя вижу.

Когда она произносит эти слова, Кейт тоже замечает ее. Пульс начинает замедляться. Кейт отпускает занавеску и идет к входной двери. Обхватив себя руками и съежившись от холода, она ждет Джорджию. На противоположной стороне улицы на дорожку, что ведет к большому дому напротив, сворачивает и исчезает из виду чья-то фигура. Какой-то мужчина.

– Это он? – спрашивает она Джорджию. Дочь поворачивается. Ее руки сжаты в кулаки на манжетах мешковатого пуховика.

– Да, – говорит она. – Это был он.

Она дрожит. Кейт закрывает за ней дверь и увлекает за собой в теплый коридор. Дочь на миг обнимает Кейт и прижимает ее к себе, а

затем говорит:

– Извращенец.

– Что именно он делал?

Джорджия сбрасывает пуховик и небрежно кидает его на ближайший стул. Кейт поднимает пуховик и вешает его в коридоре.

– Не знаю. Просто он какой-то жуткий.

– В каком смысле?

Кейт следует за Джорджией в кухню. Дочь между тем открывает дверцу холодильника, разглядывает его содержимое и снова закрывает.

– Не знаю, – повторяет Джорджия. – Просто шел за мной по пятам. Вел себя... очень странно.

– Он что-нибудь сказал тебе?

– Нет. Но, похоже, собирался. – Джорджия открывает кухонный шкафчик, достает упаковку кексов «Яффа», вынимает один и кладет в рот целиком. Жует и глотает, затем вздрагивает. – Он напугал меня до потери пульса, – говорит она. Ее взгляд падает на белое вино Кейт. – Можно мне глоток? Чтобы успокоить нервы? – спрашивает Джорджия.

Кейт закатывает глаза и передает бокал дочери.

– Ты бы узнала его? – спрашивает Кейт. – Если бы увидела снова?

– Пожалуй. – Джорджия готова сделать третий глоток, но Кейт забирает у нее бокал.

– С тебя хватит, – говорит она.

– Но я пережила травму! – возмущается Джорджия.

– Вряд ли, – говорит Кейт. – Но это тебе урок. Даже в таком якобы «безопасном» районе нужно сохранять бдительность.

– Я ненавижу этот район, – бросает Джорджия. – Я не понимаю, зачем вообще здесь жить, если в этом нет необходимости.

– Ты права, – соглашается Кейт. – Мне самой не терпится вернуться домой.

Это съемный дом, временное жилье. Их собственный дом, в миле отсюда, пострадал от просадки. Они решили, что пожить какое-то время в таком «шикарном» месте – это приключение. Они не подумали, что в шикарных районах полно шикарных людей, которым не очень нравится тот факт, что поблизости живут другие люди. Они не думали о неприветливых домах с охраняемыми воротами, о том, насколько жуткими будут, по сравнению с их шумной улицей в Килберне, эти тихие, зеленые, застроенные особняками улицы. Им и в

голову не приходило, что пустые улицы могут быть куда страшнее, чем улицы, где полно людей.

* * *

Немного погодя Кейт подходит к эркеру в своей спальне в передней части дома и снова отодвигает занавеску. Тени голых деревьев скользят по высокой стене напротив. За высокой стеной – пустой участок, на котором снесли старый дом, чтобы освободить место для чего-то нового. Кейт иногда видит, как грузовики задним ходом въезжают в ворота между деревянными строительными щитами, а через час появляются снова, с кузовами, полными земли и щебня. Семья Кейт живет здесь уже год, и до сих пор нет никаких признаков того, что там роют котлован под фундамент или с инспекцией приезжает архитектор в строительной каске. Это самая редкая вещь в центре Лондона: пространство без какого-либо назначения, просто пустырь.

Кейт думает о своей дочери, сворачивающей за тот угол, вспоминает страх в ее голосе, представляет шаги у нее за спиной, дышащего ей в затылок незнакомца. Как же легко, думает Кейт, проломить дыру в щите, затащить с улицы девушку, надругаться над ней, даже убить и спрятать ее тело на этом темном, непонятно кому принадлежащем пустыре. И сколько времени потом потребуется, чтобы ее найти?

– Вчера вечером Джорджию напугали.

Роан отрывается от ноутбука. В его бледно-голубых глазах моментально появляется страх.

– Как именно напугали?

– Она немного испугалась, возвращаясь от метро. Думала, что кто-то увязался за ней.

Вчера вечером Роан пришел домой поздно. Кейт лежала в постели, слушая тьяканье лисиц на пустыре напротив их дома, наблюдая сквозь тонкую ткань занавесок за колышущимися тенями ветвей снаружи, видя, как они извиваются, словно толпа зомби, и думала обо всем.

– Как он выглядел, тот мужчина, который преследовал тебя? – спросила она Джорджию в тот вечер.

– Обычно.

– Обычно – это как? Он был высокий? Толстый? Худой? Черный? Белый?

– Белый, – сказала она. – Обычный рост. Обычное сложение. Скучная одежда. Скучная прическа.

Странно, но заурядность этого описания заставила Кейт занервничать больше, чем если бы Джорджия сказала, что мужчина был настоящий громила с татуировкой на лице.

Кейт не может понять, почему чувствует себя так небезопасно в этом районе. Пока их дом ремонтируют, страховая компания предложила платить до 1200 фунтов стерлингов в неделю за временное жилье. За такие деньги они могли бы найти на своей улице красивый дом с садом, но по какой-то причине увидели в них шанс пережить приключение, пожить другой жизнью.

Просматривая в газете рекламные объявления о недвижимости, Кейт увидела объявление о шикарной квартире в шикарном доме в Хэмпстеде. Оба их ребенка учились в школе в Суисс-Коттедж, Роан работал в Белсайз-парке. Хэмпстед был ближе к обоим местам, чем их дом в Килберне, а значит, они могли добираться до школы или работы пешком, а не пользоваться метро.

– Смотри, – сказала она, показывая рекламу Роану. – Четырехкомнатная квартира в Хэмпстеде. С террасой. Двенадцать минут ходьбы до школы. Пять минут до твоей клиники. А Зигмунд Фрейд жил когда-то неподалеку! Согласись, было бы весело, – беспечно сказала она, – пожить какое-то время в Хэмпстеде?

Ни Кейт, ни Роан не являются коренными лондонцами. Кейт родилась в Ливерпуле и выросла в Хартпуле. Роан родился и вырос в городке Рай, в Сассексе, недалеко от побережья. Оба открыли для себя Лондон, уже будучи взрослыми, не имея ни малейшего представления о состоянии тамошней демографии. Подруга Кейт, всю жизнь прожившая на севере Лондона, отозвалась об их временном адресе так: «О нет, я бы не хотела там жить. Там никто друг друга не знает». Увы. Кейт не знала об этом, когда подписывала контракт о найме квартиры. Она не думала ни о чем, кроме поэзии почтового индекса, близости к живописному центру деревни Хэмпстед и знаменитой голубой мемориальной доски на доме Зигмунда Фрейда за углом.

– Может, теперь тебе стоит встречать ее из школы и вместе идти домой? – сказал Роан. – Когда она гуляет по вечерам?

Кейт представляет реакцию Джорджии, скажи она ей, что отныне будет сопровождать ее во всех ночных вылазках из дома.

– Роан, ей пятнадцать! Да она встанет на дыбы!

Он бросает на нее взгляд, каким пользуется все время, взгляд, который говорит: «Коль уж ты взяла принятие решений на себя, тебе придется возложить на себя и полную ответственность за все малоприятные последствия твоих решений. Включая возможное изнасилование/избиение/убийство нашей дочери».

Кейт вздыхает и поворачивается к окну. В стекле ей видно отражение мужа и свое собственное, смутный образ их брака на его срединном этапе. Они женаты уже двадцать пять лет и, вероятно, будут женаты еще столько же.

За окном идет снег. Густые хлопья крутятся в воздухе, напоминая помехи на экране телевизора. Снег размазывает их отражения. Наверху слышны приглушенные шаги соседей, американо-корейской пары, чьи имена она никак не может запомнить, хотя при встрече они улыбаются и жизнерадостно здороваются друг с другом. Откуда-то издали доносится завывание полицейских сирен. Но в остальном тихо. Эта улица всегда такая тихая, а снег делает ее еще тише.

– Взгляни, – говорит Роан, слегка поворачивая к ней экран ноутбука.

Кейт опускает очки для чтения со лба на нос.

– «23-летняя женщина подверглась сексуальному насилию в Хэмпстед-Хите».

Она шумно вздыхает.

– Да, но, – возражает она, – это же Хэмпстед-Хит. Я бы не хотела, чтобы Джорджия гуляла там одна по вечерам. Я бы не хотела, чтобы оба наших ребенка гуляли там одни.

– Похоже, это третье нападение за месяц. Первое было на Понд-стрит.

Кейт на миг закрывает глаза.

– Это в миле отсюда.

Роан не отвечает.

– Я попрошу Джорджию быть осторожной, – говорит она. – Я скажу ей, чтобы она звонила мне, когда будет возвращаться домой поздним вечером.

– Хорошо, – говорит Роан. – Спасибо.

– Я знаю, кто это был! – восклицает Джорджия. Она только что ворвалась в кухню вместе с Тилли. Сейчас ровно половина пятого, и они обе в школьной форме. Они приносят с собой в квартиру порыв зимнего холода и атмосферу паники.

Кейт поворачивается и смотрит на дочь.

– Кто был? – говорит она.

– Тот жуткий тип! – отвечает Джорджия. – Тот, что шел следом за мной прошлой ночью. Мы его только что видели. Он живет в том странном доме через дорогу. В том, где на подъездной дорожке стоит это огромное кошмарное кресло.

– Откуда вы знаете, что это был он?

– Это точно он. Он что-то складывал в мусорные баки. И посмотрел на нас.

– Как он на вас посмотрел?

– Как-то странно.

Тилли стоит позади Джорджии, кивая в знак согласия.

– Привет, Тилли, – запоздало говорит Кейт.

– Привет.

Тилли – суцая пигалица; у нее огромные, похожие на леденцы глаза и блестящие черные волосы. Она похожа на героинь мультфильмов студии «Pixar». Они с Джорджией подружились совсем недавно, проучившись в одной школе почти пять лет. Она – первая по-настоящему достойная подруга, которую Джорджия приобрела с тех пор, как закончила начальную школу. И хотя Кейт до сих пор не разобралась, нравится ей Тилли или нет, она очень хочет, чтобы эта дружба продолжалась.

– Он узнал меня, – продолжает Джорджия. – Когда посмотрел. Было видно, что он узнал. Такой липкий, грязный взгляд.

– А ты это видела? – спрашивает Кейт у Тилли.

Тилли снова кивает.

– Да. Он определенно злился на Джорджию. Это я точно могу сказать.

Джорджия открывает новую пачку печенья «Лейбниц», хотя в шкафу есть начатая, и предлагает ее Тилли. Тилли вежливо отказывается, и девочки исчезают в спальне.

Входная дверь открывается снова, и появляется Джош. Сердце Кейт слегка оживает. Если Джорджия всегда приносит домой новости, объявления, бзики и перепады настроения, то ее младший брат приходит так, будто он никуда не уходил. Он ничего не приносит с собой, его проблемы раскрываются мягко и в нужный момент.

– Привет, дорогой.

– Привет, мам.

Он проходит через кухню и обнимает Кейт. Джош обнимает ее каждый раз, когда приходит домой, обнимает перед сном, обнимает, когда видит ее утром и когда выходит из дома дольше чем на пару часов. Он делает это с самого раннего детства, и она все ждет, когда эта привычка исчезнет или постепенно сойдет на нет. Но ему уже четырнадцать, однако он, похоже, не собирается расставаться с этой своей привычкой. Пусть это звучит странно, но Кейт иногда думает, что именно Джош все эти годы удерживал ее дома, хотя ни он, ни Джорджия больше не нуждаются в матери-домохозяйке. По какой-то причине он все еще кажется таким уязвимым. Для Кейт он по-прежнему маленький мальчик, который плакал, уткнувшись лицом в ладони, в первый день в детском саду, и все так же лил слезы четыре часа спустя, когда она пришла забрать его.

– Как дела в школе?

Он пожимает плечами.

– Хорошо. Нам раздали контрольную по физике. Я набрал шестьдесят из шестидесяти пяти баллов. Второй по результатам.

– Понятно, – говорит она и снова быстро обнимает его. – Джош, это потрясающе! Ты молодец! Физика! Она ведь не каждому дается легко. Даже не знаю, в кого ты такой умница.

Джош берет банан и яблоко, наливает стакан молока и какое-то время сидит с ней за кухонным столом.

– У тебя все в порядке? – спрашивает Джош после короткого молчания.

Кейт с удивлением смотрит на него.

– Да, – говорит она.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Да, – со смехом повторяет она. – Почему ты спрашиваешь?

Сын пожимает плечами.

– Просто так.

Затем берет стакан молока и школьный портфель и направляется в свою комнату.

– Что будет на ужин? – спрашивает Джош, обернувшись на полпути.

– Куриное карри, – говорит Кейт.

– Круто, – отзывается он. – Я настроен на что-нибудь острое.

А потом снова становится тихо, только Кейт и темные тени за окном; ее смутные мысли беззвучно скользят по дальним туннелям разума.

Это происходит тем же вечером. Все подспудные, бессознательные страхи Кейт по поводу этого места сливаются воедино. На подругу Джорджии Тилли напали сразу после того, как она вышла из их квартиры.

Кейт пригласила Тилли остаться на ужин, но та сказала:

– Нет, спасибо, меня ждет мама.

Кейт подумала: «Может, она просто не любит карри». Спустя несколько минут после того, как Тилли ушла, в дверь постучали, затем раздался звонок, и Кейт пошла открыть. За дверью стояла Тилли, бледная как мел, огромные глаза были широко распахнуты от ужаса.

– Кто-то лапал меня. Он меня щупал.

Кейт затаскивает ее в кухню, пододвигает стул, дает стакан воды и спрашивает, что именно произошло.

– Я только перешла дорогу. И шла там. Рядом со строительной площадкой. И у меня за спиной кто-то был. И он схватил меня. Вот здесь. – Она показывает на бедра. – И пытался меня утащить.

– Куда утащить?

– Да куда. Просто хотел прижать меня к себе.

Джорджия усаживает Тилли за стол и берет ее за руку.

– Боже мой, ты его видела? Ты видела его лицо?

Руки Тилли, лежащие на коленях, дрожат.

– Не совсем. Ну, типа того. Не думаю... Все было просто... очень быстро. Да, очень, очень быстро.

– Тебе больно? – спрашивает Джорджия.

– Нет? – неуверенно произносит Тилли, как будто задает вопрос. – Нет, – повторяет она. – Я в порядке. Я просто... – Она смотрит на свои руки. – Я испугалась. Он был... Это было ужасно.

– Возраст? Сколько ему лет? – спрашивает Кейт. – Ну, примерно?

Тилли пожимает плечами.

– Не знаю. – Она шмыгает носом. – На нем был капюшон, а лицо закрыто шарфом.

– А рост?

– Думаю, он был довольно высокий. И худой.

– Может, мне вызвать полицию? – спрашивает Кейт и тотчас задается вопросом, почему она спрашивает шестнадцатилетнюю девушку, на которую только что напали, звонить в полицию или нет.

– Ради бога, – сказала Джорджия. – Конечно же, надо звонить.

И, прежде чем Кейт успевает взять телефон, набирает номер полиции.

А потом приезжает полиция, приезжает мама Тилли, и вечер странным образом превращает дом в место, в котором Кейт никогда раньше не была, в место, где на ее кухне толпятся полицейские, где плачет мать, которую она раньше никогда не встречала; место, наполненное нервным возбуждением, которое даже после того, как полицейские уходят, а Тилли и ее мать уезжают на такси, еще несколько часов не дает сомкнуть глаз. Кейт знает: никто не может спать спокойно, потому что случилось что-то дурное, и это как-то связано с ними и как-то связано с этим районом, и чем-то еще, что это неким образом связано с ней самой, какое-то плохое событие или ошибка, которую она совершила, потому что она нехороший человек. Кейт всячески пыталась перестать думать о себе как о плохом человеке, но, лежа той ночью в постели, она внезапно проникается ужасным пониманием. Оно терзает ее сознание, пока ей не кажется, будто с нее содрали кожу.

* * *

На следующее утро Кейт просыпается незадолго до того, как звенит будильник, проспав всего три с половиной часа. Она поворачивается и смотрит на Роана – тот лежит на спине, аккуратно спрятав руки под пуховое одеяло. Приятный на вид мужчина, ее муж. Он потерял большую часть волос и теперь бреет голову налысо. Ей видны странные очертания черепа, о существовании которых она даже не подозревала, когда познакомилась с ним тридцать лет назад. Ей казалось, что его череп – гладкий, как нижняя часть глиняной вазы. Вместо этого он представляет собой пейзаж с холмами и долинами и крошечным шишковатым шрамом. От висков ко лбу тянутся вздувшиеся вены. У Роана крупный нос и глаза с тяжелыми веками. Он ее муж. Он ее ненавидит. Она это знает. И это ее вина.

Она тихо выскользывает из постели и подходит к эркерному окну, выходящему на улицу. Только что взошедшее солнце сквозь кроны деревьев бросает лучи на строительную площадку на другой стороне улицы. Та выглядит совсем безобидно. Затем Кейт смотрит дальше вправо, на дом с креслом на подъездной дорожке. Она думает о человеке, который там живет, о жутком типе, который шел за Джорджией всю дорогу от станции метро, который вчера вечером, выставляя мусорные баки, бросал на нее и Тилли грязные взгляды. О том типе, который соответствует описанию Тилли.

Кейт находит визитную карточку, которую полицейский оставил ей вчера вечером. Детектив-инспектор Роберт Бёрдетт. Она звонит ему, но тот не отвечает, поэтому она оставляет ему голосовое сообщение.

– Я звоню по поводу нападения на Тилли Красники вчера вечером, – начинает она. – Я не знаю, значит ли это что-нибудь, но через дорогу от нас живет мужчина. Дом номер двенадцать. Моя дочь говорит, что позaproшлой ночью он преследовал ее, когда она шла домой. И еще она говорит, что он странно смотрел на нее и Тилли вчера вечером, когда они возвращались домой из школы. Боюсь, я не знаю его имени. Ему лет тридцать или сорок. Это все, что мне известно. Извините. Просто эта мысль пришла мне в голову. Дом номер двенадцать. Спасибо.

* * *

– Ты разговаривала сегодня с Тилли? – спрашивает Кейт Джорджию тем же утром, когда ее дочь кружит по всей квартире, готовясь уйти в школу.

– Нет, – отвечает Джорджия. – Она не отвечает ни на сообщения, ни на звонки. Похоже, ее телефон выключен.

– О боже, – вздыхает Кейт. Она не в силах вынести чувства вины, ощущения того, что она неким образом причастна к тому, что случилось. Она представляет Джорджию, свою красивую, бесхитростную дочь, которую по дороге домой из дома подруги лапает в темноте какой-то мужчина. Эта мысль невыносима. Затем она представляет себе крошечную, похожую на эльфа Тилли, у которой теперь нет сил даже принимать сообщения от своей лучшей подруги.

Она находит номер, который мать Тилли ввела ей в телефон вчера вечером, и нажимает на «вызов».

Мать Тилли отвечает на звонок лишь с шестой попытки Кейт.

– Здравствуйте, Илона, это Кейт. Как она? Как Тилли?

Воцаряется долгое молчание. Слышно, как телефон передают из рук в руки. На заднем плане звучат приглушенные голоса.

– Алло? – наконец произносит чей-то голос.

– Илона?

– Нет. Это Тилли.

– Ой, – говорит Кейт. – Тилли. Привет, дорогая. Как твои дела?

Очередное странное молчание. Кейт слышит на заднем плане голос Илоны. Затем Тилли говорит:

– Мне нужно вам кое-что сказать.

– Что именно?

– О прошлом вечере. О том, что случилось.

– Да.

– Ничего не было.

– Что?

– Этот человек меня не трогал. Он просто подошел ко мне довольно близко, но Джорджия так напугала меня из-за того типа, который живет напротив вас, понимаете, и я подумала, что это он. Но это был не он. Это был кто-то совершенно другой и... и я кинулась обратно к вам, и я...

В трубке слышны какие-то шаркающие звуки, и затем снова звучит голос Илоны.

– Извините, – говорит она. – Честное слово, извините. Я сказала ей, что она должна сама сообщить вам об этом. Я просто не понимаю. В смысле, я знаю, сейчас у них напряженное время, у девочек... экзамены, социальные сети и все такое прочее, ну, сами понимаете. Но все же это не оправдание.

Кейт медленно моргает.

– То есть никакого нападения не было? – Это полная бессмыслица. Бледная кожа Тилли, ее широко распахнутые глаза, ее трясущиеся руки, ее слезы.

– Никакого нападения не было, – бесстрастно подтверждает Илона, и Кейт думает, что, возможно, она сама в это тоже плохо верит.

В окно Кейт видит, как инспектор Роберт Бёрдетт садится в машину, припаркованную на другой стороне улицы. Кейт вспоминает сообщение, которое она оставила ему на телефоне сегодня рано утром, о странном человеке в доме напротив. На нее накатывает волна вины.

– Вы сообщили в полицию? – спрашивает она Илону.

– Да. Конечно. Только что. Зачем им зря тратить свои ресурсы. Им их и так урезали. В любом случае, я сейчас отправляю ее в школу. Она поджала хвост. И еще раз, ради бога, извините.

Кейт выключает телефон и смотрит, как машина инспектора Бёрдетта подъезжает к перекрестку в конце улицы.

Почему Тилли солгала? В этом нет никакого смысла.

* * *

Кейт работает из дома. Дистанционно. Она профессиональный физиотерапевт, но бросила практику пятнадцать лет назад, когда родилась Джорджия, и больше никогда не возвращалась к лечению пациентов. Сейчас она изредка пишет статьи на темы физиотерапии для медицинских изданий и отраслевых журналов и время от времени снимает кабинет в клинике своей подруги в Сент-Джонс-Вуде, чтобы лечить своих знакомых, но большую часть времени проводит дома, работая фрилансером (или «домохозяйкой с ноутбуком», как выразилась Джорджия). В Килберне у Кейт есть небольшой рабочий кабинет в мезонине, но в этом временном жилище она пишет, сидя за кухонным столом. Ее документы лежат в лотке для бумаг возле ноутбука. Очень трудно держать все в порядке и не допустить, чтобы ее рабочие материалы засосало общим семейным илом. Ей никогда не удается найти ручку, а муж и дети вечно что-то чиркают на обороте ее деловой переписки – еще одна вещь, которую Кейт не продумала как следует, прежде чем переехать в небольшую квартиру.

Кейт снова смотрит в окно на дом через дорогу. Затем возвращается к ноутбуку и гуглит.

Она выясняет, что в последний раз дом под номером двенадцать был куплен или продан десять лет назад, что необычно для такого шикарного адреса, как этот. Право собственности на здание принадлежит шотландской компании «Би-Джи Пропертиз». Больше ей

ничего не удастся найти ни о самом доме, ни о том, кто там живет. Какой таинственный дом, решает она. Люди въехали в него и больше не уезжают, они вешают плотные шторы и никогда не открывают их, они оставляют мебель гнить на подъездной дорожке.

Затем она гуглит лей-линии, проходящие через этот дом. Она смутно представляет себе, что такое лей-линии, но ей кажется, что здесь они явно есть. Их просто не может не быть на этом перекрестке, где на улице поздно ночью нет голосов, где пустые участки не застроены, где каждую ночь тьякают лисы, где странные типы преследуют девочек-подростков по дороге домой и нападают на них в темноте и где она чувствует себя неудобно, где она чужая.

После событий того вечера, когда Тилли заявила, что на нее напали, Кейт перестает проходить мимо дома с креслом на подъездной дорожке.

Расположение ее дома таково, что для того, чтобы попасть на главную дорогу или подняться в деревню, она может свернуть налево или направо, и теперь она решает повернуть налево. Ей не хочется рисковать и пересекаться с мужчиной, к которому она три дня назад невольно послала полицию в связи с нападением на юную девушку, нападением, которого, по всей видимости, на самом деле не было. Он вряд ли знает, что это она указала на него, но ей будет неудобно перед ним, если она его встретит.

Кейт старается даже не смотреть в сторону дома этого человека, но сейчас, когда она идет в деревню с сумкой, полной документов с веб-сайтов, чтобы отнести их на почту, ее взгляд тотчас устремляется к нему. Под прямым углом к входной двери стоит женщина примерно того же возраста, что и Кейт, но, может, на десяток лет старше. Она моментально привлекает внимание: в длинном сером пальто, сразу нескольких узорчатых шарфах и ботильонах. Стального оттенка седые волосы собраны в пучок высоко на голове. Пучок накренился и, кажется, вот-вот завалится ей на лоб. У нее черная подводка для глаз, она сжимает ручку небольшого чемодана на колесиках и несколько сумок, какие обычно берут в салон самолета. Кейт видит, как она роется в сумочке, достает связку ключей и поворачивается лицом к входной двери. Затем незнакомка на мгновение останавливается в коридоре, просматривает почту на пристенном столике, и дверь за ней закрывается.

Кейт ловит себя на том, что стоит посреди улицы и таращится на закрытую дверь. Она быстро поворачивается и шагает вверх по холму к деревне.

Сдав в почтовом отделении посылки, Кейт живописным маршрутом возвращается домой. Если она ошиблась, выбрав это место для временного проживания их семьи, она хочет восполнить свою оплошность, получая от деревни Хэмпстед как можно большее удовольствие, пока здесь живет. Килберн – шумное, грязное, живое место, и Кейт любит его всем сердцем. Но у Килберна нет сердцевины, нет центра, это просто лестница из маленьких улиц, идущих перпендикулярно главной. В отличие от Килберна, в Хэмпстеде есть переулки, закоулки, турникеты, коттеджи, тропинки и тайные кладбища, и он простирается во всех направлениях на милю или больше, вплоть до Хэмпстед-Хита на севере и до широких величественных проспектов на юге и западе. Это самая настоящая лондонская деревня, и каждый новый уголок, который Кейт обнаруживает во время прогулок, неким образом окрашивает ее день.

Сегодня Кейт идет дальше, чем обычно, через небольшую дикую часть Хэмпстед-Хита, изрезанную пешеходными тропинками, через шепчущую рощу, а затем по извилистой улочке с причудливыми старыми домами, в основном георгианскими, пока внезапно не оказывается посреди совершенно другого ландшафта. Это плоская низина с белыми домами в стиле фильмов про Джеймса Бонда. Они лепятся друг к другу, словно куски черепицы на крыше, дома с бетонными дорожками и винтовыми лестницами. В каждом доме есть широкая терраса с видом на лес и Хэмпстед-Хит. Кейт достает телефон и делает то, что делает всегда, когда оказывается в новом месте в этой деревне: гуглит.

И обнаруживает, что находится посреди микрорайона самых дорогих муниципальных домов из всех когда-либо построенных, возможно, даже единственного такого во всем в мире. Микрорайон этот – неудачное детище идеалистического эксперимента лейбористского правительства 1970-х годов, попытки дать хорошее, богатое жилье бедным. Одна только земля под застройку стоила почти полмиллиона фунтов стерлингов. Строительство каждого дома обошлось в 72 000 фунтов. Проект потерпел фиаско, когда правительство попыталось окупить вложения, взимая с жильцов несусветные деньги за социальное жилье. Эксперимент окончился громким провалом.

Теперь эти дома вызывают восхищение архитекторов. Кейт находит на сайте бюро по продаже недвижимости квартиру с двумя спальнями более чем за миллион фунтов стерлингов. Кто бы мог подумать, задается вопросом она, кто бы мог предположить, что этот маленький футуристический рай будет спрятан здесь, за особняком эдвардианской эпохи?

Кейт оглядывается и внезапно понимает, что она здесь совершенно одна. Вокруг ни души. Она слышит, как ветер разговаривает с ней шелестом листьев на деревьях, окружающих этот странный анклав. Они велят ей уйти. Прямо сейчас. Ей здесь не место. Она ускоряет шаг, затем еще и еще, и вскоре почти бежит по лугу, мимо домов, вниз по холму, обратно на главную улицу, к салонам красоты, бутикам и магазинам, в которых продают всякую ерунду за непомерно большие деньги.

Когда она проходит мимо станции метро, ее внимание привлекает плакат местного информационного бюллетеня «Хэмпстедский вестник». «СЕКСУАЛЬНОЕ НАПАДЕНИЕ ПРИ СВЕТЕ ДНЯ».

Она останавливается и, чувствуя, как адреналин все еще бурлит в ее крови, смотрит на эти слова. На миг ей кажется, что заголовок принадлежит параллельной реальности, где она слишком долго задержалась, в том месте, которое приказывало ей уйти. И не обнаружит ли она, прочитав статью, что это она, Кейт Форс, пятидесятилетняя женщина... немолодая мать двоих детей, подверглась жестокому нападению в заброшенном муниципальном микрорайоне 1970-х годов и теперь не может объяснить, что она делала там одна среди бела дня?

Затем Кейт снова думает о Тилли, как делала почти каждую минуту каждого дня с тех пор, как увидела ее в дверном проеме четыре дня назад, и задается вопросом, есть ли какая-то связь между всплеском сексуальных нападений в их районе и утверждением Тилли, что в понедельник вечером ничего не произошло.

Шагая вниз по холму, она проходит мимо местного газетного киоска. Здесь она покупает «Хэмпстедский вестник» и возвращается домой.

Тем вечером Роан снова вернулся поздно. Роан – детский психолог, он работает в Портман-центре в Белсайз-парке. Иметь мужа, работающего детским психологом, не так уж полезно, как кажется. Похоже, ее муж способен сопереживать только детям с социопатическими наклонностями (социопатия у детей – его специализация). Такие дети, как их собственные, которые в чем-то немного странные, но совершенно нормальные во многих других отношениях, похоже, полностью сбивают его с толку, и он реагирует так, будто никогда раньше не встречал подростков. Более того, всякий раз, когда кто-то из них делает нечто такое, что можно списать на стереотипное поведение подростка, он ведет себя так, будто не имел собственного личного опыта подросткового возраста.

Это приводит Кейт в ярость. Она никогда не ощущала более тесного контакта со своим собственным подростковым «я», чем теперь, когда подростками стали ее дети, как будто бы она прошла в дверь на дальнем конце родительства и странным образом встретила себя, идущую навстречу.

– Как прошел твой день? – едва ли не сахарным голосом спрашивает она, голосом, каким пользуется, когда хочет расположить к себе. Если начать вечерний разговор на высокой ноте, то Кейт сама же будет виновата, если позже все пойдет под откос. Она понятия не имеет, сумеет ли Роан уловить намек притворства в ее голосе, но он отвечает из коридора самым сердечным тоном:

– Совсем неплохо. А как твой?

И вот он на кухне, ее бритоголовый муж, спасающийся от январского холода в черном пуховике, шапке и перчатках. Он снимает шапку и кладет ее на стол. Затем снимает перчатки, обнажая длинные угловатые руки. Он стаскивает с плеча сумку и кладет ее на стул. Он не смотрит на Кейт. Они больше не смотрят друг на друга. Все нормально. Кейт не особо нуждается в том, чтобы он на нее смотрел.

Его рука тянется к «Хэмпстедскому вестнику», лежащему на столе. Роан смотрит на заголовок.

– Еще один случай?

– Еще один, – отвечает Кейт. – На этот раз на соседней улице.

Он кивает и продолжает читать.

– Среди бела дня, – говорит он.

– Я знаю, – говорит она. – Ужасно. Бедная женщина. Просто шла по своим делам. Думала, что это будет нормальный день. Какой-то больной засранец решает, что может делать то, что ему заблагорассудится, решает, что имеет право прикасаться к ее телу. – Она вздрагивает, вновь подумав о крошечной Тилли, стоящей на пороге с глазами, полными ужаса.

Входит Джорджия.

На ней прикид для отдыха: гладкие трикотажные шорты и толстовка с капюшоном. В ее возрасте у Кейт не было прикида для отдыха; у нее была лишь уличная одежда и пижама, и ничего кроме этого.

Роан подсовывает ей «Хэмпстедский вестник».

– Послушай, Джорджи, – говорит он. – В этом районе завелся сексуальный маньяк. Нападает на женщин. Последний случай произошел совсем рядом. Среди бела дня. Пожалуйста, имей голову на плечах. И старайся не шастать по улице, слушая музыку в наушниках.

Джорджия фыркает.

– Моя голова всегда при мне, – говорит она. – Да и мозги у меня молодые. А не старые и дерьмовые, как твои. Готова спорить на что угодно, это тот самый чувак. – Она постукивает пальцем по первой странице газеты. – Тот, что живет через дорогу. Он настоящий гнус. На вид типичный насильник.

При упоминании человека из дома напротив Кейт слегка вздрагивает и краснеет от стыда. Она не сказала Роану и детям, что звонила в полицию и видела, как полицейские приезжали поговорить с ним. Ей стыдно за себя. Как же это типично для таких, как она, «праведниц» – настучать, вмешаться в чужую жизнь.

– Как там Тилли? – спрашивает она, меняя тему. – Она сказала тебе что-то еще про тот вечер понедельника?

Джорджия качает головой.

– Нет. Я пыталась поговорить с ней, но она ни в какую. По ее словам, ей слишком стыдно.

– И что ты думаешь? Ты считаешь, она это выдумала?

Дочь задумывается над ее вопросом.

– В некотором смысле да. То есть она могла бы. Ну, ты понимаешь, о чем я? Раньше за ней такое водилось.

– Что именно?

– Да, врала по мелочам. Типа, могла сказать, что знает имя какого-то рэпера или кого-то на YouTube, а если спросить у нее, кто это такой, выяснится, что она не имеет ни малейшего понятия. В общем, иногда она говорит что-то лишь для того, чтобы вписаться в тусовку, чтобы на нее обратили внимание. А когда понимает, что ее раскусили, то делает такие пустые, невинные глаза, и тогда вам становится стыдно за то, что вы выставили ее лгуньей.

– Но лгать о чем-то вроде этого! Как ты думаешь, она способна на такую ложь?

– Не знаю, – говорит Джорджия. Затем пожимает плечами и добавляет: – Да. Может быть. Она слишком остро реагирует на вещи. Может, она просто слишком остро отреагировала.

Кейт кивает. По ее мнению, это возможно. Но затем ее взгляд снова падает на заголовок на первой странице «Хэмпстедского вестника», и она чувствует, как на голову опускается темная тень сомнения.

За день до Дня святого Валентина Кейт в местном торговом центре выбирает поздравительную открытку для Роана. Она не станет дарить ему ничего романтического. Более того, за тридцать лет она как минимум раз десять вообще не покупала ему валентинки. День святого Валентина на самом деле не для них. Но уже тот факт, что, несмотря на все, что произошло в прошлом году, они дожили до еще одного Дня святого Валентина, заставляет ее думать, что открытка будет очень даже к месту.

Она берет открытку с изображением двух держащихся за руки фигурок. Над их головами надпись: «Ура! Мы все еще любим друг друга!»

Кейт кладет ее обратно на полку, как будто кусочек картона жжет ей пальцы. Она не уверена, что они с Роаном все еще любят друг друга.

В конце концов Кейт берет открытку с большим красным сердцем и простой надписью «Я тебя очень люблю». Это правда. Она все еще любит его. Любовь проста, все остальное сложно.

Кейт вспоминает, что ровно год назад они с Роаном чуть не расстались. Это случилось ближе к середине семестра. Они думали, что, возможно, им даже придется отменить отпуск стоимостью семь тысяч фунтов, вот как все было плохо.

Это была ее вина.

Целиком и полностью.

Она решила, что у Роана роман с другой женщиной. Нет, не решила, а поверила... поверила всеми фибрами своего существа, без единой крупинки сомнения, ни разу не увидев Роана с другой женщиной, ни разу не найдя его эсэмэсок, адресованных этой другой, ни разу не обнаружив ни единого пятна губной помады на воротнике. На какое-то время у нее совершенно поехала крыша.

В течение шести месяцев Кейт одержимо обшаривала все самые сокровенные уголки жизни своего мужа: его электронную почту, его текстовые сообщения, его WhatsApp, его фотографии и даже его рабочие документы. Она тщательно изучала ужасные детали

психологически травмированной, но очень красивой молодой девушки, тщетно пытаюсь найти подтверждение своей убежденности в том, что Роан занимается с ней сексом, беззастенчиво нарушая частную жизнь подростка, которая по наивности думает, что все, что она говорит своему психологу, должно оставаться в строжайшей тайне.

Роан обнаружил, чем занимается Кейт, в начале февраля. Или, вернее, она была вынуждена признаться ему, чем она занималась, после того как он, придя с работы домой, сказал ей, что, по его мнению, его новая ассистентка просматривает личные записи его пациентов и даже его электронную почту и его телефон. Роан добавил, что следит за ней и, в случае необходимости, готов сообщить о ней куда следует.

При мысли об официальном расследовании Кейт запаниковала и сказала:

– Это я. Это я. Это я... – И разрыдалась, пытаюсь все объяснить, но ее слова не имели смысла, абсолютно никакого, потому что тогда, в течение нескольких месяцев, она совершенно съехала с катушек.

Она надеялась, что после этого признания он обнимет ее, что она услышит рядом с ухом его тихий ободряющий голос, что он скажет ей, мол, все в порядке, я все понимаю, я прощаю тебя, не плачь. Вместо этого он посмотрел на нее и сказал:

– Большой подлости я не видел за всю свою жизнь.

Конечно, у него не было никакого романа. Он просто работал допоздна, уставал, ежедневно сталкивался с невообразимыми ужасами, общался с новой ассистенткой, которая была отнюдь не на высоте, у которой был больной отец. Он пытался привести себя в форму, от случая к случаю занимаясь бегом, и постоянно расстраивался из-за того, что ему никогда не хватало времени заниматься этим постоянно. По его словам, его жизнь была нескончаемой борьбой со всем этим. И теперь вот Кейт, идиотка, как свинья, сует свой нос в его личные дела, вторгаясь в его профессиональную сферу, подвергая опасности его работу, воображая о нем самое худшее, самое-самое худшее.

– С какой стати, – спросил он, умоляюще глядя на нее, как будто не верил своим глазам, – у меня должен быть роман?

Такой простой вопрос. Она умолкла и на минуту задумалась. Правда, зачем ему роман?

– Потому что я старая, – в конце концов сказала она.
– Я тоже старый.
– Да, но ты мужчина. У вас нет срока годности.
– Кейт, – ответил он. – И у тебя тоже. Не для меня. Ради бога, ты и я. У нас нет сроков годности друг для друга. Мы – это мы. Мы... просто мы.

После этого он съехал на несколько дней. Это была ее идея. Ей нужно было проветрить голову. Когда Роан вернулся, он сказал: «Я чувствую, что мы потеряли нашу нить. Как будто мы были в некой зоне, а теперь вышли из нее, и я не знаю, как вернуться в нее снова».

– Я чувствую то же самое, – сказала Кейт.

За этим последовали несколько дней экзистенциальной драмы и переживаний, а также множество споров по поводу отмены жутко дорогого отпуска с катанием на лыжах, о том, как это воспримут дети, о страховых полисах (где не было специального пункта для «неожиданных семейных разногласий»). Затем за два дня до вылета они выпили бутылку вина, занялись сексом и решили просто поехать в отпуск и посмотреть, может, это все исправит.

В какой-то степени исправило. Дети были в восторге, полны веселья, солнце светило весь день и каждый день, а отель, который они выбрали, был выше всех похвал и полон приятных людей. Через неделю они вернулись домой и, подсознательно и без дальнейших обсуждений, просто решили жить дальше и забыть, что такое когда-либо случилось.

Но все же оно случилось. Кейт перешла линии и границы, нарушила доверие между ними, и даже сейчас она все еще чувствует себя жалкой. Материнство давало ей ощущение морального превосходства, но за шесть безумных месяцев она полностью утратила свое положение и теперь вздрагивает под пристальным взглядом Роана, страшась, что он увидит за якобы прочным фасадом ее жалкую суть. Теперь Кейт комфортнее, когда он не смотрит на нее, когда он ее не видит. Потому что, если он ее не видит, он не может ее ненавидеть. А он ее ненавидит. Она это точно знает.

Сафайр, так звали пациентку, чьи личные записи она читала. Сафайр Мэддокс. В то время ей было пятнадцать, и она с десяти лет занималась членовредительством.

Однажды во время безумия прошлой зимы Кейт даже пришла к школе, где та училась, и стала наблюдать за ней через ограду. Вот она, та девушка, с которой, как подозревала Кейт, был роман у ее мужа. Высокая, худощавая, с плоской грудью, темные волосы собраны в пучок, руки в карманах черного блейзера. Взгляд светло-зеленых глаз прикован к спортивной площадке. Почти царственная особа. Кейт ожидала увидеть совсем другую. На глазах у Кейт к девушке подошел мальчик, игриво пытаясь добиться ее внимания, и Кейт увидела, как мальчишка тотчас слинял, вернулся к своим друзьям. Его добродушное поведение было поведением человека, который ожидал получить то, что получил.

Затем к Сафайр подошли две девочки, и они втроем синхронно зашагали обратно к зданию школы.

Сафайр не производила впечатления девушки, которая резала себя разогнутыми скрепками. Скорее, она была похожа на пчелиную матку.

Последний раз Кейт видела Сафайр спустя пару месяцев после того, как они переехали в квартиру в Хэмпстеде. Она шла по Финчли-роуд с каким-то мужчиной, таща за собой хозяйственную сумку на колесиках.

Кейт некоторое время шла за ними, и ее сердце бешено колотилось от страха, она боялась, что ее застукают. У мужчины была явная хромота, и Сафайр то и дело останавливалась, чтобы он мог догнать ее, прежде чем они оба свернули в жилой квартал в конце Финчли-роуд и исчезли за дверями высотного многоквартирного дома.

Как только дверь за ними закрылась, Кейт остановилась и перевела дыхание. До нее внезапно дошло, что она делает. Он повернулась и быстро зашагала домой, пытаясь очистить свою психику от дурного поступка.

На следующее утро Роан с застенчивой улыбкой передает Кейт через стол красный конверт.

– Не волнуйся, если ты не успела... – говорит он. – Это было всего лишь... ну, ты знаешь...

Она улыбается, достает из сумочки свой красный конверт и протягивает ему.

– А теперь открываем... – игриво говорит она.

Они одновременно открывают конверты. Оба чувствуют себя довольно неловко. У Кейт открытка Роана с рисунком Бэнкси. Это красный воздушный шар в форме сердца с наклепленным пластырем, который висит на стене в Бруклине в Нью-Йорке. Просто невероятно.

Кейт открывает открытку.

Внутри корявыми буквами написано: «Вы готовы отодрать пластыри?»

Она смотрит на Роана. С ее губ слетает легкий смешок. Ее живот приятно сжимается и растягивается.

– Ты готов? – спрашивает она.

Он опускает голову на грудь, затем поднимает снова. Он улыбается.

– Полностью, – говорит он. – Уже давно. Просто я...

Он смотрит на открытку, которую она только что ему протянула, с вежливой надписью: «Моему любимому мужу, счастливого Дня святого Валентина! С любовью, К.»

– Я ждал, – говорит он.

Кейт кивает. На секунду она растеряна, не зная, кому именно наклепили на сердца пластыри, кто исцелился, а кто ждал. Она думала, что все наоборот. Что это она причинила ему боль.

– Может, сходим сегодня куда-нибудь выпить? – предлагает он. – Пусть даже в какой-нибудь захудалый паб? Во всех остальных столики будут заказаны заранее.

– Хорошо, – говорит Кейт. – Предоставь это мне. Я постараюсь найти самый захудалый паб.

Роан уходит. Кейт открывает ноутбук и приступает к работе. Общение с мужем ее немного нервирует. С тех пор как они переехали сюда, все идет наперекосяк. Даже их супружеская дисгармония, и та изменилась, слегка сдвинулась в такое место, которое Кейт плохо понимает. Она почти скучает по той прямоте и однозначности, которые чувствовала даже через несколько месяцев после признания Роану. Роан хороший. Кейт плохая.

Но после переезда в Хэмпстед она в этом уже не уверена. Поведение Роана было странным. Многие месяцы. Он поздно приходил домой, казался расстроенным и резким по отношению к ней и детям. Он внезапно отменял семейные планы, буквально накануне, за пять минут, часто без всякого разумного объяснения. Он шепотом отвечал на звонки на свой мобильный за закрытыми дверями или даже выходил при этом на улицу. Что-то было. Определенно было. Что-то такое.

Кейт снова берет его открытку и перечитывает надпись. Фактически это признание того, что у нее есть причины для обиды. Но обиды на что? На его резкую реакцию на ее поведение? Или на что-то еще? Она закрывает открытку и ставит ее вертикально на стол. И пока работает, ее взгляд все время невольно скользит к ней.

У нее никак не получается сосредоточиться на работе, поэтому она открывает браузер и набирает «пабы рядом со мной». Прокручивая страницу, она слышит стук почтового ящика на общей входной двери и звук упавшей на коврик почты. Обрадованная возможностью отвлечься, Кейт вскакивает и идет в коридор, чтобы забрать почту. Она отодвигает в сторону письма для других жильцов дома и уносит в квартиру стопку своих. Почти на всех – большие белые наклейки с переадресацией почты поверх их адреса в Килберне. Но один конверт подписан от руки и адресован прямо Роану по этому адресу.

Кейт пару секунд смотрит на конверт. Почерк явно женский, почтовый индекс неполный, а содержимое жесткое, плотное, явно какая-то открытка. По идее, это может быть что угодно: предложение скидки из местной химчистки, визитка какого-нибудь мойщика окон. Все что угодно.

Кейт кладет конверт на стопку писем на кухонном столе и возвращается к поиску местных пабов. На ее телефон приходит сообщение. Оно от Джорджии.

МАМ.

Как будто она зовет ее из коридора.

Кейт вздыхает и отвечает.

– Да.

– Можешь принести мой бланк для экскурсионной поездки?

Прямо сейчас.

Кейт закатывает глаза.

– Где он лежит?

– Не знаю. Где-то на кухне.

Кейт обыскивает кухню, просматривает груды собственных документов и, наконец, в корзине для бумаг находит бланк. Она разглаживает листок и отвечает Джорджии.

– Нашла. Сейчас принесу.

По правде говоря, Кейт рада возможности выйти из дома. На улице солнечно, и на обратном пути она может зайти в магазины. К тому же она всегда испытывает легкое волнение, входя в дверь средней школы, где учатся ее дети, проникая в таинственный мир, в котором они проводят по восемь часов в день.

По дороге в школу она проходит мимо многоэтажного дома, в который, как она видела несколько месяцев назад, входила Сафайр, таща за собой сумку на колесиках. Кейт на миг замедляет шаг и смотрит вверх. Солнечный свет отражается от окон, его лучи достают высоко, до самого неба. Кейт вновь вспоминает открытку, которую принесли с почтой сегодня утром, женский почерк, которым написан адрес на конверте, и чувствует, как на поверхность снова всплывает зудящее, неприятное чувство. То самое, которое год назад заставило ее совершать немислимые поступки.

Она тотчас ускоряет шаг и быстро идет к стенам школы из бордового кирпича, где учатся ее дети. Здесь ее встречает молодая женщина, сидящая за столом. Она ободряюще улыбается, как будто Кейт собирается обратиться к ней с какой-то неловкой просьбой.

– Для учащейся, – говорит Кейт, передавая дежурной сложенный лист бумаги. – Джорджия Форс из одиннадцатого G.

– О, прекрасно, спасибо. Я прослежу, чтобы ей его передали.

Глаза Кейт оглядывают холл в надежде увидеть ребенка, которого она узнает, ощутить нечто крошечное, что можно унести с собой. Но сейчас идут уроки, и детей в коридорах нет. Она снова выходит на улицу и делает глубокий вздох. Кейт замечает свое учащенное сердцебиение. Все ее чувства как будто обострились, а в воздухе пульсирует некая энергия, которую она только что заметила.

В супермаркете она покупает авокадо для Джорджии, куриные гужоны и багет для Джоша, литр яблочно-мангового сока, который исчезнет в течение тридцати секунд после того, как дети вернутся из школы. Она берет бульонные кубики и соль в тот самый редкий момент, когда вспоминает, что нужно купить именно бульонные кубики и соль. Затем берет масло, молоко и коробку медовых сот в шоколаде и расплачивается на кассе самообслуживания. В очереди за ней никого нет, поэтому она сканирует медленно и спокойно, все время косясь на стоянку такси. Там каждый день стоят одни и те же водители. Они толпятся на тротуаре, своего рода театр в миниатюре. Затем ее взгляд перемещается с таксистов на вход станции метро, где она видит знакомую фигуру. Он идет внутрь. Высокий, стройный, с гладким куполом бритого черепа, с сумкой, перекинутой по диагонали через плечо, с характерным отскоком подошвы при каждом шаге.

Роан, еле слышно бормочет Кейт себе под нос. Там ее муж. В темные, тайные моменты его жизни. Это сродни ощущению, которое она испытала, будучи в школе своих детей. Она достает телефон и звонит ему. Телефон звонит десять раз, затем отключается. По какой-то причине Кейт представляет, как Роан вытаскивает телефон из кармана, видит ее имя и сует его обратно в карман.

Полдень. Насколько ей известно, сегодня у него нет приема вне клиники. Может, у него встреча с кем-то во время обеденного перерыва?

Внезапно она вспоминает, что сегодня День святого Валентина. Она тотчас представляет Роана в модном ресторане в Сохо, красную розу на столе, официанта, наливающего шампанское в высокий бокал для красивой молодой женщины, сидящей напротив ее мужа.

Кейт качает головой, чтобы избавиться от этого образа.

Она больше не будет той, прежней.

В тот вечер Роан возвращается домой незадолго до семи часов. Кейт наблюдает, как он просматривает письма на кухонном столе. Роан добирается до белого конверта с открыткой в нем, и Кейт кажется, что сквозь него как будто проходит крошечный электрический разряд. Пальцы плохо повинуются, но Роан продолжает перебирать письма, затем безмолвно кладет конверт на кухонный стол.

– Ты все еще готова выпить сегодня вечером? – спрашивает Роан.

– Это да, – быстро отвечает она. – Я искала в интернете, но не нашла ничего без бронирования.

– Может, нам стоит просто отправиться в деревню? Заглянем в какой-нибудь самый затрапезный непраздничный паб?

– Я не против. Часиков в восемь?

Роан кивает.

– Отлично. Значит, часиков в восемь. Думаю, я даже успею совершить пробежку. Во сколько ужин?

Она смотрит на духовку, в которой готовятся гужоны Джоша. Она не думала про ужин для Роана. И для себя.

– Разве мы сегодня не ужинаем где-нибудь в пабе?

– Можно поужинать и там. Я не возражаю. В любом случае, я не настолько голоден.

Она открывает рот, чтобы сказать: «Это потому, что ты по какой-то причине обедал с кем-то где-то в городе». Но ей не хочется начинать вечер с упреков. Вместо этого она улыбается и говорит:

– Отлично. Удачной пробежки.

Мгновение спустя появляется Джорджия. Она идет к хлебнице и достает буханку дорогого ржаного хлеба, который Кейт покупает специально для нее. Джорджия кладет ломтики в тостер, затем идет к холодильнику, открывает отделение для овощей, шарит в нем какое-то время, выходит со свежим авокадо в руке, режет его над кухонной раковиной, кончиком ножа вытаскивает косточку, бросает ее в мусорное ведро, измельчает авокадо в той же миске, в которой она всегда делает пюре из авокадо, посыпает его солью, намазывает им два

больших ломтика тоста, ставит на стол рядом с большим стаканом яблочно-мангового сока и впивается в него зубами.

Джорджия замечает, что Кейт наблюдает за ней.

– С тобой все в порядке, мама? – спрашивает Джорджия. Кейт кивает, стряхивая с себя легкую задумчивость.

– Все в порядке, да.

Джорджия свободной рукой берет валентинку работы Бэнкси и рассматривает ее.

– Ого, – говорит она. – Мило. Папа подарил тебе открытку. Вот это да. Что это значит?

– Это значит... – Кейт отрывает от рулона лоскут бумажного полотенца и вытирает пролитый на столешницу чай. – Я не знаю. Наверное, он думает, что я все еще переживаю из-за того, что произошло в прошлом году.

– Ты имеешь в виду ваш кризис?

– Да. Наш кризис.

– Это было так странно, – с набитым ртом говорит Джорджия. – Просто очень, очень странно. Из-за чего это вообще было?

Они никогда не рассказывали детям, из-за чего. Никогда не говорили детям, насколько близки они были к тому, чтобы расстаться. Они просто сказали, что у них небольшой кризис, что совершенно нормально после стольких лет совместной жизни, что они намерены провести несколько дней отдельно друг от друга, посмотреть, что они почувствуют после. А потом не было никакого «после». Роан вернулся. Они катались на лыжах. Жизнь продолжалась.

Кейт качает головой.

– Я все еще не поняла, – говорит она. – Просто одна из многих причин. Думаю, такое случается с каждой парой.

– Но теперь-то у вас все нормально? У тебя и папы?

– Да. Теперь все нормально. Скажу больше, сегодня вечером мы с ним идем в паб.

– Ой, а мне можно с вами?

Кейт приподнимает бровь.

– Это еще зачем? – улыбается она.

– Обожаю пабы.

– Ты такая странная.

– Что странного в том, что я обожаю пабы?

– Ничего, – улыбается Кейт. – Ничего. – И спрашивает: – Получила сегодня валентинки?

– Мам, с твоей стороны старомодно задавать такой вопрос. Ты должна спросить, подарила ли я кому-нибудь открытку. Я не какая-то там пассивная дуручка, которая сидит и ждет, когда мальчишки сделают что-то такое, чтобы произвести на нее впечатление.

– Отлично, – говорит она. – Рада это слышать. Ты послала кому-нибудь открытку?

– Ни за что! – восклицает Джорджия. – Ты видела мальчишек в моей школе? Отстой! – Джорджия кладет валентинку. – Где папа?

– Ушел на пробежку.

– Вот ненормальный.

Джорджию и Кейт объединяет нелюбовь к бегу. Ни одна из них не создана для него. От пота у обеих начинает зудеть и чесаться тело, и обе не любят ощущение твердого асфальта под ногами. Они обе считают, что в своем спортивном костюме из лайкры Роан выглядит довольно нелепо.

Джош входит на кухню, как обычно, чуть растерянно, как будто что-то ищет, но без особого воодушевления. Он подходит к Кейт и обнимает ее. Она чувствует исходящий от него запах школы и дезодоранта. Затем сын лезет в задний карман и вытаскивает помятый конверт.

– С Днем святого Валентина! – говорит Джош.

Кейт открывает конверт и вытаскивает открытку, которую он сам сделал из черного картона с красным бумажным сердечком на бумажной петельке. Внутри написано: «Лучшей в мире маме. Я так люблю тебя».

Он каждый год сам делает для нее валентинку – с раннего детства. Он из породы милых, ласковых мальчиков: любит маму больше всего на свете, возносит ее на пьедестал. В каком-то смысле это ей льстит. Но она боится, что достаточно одного неверного шага или резкого слова, чтобы полностью разрушить эту духовную связь.

– Спасибо, сынок, – говорит Кейт, целуя его в щеку.

– Не за что, – говорит он и тотчас добавляет: – Что на ужин?

Кейт выключает духовку, достает куриные гужоны и ставит открытку рядом с двумя другими, уже стоящими на кухонном столе. И когда она это делает, у нее ёкает сердце. Джорджия открыла белый

конверт, адресованный Роану. Она уже вытащила открытку и собирается ее развернуть.

– Боже мой, Джорджия! Что ты делаешь?

Кейт выхватывает открытку из рук дочери.

– Блин! Зачем так психовать? Это ведь просто открытка.

– Да, но она адресована папе. Нехорошо открывать чужую почту.

– Но ты же открываешь мою!

– Да, но ты же ребенок! И я бы никогда не открыла нечто такое, что выглядит слишком личным. – Она берет конверт, надеясь вставить открытку обратно, но дочь, как это обычно за ней водится, чтобы вытащить открытку, фактически разорвала конверт пополам. – Черт, Джорджия. Не могу поверить, что ты это сделала. О чем ты думала?

Джорджия пожимает плечами.

– Просто хотела посмотреть, кто шлет папе открытки ко Дню святого Валентина.

Кейт грубо сует карточку в нижнюю половину разорванного конверта и засовывает ее в ящик. Ей не хочется сейчас даже думать об этом.

– И ты даже не посмотришь? Чтобы узнать, от кого она?

– Нет. Это меня не касается.

– Как ты можешь так говорить? Он твой муж. Валентинки от посторонних людей – это тебя касается на все сто процентов.

– Вероятно, это кто-то из его пациентов, – говорит Кейт. – То есть вообще не мое дело.

– Но если это кто-то из его пациентов, то откуда, черт возьми, они взяли этот адрес?

– Понятия не имею, – отвечает Кейт. – Может, он был написан на чем-то в его офисе. На табличке, возможно. Я не знаю.

– Гм. – Джорджия театрально приподнимает бровь и прикладывает палец ко рту. – Что ж, тогда желаю хорошего Дня святого Валентина в пабе, – шутливо говорит она. Она относит пустую тарелку к раковине и, как обычно, с громким стуком бросает ее туда. – Есть что-нибудь хорошее вместо пудинга?

Кейт передает ей коробку с пчелиными сотами в шоколаде и поворачивается к кухонному окну, где видит свое лицо. Лицо немолодой женщины, которая выглядит так же, как и она. Женщины,

чья жизнь, как ей кажется, движется по темной извилистой тропе туда, где она не хочет быть.

Ее пальцы нащупывают ручку кухонного ящика, того самого, где спрятана загадочная открытка Роана. Она выдвигает ящик, затем снова плотно его закрывает и выходит из комнаты.

* * *

Роан возвращается лишь после восьми. В течение десяти минут, с восьми пяти до восьми пятнадцати, Кейт звонит ему трижды, но он не отвечает на ее звонки. Когда в восемь двадцать он, наконец, появляется в коридоре, потный, почти измученный, то идет напрямиком в спальню, чтобы принять в ванной душ.

– Я буду готов через пять минут! – кричит он ей из коридора.

Кейт вздыхает, берет телефон и несколько мгновений бездумно просматривает Facebook. Открытка все еще в ящике стола. Кейт все еще не прочитала ее. В восемь сорок Роан, наконец, готов к походу в паб.

Они прощаются с детьми, которые сидят в своих комнатах и делают уроки или, по крайней мере, набирают на своих ноутбуках что-то, что якобы является их домашним заданием.

Они поднимаются по склону холма в деревню. Воздух влажный и липкий. Кейт чувствует, как ее кожа тоже становится липкой. Она хочет протянуть ладонь, чтобы взять Роана за руку, но не может заставить себя это сделать. В эти дни держаться за руки, обниматься в постели, побуждать к сексу или целоваться в губы похоже на выражение одобрения, подобно звездочкам в таблице вознаграждений – действия, которые неким образом нужно заслужить. Взять Роана за руку – значит, признать, что они все те же, что и двадцать пять – тридцать лет назад, что она по-прежнему чувствует то же самое, что чувствовала к нему тогда, но она не может закрыть глаза на все, что случилось с тех пор. Не может притворяться, будто ничего этого не было.

– Итак, – говорит она, – как прошел день?

– Я хорошо пообедал. Я проследил за тем, чтобы к ужину у меня был аппетит.

– Понятно. И что ты ел на обед?

– Съел большую тарелку пасты со сливочным соусом. Я не ожидал сливочного соуса, но все равно умял его целиком.

– За рабочим столом?

– Нет, нет, я ездил в город.

Его тон легкий, непринужденный. Никаких признаков того, что за его обедом в городе кроется что-то предосудительное, но ее голос по-прежнему звучит нехорошо, слишком пронзительно.

– И что же это было?

– Просто встретился с Джерри. Ты его знаешь. Из Университетского колледжа Лондона, помнишь? Он предложил мне взять в следующем году модуль первого года обучения по детским психозам. Три часа в неделю. Сотня в час.

– Понятно, – говорит она, и странная тьма начинает немного рассеиваться. – Это здорово! И ты согласился?

– Конечно, согласился! Дополнительно 1200 фунтов в месяц. Этих денег хватит на приличный отпуск или даже два. Пару новых диванов, когда мы переедем в новый дом. Плюс мне очень нравится Джерри. И я слопал бесплатную порцию пасты. Так что тут даже не о чем раздумывать.

Роан смотрит на нее и улыбается, и это прекрасная, искренняя улыбка, лишенная какого-либо притворства или скрытых намерений. У него был хороший обед в компании хорошего человека, а теперь у него будет хорошая работа, которая обеспечит им хороший отпуск и покупку нескольких хороших диванов. Кейт невольно улыбается следом.

– Прекрасно, – говорит она. – Правда, прекрасно.

Ее так и тянет спросить, почему Роан ничего не сказал про обед, когда они разговаривали сегодня утром. Она бы сказала ему, что встречается с кем-то за обедом, чтобы поговорить о работе. Но тут же отгоняет эту жалкую мысль прочь, чтобы не портить настроение.

Они достигают вершины холма, и деревня Хэмпстед, как обычно, открывается перед ними, словно сон или съемочная площадка. В переулке с булыжной мостовой они находят паб, где в каминах горит огонь, а на старых волнистых половицах растянулись собаки. И хотя они решили, что не намерены специально отмечать День святого Валентина, Роан возвращается из бара с бутылкой шампанского и

двумя холодными бокалами. Они поднимают тост за его новую работу, и на их лицах танцуют тени, отбрасываемые языками пламени, и рука Роана находит на сиденье ее руку и берет ее в свою. Это так приятно, и Кейт на время забывает об открытке в ящике стола.

Мне было двенадцать с половиной, когда я впервые встретила Роана Форса. К этому моменту я резала себя уже более двух лет. Я как раз начала ходить в восьмой класс, и мальчики начали становиться проблемой.

Их внимание, их взгляды, то, о чем они думают и что они говорят обо мне друг другу, – проведя большую часть детства в обществе мальчишек, я знала, что происходит за сценой, – вызывали у меня чувство усталости, опустошенности. Мне очень понравилась идея *терапии* – побыть в тихой комнате со спокойным мужчиной, тихо разговаривая с ним о себе примерно в течение часа.

Я представляла себе старикана с растрепанными волосами, в очках, может, даже в твидовом пиджаке или с моноклем в глазу. Я не ожидала увидеть крутого чувака с ярко-голубыми глазами, острыми, высокими скулами, длинными худыми ногами в черных джинсах, которые он постоянно скрещивал то так, то этак, пока у меня не закружилась голова. Его руки, когда он хотел что-то описать, двигались, словно странные бледные экзотические птицы. И кроссовки «Peng». Что, согласитесь, круто для немолодого чувака. И запах чистой одежды, мой любимый запах, запах деревьев, травы, облаков и солнечного света.

Нет, конечно, я не заметила всего этого во время нашей первой встречи. Когда я впервые увидела его, я была еще ребенком и просто подумала, как же круто он выглядит, совсем как Доктор Кто из сериала.

Он довольно долго смотрел в блокнот, прежде чем взглянуть на меня.

– Сафайр, – сказал Роан Форс. – Просто невероятно блестящее имя.

– Ага. Спасибо, – сказала я. – Его выбрала моя мама.

Такое имя могла выбрать своему ребенку только девятнадцатилетняя мать, верно?

– Итак, Сафайр, расскажи мне о себе, – попросил он.

– Что именно? – Все знают, что детям нельзя задавать открытые вопросы. Они не умеют отвечать на них.

– Например, расскажи мне о школе. Как там твои дела?

– Хорошо, – сказала я. – У меня все хорошо.

Ну вот, приехали, подумала я, какой-то парень ставит галочки, заполняет анкеты, идет домой, чтобы посмотреть «Игру престолов», съесть киноа или что там приготовит ему жена. Это не сработает, подумала я. Как вдруг он сказал:

– Скажи мне, Сафайр, что самое худшее, самое-самое худшее, что когда-либо случилось с тобой?

И тогда я поняла, что мы к чему-то придем. Я еще не знала, куда, просто знала: это такой момент в моей жизни, когда мне нужно, чтобы кто-то меня спросил, что в ней было самое худшее, а не спрашивал меня, все ли на месте или хочу я на ужин курицу или рыбу.

Я не сразу ответила ему. Я растерялась. Первым пришло в голову очевидное. То, что случилось, когда мне было десять лет. Но я не хотела ему это рассказывать. Пока еще не хотела. Он ждал примерно минуту, когда я ему отвечу. И тогда я сказала:

– Все.

– Все?

– Да. Все. Моя мама умерла до того, как я ее запомнила. И моя бабушка. Мой дедушка был отцом-одиночкой, воспитывал троих детей и внуку, но потом он сильно заболел, и мой дядя был вынужден взять на себя заботу обо всех нас, а он тогда был примерно моего возраста. У него не было нормальной жизни. Никогда. У нас был волнистый попугайчик. Он умер. Соседка, которая причесывала мне волосы, звали ее Джойс... она тоже умерла. Моя любимая учительница начальной школы, мисс Рэймонд, заболела раком и умерла вскоре после того, как вышла замуж. У моего дедушки артрит, и его почти все время мучают боли.

Я резко остановилась, как раз перед самым главным событием из всех этих плохих событий, событием, которое привело меня в его кабинет. Я смотрела на него, в его голубые глаза – как у тех собак, что

похожи на волков. Я хотела, чтобы он сказал: «Бедняжка. Неудивительно, что ты все эти годы резала себя».

Но вместо этого он сказал:

– А теперь расскажи мне самое лучшее, что с тобой когда-либо случилось.

Честно говоря, я опешила. Как будто все, что я только что сказала, ничего не значило. Как будто он даже не слушал меня.

В первый миг я даже не хотела ему отвечать. Я просто сидела. Но тут кое-что внезапно пришло мне в голову. В начальной школе была девочка по имени Лекси. Она была всеобщая любимица, очень добрая. Все учителя любили ее, и все дети тоже. Она жила в красивом доме на красивой улице, с хрустальными люстрами и бархатными диванами и всегда приглашала на свои дни рождения весь класс, даже меня, хотя я на самом деле не была в числе ее подружек.

Однажды у нее была вечеринка с животными. Приехал старик с белыми волосами, в фургоне, полном ящиков и клеток, внутри них – по животному, и нам разрешили потрогать их. Он привез шиншиллу, змею, насекомых палочников, полевку, хорька, птиц, паука-птицееда. Еще он привез сову-сипуху. Мальчика. Его звали Гарри.

Мужчина с белыми волосами оглядел всех детей, увидел меня и сказал:

– Вот ты, например, не хочешь поддержать Гарри?

Он вывел меня вперед и дал большую кожаную перчатку, а затем посадил сову Гарри на мою протянутую руку, и я стояла там, а Гарри повернул свою большую голову и посмотрел на меня, и я посмотрела на него, и мое сердце просто взорвалось чем-то теплым, бархатистым, глубоким и умиротворяющим. Как будто я любила его, любила эту сову. Что было просто глупо, потому что я его не знала, а он был совой.

Так что я посмотрела на Роана Форса и сказала:

– Я держала сову на дне рождения Лекси, когда мне было девять лет.

И тогда он сказал:

– Обожаю сов. Они удивительные существа.

Я кивнула.

– Что ты чувствовала, когда держала сову? – спросил он.

– Мне казалось, что я его люблю. Этого Гарри, – сказала я.

Он что-то записал.

– Кого еще ты любишь? – спросил он.

Я подумала: хм, разве мы не должны говорить о совах?

– Я люблю своего дедушку, – сказала я. – Люблю своих дядюшек.

Люблю своих племянниц.

– А друзей?

– Я не люблю своих друзей.

– На что похожа любовь?

– Она похожа на... это похоже на потребность.

– На потребность?

– Да, вы любите кого-то, потому что он дает вам то, что вам нужно.

– А если этот человек перестанет давать тебе то, что тебе нужно?

– Тогда это не любовь. Это что-то другое.

– А сова?

Я опешила.

– Что?

– Сова. Ты сказала, тебе казалось, что ты любишь сову.

– Да.

– Но сова тебе не нужна.

– Нет. Я просто любила Гарри.

– Это было похоже на то, как ты любишь своего дедушку?

– Нет, – ответила я. – Это казалось... чистым.

Я поняла, что мои слова звучат неправильно, и поправила себя.

– Не подумайте, что в любви к дедушке есть что-то нечистое. Но я тревожусь о нем. Я боюсь, что он умрет. Боюсь, что он не сможет дать мне то, что мне нужно. И мне от этого плохо. Я не чувствовала себя плохо из-за совы. Наоборот, мне было только хорошо.

– Как ты думаешь, оба типа любви одинаковы?

– Да, – кивнула я. – Я так думаю.

Затем он умолк, посмотрел на меня и улыбнулся. Я не ожидала, что он улыбнется. Я думала, что его контракт запрещает ему улыбаться во время сеанса терапии. Но он улыбнулся. Возможно, потому, что мы только что говорили об этом, не знаю, но я вновь ощутила то мягкое, бархатистое чувство прикосновения к сове. Так что да, возможно, Роан Форс был нужен мне еще до того, как я это поняла.

Я впервые увидела Роана вне терапевтического сеанса в Портмане примерно через год или около того после нашей первой встречи. Я шла из школы домой, а он как раз выходил из здания школы напротив моей квартиры, где учился один из его пациентов. Он был весь такой щеголеватый, с портфелем, в голубой рубашке. Он разговаривал с другим мужчиной, тоже щеголеватым и *портфельчатым*. Затем они разошлись, он повернулся, чтобы перейти улицу, и увидел, что я смотрю на него.

Я подумала, он просто помашет рукой и пойдет дальше. Но я ошиблась. Он перешел дорогу и остановился передо мной.

– Привет, – сказал он. Он стоял, засунув руки в карманы, и слегка покачивался на пятках. Не знаю, почему, но из-за этого он напомнил мне учителя, и у меня возникло то самое чувство «фу-у-у-у», которое возникает, когда вы видите учителя вне школы, как будто он голый или что-то в этом роде. Но в то же время мне было очень приятно видеть Роана.

– Привет, – сказала я.

Мне стало интересно, как я выгляжу в его глазах? В тот день у меня были накладные ресницы. Это было в начале 2016 года – у всех были накладные ресницы. В то время я не думала, что выгляжу глупо, но, вероятно, так оно и было.

– Закончились уроки в школе? – спросил он.

– Да. Иду домой. – Сказав это, я посмотрела на высотку, на восьмой этаж. Я моментально узнавала с земли свой этаж по уродливым красно-зеленым полосатым занавескам в окне соседней квартиры номер тридцать пять. Своего рода отличительный знак.

– Живешь там, наверху? – спросил Роан.

– Ага, – сказала я. – Там, наверху.

– Готов поспорить, оттуда красивый вид.

Я пожала плечами. Лично я с радостью отказалась бы от вида ради дома с большим количеством комнат.

– Итак, наша следующая встреча?

– В среду, – сказала я.

– В семнадцать тридцать?

– Ага.

– Значит, увидимся в среду.

– Да. Увидимся в среду.

Я направилась к входу в дом. Открывая дверь, я обернулась, потому что почему-то ожидала, что Роан все еще будет стоять и наблюдать за мной. Но он не наблюдал. Он ушел.

* * *

Роан и его семья переехали в квартиру недалеко от Портман-центра в январе прошлого года. Откуда я это знаю? Потому что я видела их буквально в тот день, когда они въехали в новый дом. Я шла в деревню по тем большим улицам, которые ведут от моего микрорайона в гору, по улицам, где полно особняков, машин «Тесла» и ворот с электронными замками.

Во втором ряду был припаркован фургон с включенной аварийкой, и несколько молодых парней разгружали ящики, лампы, стулья и прочее. Дверь в дом была распахнута настежь, а мне всегда нравилось заглядывать в открытые двери, и я увидела женщину – худую, в джинсах, розовом джемпере и кроссовках. Тонкие светлые волосы до плеч. И еще там был мальчик, подросток, и они вносили вещи в дверь в конце коридора, а потом им навстречу появился мужчина, и это был он. Роан. В толстовке и джинсах. Он подошел к задней части фургона и что-то сказал одному из парней внутри, и я уже было пошла дальше, как у меня внезапно возникло желание дать ему знать, что я его видела. Я уже собралась перейти улицу и поздороваться, когда появилась женщина в розовом джемпере. Тогда я не знала точно, что она его жена, но, с другой стороны, кто еще это мог быть?

Они что-то сказали друг другу, а затем оба скрылись в фургоне. У меня перехватило дыхание, и я пошла своей дорогой. Но прежде чем пойти дальше, я заметила номер на их входной двери: семнадцать.

Я ни разу не сказала Роану, что видела, как он переезжал в свой новый дом. Мы не говорили о таких вещах. Я даже не задумывалась о том, где он живет или какова его жизнь за пределами нашей комнаты в Портман-центре. Во время следующего сеанса, дня через четыре после

его переезда, мы сразу же приступили к нашим обычным делам. Он не сказал мне, что переехал, и я не сказала ему, что знаю об этом.

Затем, примерно через пару недель, Роан сказал, что, по его мнению, мы скоро сможем прекратить наши сеансы. Он сказал это так, будто мне приятно это слышать. Как будто это то, чего мне очень хочется, как будто это была школа или уроки плавания. Он сказал, что, по его мнению, еще два или три сеанса должны «привести нас к тому, к чему мы должны прийти».

Странно, знаете ли, потому что я не дуручка, и все же я была ею, раз я думала, что наши сеансы будут продолжаться до тех пор, пока я не захочу остановиться. Или, может, даже бесконечно.

– Откуда вы знаете? – спросила я. – Откуда вы знаете, к чему мы должны прийти?

Он улыбнулся своей странной, ленивой улыбкой, как будто его это не беспокоит, мол: гори все синим пламенем!

– Это моя работа, Сафайр.

– Да, но разве я не имею права голоса?

– Конечно, имеешь. Конечно. Что бы ты сказала?

Я была вынуждена остановиться и задуматься над своим ответом, потому что я не совсем понимала, чего хочу. На неком глубинном уровне мне по-прежнему требовались еженедельные рамки часа, проведенного в кабинете Роана. Привычный вид подвесного потолка с тремя галогеновыми лампами, одной болезненно-желтой и двумя ярко-белыми. Окно с двойным остеклением с видом на сломанную ветку дерева, которая зимними вечерами, когда дул ветер, раскачивалась взад-вперед, рассекая тени сквозь натриевый свет уличного фонаря. Два красных стула, обитых мягкой тканью. Низкий деревянный столик с салфетками и маленькая белая лампа. Коричневый ковер с белым засохшим пятном у изножья кресла. Приглушенные звуки проходящих мимо двери людей. Я хотела и дальше каждую неделю видеть ноги Роана, в кожаных туфлях на шнурках, в белых кроссовках, в дурацких сандалиях на липучках или в зимних ботинках.

Мне хотелось слышать его низкий размеренный голос, задающий вопросы, его легкое покашливание, пока он ждал моего ответа. А затем, после сеанса, я хотела пройти мимо театральной студии, мимо станции метро, мимо фермерского рынка, мимо театра, чувствуя, как под моими ногами меняется текстура времени года: скользкие, мокрые

листья, раскаленная от солнца брусчатка, чавкающий снег, грязные лужи, что угодно. Все эти долгие месяцы, а теперь и годы, с Роаном Форсом, как они могли закончиться? Это все равно что сказать мне, что дня и ночи больше не будет, что в сутках больше не двадцать четыре часа. Это было так фундаментально.

– Я бы сказала, что я еще не готова, – в конце концов промямлила я.

– Как, по-твоему, в чем именно ты не готова?

Я пожалала плечами и сказала какую-то хрень о том, что меня иногда по-прежнему тянет причинить себе вред, хотя такого желания у меня не возникало вот уже более года.

Он посмотрел на меня так, словно видел меня насквозь.

– Хорошо, – сказал он. – Пусть будут еще две или три недели. Но, честно говоря, я не думаю, что в этом есть необходимость. Ты просто чудо, Сафайр. Мы проделали невероятную работу. Ты должна быть довольна.

Я все еще не рассказала ему о том плохом, что случилось со мной, когда я была в пятом классе. Нет, я хотела сказать ему, чтобы он заткнулся. Я хотела сказать: *когда мне было десять лет, кто-то сделал со мной что-то невыносимое, а вы говорите со мной без перерыва более трех лет и до сих пор этого не знаете, так как же вы можете говорить, что я должна быть довольна?* Меня так и подмывало сказать ему: *вы дерьмовый психолог.* Я много чего хотела сказать. Но я не сказала. Я просто ушла.

Через три недели Роан Форс закончил наши сеансы. Он попытался сделать из этого большой, счастливый момент.

Я сделала вид, будто все хорошо.

Но это было не хорошо.

Это было далеко не хорошо.

Я говорила вам, что я хорошо обученный убийца? Что я воин-ниндзя?

Ну, вообще-то, не совсем. Но у меня черный пояс по тхэквондо. Прямо через дорогу от меня, в спорткомплексе, есть школа боевых искусств. Профессионалы называют ее словом «додзё», и я хожу туда с шести лет. Так что вы наверняка решите, что я могла бы в два счета защитить себя от тощего шестиклассника с похотливыми руками и нездоровым складом ума. Но нет, я была жалкой, я позволила этому случиться, а потом годами наказывала себя за это, а тем временем Харрисон Джон спокойно перешел в среднюю школу.

Он мог бы даже подумать, что мне это нравилось, потому что я была такой пассивной. Но мне не нравилось. Каждую неделю на занятиях по тхэквондо я пинаю, хрюкаю, потею и представляю, что каждый мой удар обрушивается на голову Харрисона. Я мысленно рисую стены, заляпанные его кровью, ошметками его крошечных, с горошину, мозгов, осколками его черепа.

Но в школе, когда я была младше, я просто позволила этому случиться. Я позволила этому случиться трижды.

Я все еще хожу на тхэквондо раз в неделю. Вообще-то это просто привычка, но за последние несколько месяцев мои навыки мне оченьгодились. Я вовсе не коротышка, мой рост пять футов восемь дюймов, а с распущенными волосами я выгляжу еще выше. Я занимаю пространство в окружающем мире. Люди замечают меня. При этом у меня легкий, почти беззвучный шаг. Если мне нужно, я умею двигаться, как тень. Я натягиваю на голову капюшон, опускаю подбородок, но смотрю вверх. При желании я могла бы запросто пройти по улице мимо родного дяди, и он бы даже не заметил меня.

Первая неделя, когда у меня не было сеанса с Роаном, прошла нормально. Раньше я иногда пропускала сеансы, когда болела, или он был в отпуске, или что-то еще. Но как только впереди замаячила третья неделя, я внезапно ощутила внизу живота эту холодную капельку, ледяную воду. Я представила Роана: вот он сидит в нашей комнате для сеансов на наших обтянутых тканью стульях с кем-то еще,

с новым ребенком с его или ее дурацкими проблемами, и вынужден притворяться, будто их проблемы интересуют его так же, как и мои.

Однажды я шла домой из школы. Было примерно двадцать пять минут шестого, и я вспомнила, что именно в это время я обычно шла в Портман-центр на сеанс с Роаном.

Внезапно я поймала себя на том, что сворачиваю направо, а не налево, что шагаю по знакомым улицам в сторону Портман-центра. Солнце уже садилось, а на мне поверх школьной формы была большая черная куртка «Пуффа», черные колготки, черные туфли, волосы зачесаны назад, капюшон поднят. Я прокралась между деревьями на стоянке и посмотрела на его окно.

Знаете, как долго я там стояла?

Я простояла там почти час.

Был март, и было холодно. Очень, очень холодно.

Время от времени я видела внутри намеки на движение, потом во всех кабинетах загорелся свет, и я поняла, что наступил вечер. От холода у меня стучали зубы, но я подумала, что простояла там слишком долго, и не могу уйти сейчас, не могу уйти, пока не увижу его.

Наконец, минут через двадцать, появился Роан. В длинном черном пальто и трикотажной шапке. Даже издали я видела его дыхание, размытое желтое облачко в свете уличного фонаря. Затем он улыбнулся, и я на миг подумала, что он увидел меня, но я ошиблась. Он улыбался кому-то другому, девушке, шедшей за ним следом. На вид ей было лет восемнадцать-девятнадцать. Он придержал для нее дверь, затем девушка закурила, и я увидела, как они стали курить одну сигарету на двоих. Я еще подумала: нельзя курить одну сигарету с тем, кого не знаешь по-настоящему. Еще я подумала, что ни разу не видела, чтобы Роан курил, ни разу за все годы, что я была его пациенткой.

Выкурив сигарету, они вернулись в здание, Роан снова придержал для нее дверь и, входя за ней, как будто к ней прижался. Я видела, как она повернулась и улыбнулась ему.

Я пришла в Портман-центр, чтобы удовлетворить какую-то странную потребность снова увидеть его. И я дождалась его и увидела в нем другого человека: курящего, стоящего слишком близко к молодым женщинам.

Но и этого мне было мало. Во всяком случае, мой аппетит к встречам с ним усилился. Я простояла на улице еще полчаса, пока автостоянка не начала пустеть. Входная дверь постоянно открывалась и закрывалась: сотрудники расходились по домам, весело прощались, предлагали пропустить по стаканчику, жаловались на холод на улице. Я узнала некоторых из них – секретарш, администраторов, медсестер, – с которыми имела дело на протяжении многих лет. А потом вновь появился Роан. Он снова был с той девушкой. Он снова галантно придержал для нее дверь, и она, улыбаясь, нырнула под его протянутую руку, как в каком-то танце. Я сделала фото на телефон. Можете назвать меня странной, но мне казалось, что я должна на досуге поразмыслить над этим в уединении своей комнаты. Мне нужно было проанализировать язык тела этой девушки, улыбку Роана и понять, что происходит и что, собственно, я увидела.

Я почти ожидала, что они пойдут вместе, но нет. Они лишь слегка обнялись, что-то вроде полуобъятия, в котором соприкоснулись только их плечи и щеки, затем она закинула сумку на плечо и зашагала в сторону станции метро. Роан мгновение постоял, вытащил телефон и несколько раз провел пальцем по экрану. В свете экрана я увидела его лицо. Роан выглядел старым. Но затем его лицо просветлело, он убрал телефон в карман, повернулся и догнал девушку. Теперь они были довольно близко ко мне, и я слышала, как он окликнул ее.

– Подожди, Анна, подожди, – крикнул он.

Она остановилась и обернулась, и я увидела в ее ухе множество блестящих сережек.

– У меня есть полчаса, – сказал он. – Если ты не торопишься домой, может, выпьем кофе? Или что-нибудь покрепче?

Он откровенно нервничал, как идиот.

Но девушка улыбнулась и кивнула.

– Конечно, – сказала она. – Конечно. Я никуда не спешу.

– Отлично, – сказал Роан. – Как насчет нового заведения, что недавно открылось напротив метро?

– Только «за», – ответила Анна.

Они зашагали вперед, в холодной темноте их шаги звенели по асфальту. Они вышли на улицу, а я осталась стоять, промерзшая до костей, невидимая среди деревьев.

В окно вестибюля на третьем этаже Оуэн наблюдает, как с тяжелого серого январского неба лениво падают хлопья снега. Он ненавидит лондонский снег – тот многое обещает, но не дает ничего, кроме коварных скользких тротуаров, опоздавших поездов и хаоса.

Оуэн преподает информатику шестнадцати-восемнадцатилетним студентам в колледже Илинга. Он преподает здесь уже восемь лет. Но в данный момент он никого не учит. В данный момент он ожидает вызова в кабинет директора по некой неозвученной, но довольно зловещей причине. От такой перспективы его желудок неприятно урчит. Наконец, его вызывает секретарша директора.

– Джед готов принять вас, – говорит она, отложив в сторону телефон.

В кабинете Джеда Оуэн с удивлением видит Холли МакКинли, начальницу отдела кадров, и Клэрис Девер, школьного психолога. Атмосфера тяжелая и мутная. Клэрис не смотрит на него, когда он входит, а ведь он всегда воспринимал ее как друга или, по крайней мере, как человека, который иногда с ним разговаривает.

Холли встает из-за стола.

– Спасибо, что зашли к нам, Оуэн.

Она протягивает руку, и Оуэн пожимает ее. Чувствуя, что его ладонь влажная, он подавляет желание извиниться.

– Пожалуйста, присаживайтесь. – Джед указывает на пустой стул перед ними.

Оуэн садится. Он смотрит на свои туфли. Они совсем новые, он их купил только вчера, они ему не жмут. Это не его обычный стиль. Туфли из коричневой кожи, со слегка заостренными мысами, модные. Он все ожидает, что кто-то обратит на них внимание, скажет, мол, какие красивые туфли, но пока их никто не замечает. Поэтому он смотрит на них и недоумевает, зачем он их купил.

– Боюсь, – начинает Клэрис, – к нам поступила жалоба. На самом деле, даже две. Обе касаются одного и того же инцидента.

Оуэн слегка прищуривается. Его мозг судорожно пролистывает все, что происходило на работе за последние несколько месяцев, в поисках того, что можно было бы назвать инцидентом, но ничего не находит.

Клэрис бросает взгляд на свои бумаги.

– Четырнадцатого декабря прошлого года, на рождественской вечеринке?

Оуэн снова щурится. Рождественская вечеринка. Он не собирался идти на нее. Два предыдущих года он на ней не был. Штатный преподаватель на студенческой вечеринке – это золотая середина между строгим соглядатаем и чрезмерно активным участником. Но он уступил давлению двух девушек со второго курса, Моники и Мейзи.

– Да ладно, сэр, – сказали они (они настаивали на том, чтобы называть его «сэр», хотя все остальные называли его Оуэном). – Мы хотим посмотреть, как вы танцуете.

В этом, по сути, сексуальном домогательстве не было ничего нового. Такое происходило постоянно: Оуэн был человек тихий, не имел привычки распространяться о своей личной жизни. Склонный к застенчивости, он привык проводить четкую границу между своей профессиональной и личной жизнью. Неудивительно, что некоторые студенты пытались сломать эту линию обороны. Обычно это были девушки, и, как правило, они использовали для этого свою сексуальность.

Но они достали его, Моника и Мейзи, – *«не будьте таким скучным, сэр, жизнь слишком коротка»*, – и в конце концов он капитулировал.

И остался на вечеринке до конца. Он пил. Он танцевал. Он вспотел – *«Фу, сэр, да вы весь мокрый от пота!»* – вернулся домой поздно вечером на метро, чувствуя странную смесь триумфа и стыда, и проснулся на следующее утро с головой, похожей на мокрое кухонное полотенце. Но, подумав, Оуэн решил, что неплохо оттянулся. Это был вечер, достойный своих последствий.

– Две студентки утверждают, что вы делали, – Клэрис снова смотрит на свои бумаги, – *«неуместные комментарии относительно их сексуальных предпочтений»*.

Оуэн слегка покачивается на стуле.

– Я делал?..

Клэрис перебивает его.

– Что вы слишком подробно описали свои собственные сексуальные предпочтения. Что вы прикасались к ним ненадлежащим образом.

– Я...

– Прикасались к их плечам и волосам. Похоже, вы также намеренно смахнули немного пота со лба и волос на лица девушек.

– Нет! Я...

– Не только это, Оуэн, там также говорится о вашей манере общения с девушками на уроках, о вашем пренебрежительном тоне.

Руки Оуэна сжаты в кулаки, они лежат на коленях. Он смотрит на Клэрис.

– Нет. Абсолютно нет. Я разговариваю со всеми своими учениками одинаково. На сто процентов. Что касается пота, это была случайность! Я танцевал, крутился, с моей головы слетели капли пота! Это было абсолютно неумышленно! А те девушки, – я точно знаю, о каких девушках вы говорите, – они приставали ко мне, месяцами подначивали меня.

– Я боюсь, Оуэн, нам придется начать расследование по этому поводу. На данный момент мы не можем поверить вам на слово. Упомянутые девушки утверждают, что и другие студенты готовы засвидетельствовать ваш сексизм на занятиях. И готовы рассказать о вашем поведении на рождественской вечеринке.

В голове Оуэна образуется плотный сгусток ярости. Ему хочется вырвать его оттуда, швырнуть им в дисциплинарную комиссию, особенно в Клэрис, которая смотрит на него со странным сочетанием жалости и смущения.

– На рождественской вечеринке не было никакого «поведения». Я не позволяю себе никакого «поведения». Я всегда, в любой ситуации веду себя профессионально. В учебной аудитории и вне ее.

– Что ж, Оуэн, мне очень жаль, но мы начинаем расследование, и, пока оно будет продолжаться, боюсь, мы будем вынуждены отстранить вас от работы.

– Что?!

– Мы не можем провести объективное расследование, пока вы находитесь в одной классной комнате с теми, кто вас обвиняет. Таковы правила. Мне очень, очень жаль.

Эти слова произнес Джед, на лице которого, надо отдать ему должное, по крайней мере, было написано искреннее сочувствие. В основном потому, подозревал Оуэн, что теперь ему придется переделать все расписание, чтобы все уроки были замещены, что, с учетом того, что коллега Оуэна, Элли Брюэр, собиралась уйти в декретный отпуск, было весьма проблематично.

– Итак, что... я хотел сказать, как долго?

– Мы начнем с двух недель, а потом свяжемся с вами. Но я сомневаюсь, что это продлится дольше месяца. Если, конечно, исход будет в вашу пользу.

– То есть я просто...

– Да, заберите из кабинета все, что вам нужно. Холли будет ждать вас в фойе, чтобы попрощаться.

Оуэн закрывает глаза, затем медленно их открывает. Его намерены вывести вон. А ведь он не сделал ничего плохого. Его так и подмывает схватить стул, на котором он сидит, и швырнуть его в окно за головой Джеда, посмотреть, как тот пробьет дыру в стекле, увидеть осколки, сверкающие на свежеснеженном снегу на автостоянке внизу. Он хочет войти в класс 6D, где, как он знает, в данный момент сидят Моника и Мейзи на лекции по микросервисам, встать перед ними во весь рост и крикнуть им в их глупые лица. Вместо этого, чувствуя, что вся его ярость скопилась в животе, он медленно поднимается и выходит из кабинета.

* * *

Час спустя он выходит из метро на Финчли-роуд. Снег уже перестал идти. Рюкзак на его спине весит, наверное, тонну. Теперь в нем лежит содержимое его стола, в том числе лампа из вулканического стекла. По идее, ее следовало оставить на работе, ведь он вернется через пару недель, но что-то заставило Оуэна взять ее, тем более что тихий голос нашептывал: «А вдруг они правы?»

От Финчли-роуд к его улице ведет небольшой, но очень крутой холм. На вершине этого холма есть две частные школы. Шагая вверх, он понимает, что сейчас полчетвертого, конец школьного дня. Следовательно, холм кишит толпами детей. Матери неторопливо идут следом, с крошечными рюкзаками и яркими бутылочками с водой. Хотя снег на земле превратился в кашу, он все еще толстым слоем лежит на автомобильных капотах. Дети собирают его пригоршнями, лепят снежки и кидаются ими друг в друга. Они носятся друг за другом и путаются у Оуэна под ногами. Он почти теряет равновесие и, чтобы остаться в вертикальном положении, хватается за стену.

Матери не обращают внимания. Оуэн ненавидит этих матерей, этих школьных мамаш с их жуткими легинсами и растрепанными волосами, их толстыми «пуховиками» с капюшонами из кроличьего меха, их поблекшим загаром после зимнего отпуска и кроссовками только что из коробки. Он задается вопросом, о чем думают эти женщины, когда их дети уже в постели и они одни держат в руках гигантские, размером с аквариум бокалы с вином? Что они собой представляют, когда они не в зале для занятий фитнесом и не забирают детей из школы? Где их место в масштабах целого человечества? Оуэн не может себе этого представить. С другой стороны, все женщины для него – вечная загадка, даже самые обычные.

Оуэн живет в огромной квартире на первом этаже большого дома на одной из самых красивых улиц Хэмпстеда. К дому ведет подъездная дорожка, неухоженная и неиспользуемая. Если она и нужна, то лишь как место для хранения мусорных баков и тех вещей, которые другие жители дома не хотят видеть в своих квартирах. На лужайке перед домом уже почти год стоит старое кресло. Никто не жалуется, потому что никому нет до него дела. Это здание, полное стариков и нелюдимых жильцов.

Квартира принадлежит его родной тете, Тесси. Это самая большая квартира в доме, с самыми высокими потолками, самыми высокими окнами, массивными четырехстворчатыми дверями с веерообразными окнами над ними, которых нет на других этажах дома. Спальня Оуэна находится в дальнем левом углу квартиры. Ее окно выходит на запущенный общий сад, за которым никто не ухаживает, и на пустырь за каменной стеной, где когда-то стоял величественный особняк. Этот дом – инородное тело на улице гляцевых новых многоквартирных

зданий и роскошных особняков с видеокамерами на воротах. Собственник дома – загадочный шотландец, известный как мистер Дж., который, похоже, умыл руки, сняв с себя всю ответственность за содержание этого некогда красивого здания. Тесси пыталась написать ему, но не получила ответа.

Тесси в настоящее время отсутствует. У нее есть дом в Тоскане, такой же убитый, как и ее лондонская квартира, и она порой подолгу живет там. Уезжая, она запирает все двери квартиры, кроме ванной и кухни. По ее словам, это нужно, чтобы уберечь ее вещи на случай кражи со взломом, но Оуэн знает истинную причину: она уверена, что он будет копаться в ее вещах. Даже когда Тесси здесь, она запирает за собой двери, а Оуэн никогда, даже в особых случаях, не перешагивал порог ее элегантной гостиной с высокими потолками.

Оуэн входит в квартиру и вдыхает знакомый, слегка похожий на туалетный, запах дешевого кондиционера для белья, которым пользуется во время стирки Тесси, застарелую вонь подушек и пыльных штор, сладковатый запах давно остывшего пепла в каминной решетке.

В это самое унылое время года уже начинает темнеть, и Оуэн включает свет, щелкнув пожелтевшими бакелитовыми выключателями, которые тревожно шипят под его пальцем. Пыльные лампочки излучают тоскливый желтоватый свет. В квартире собачий холод. В комнате Оуэна есть электрообогреватель. Тесси не включает обогрев, когда ее нет дома, и, даже когда она есть, редко пользуется отоплением, поэтому у него есть переносной обогреватель, спрятанный за шкафом. Если бы Тесси обнаружила его, она наверняка заставила бы Оуэна от него избавиться, будучи убеждена, что ей пришлось бы оплачивать разорительные счета за электричество.

Он бросает рюкзак на кровать и тяжело плюхается в маленькое кресло, обтянутое тканью в цветочек. Тянется к обогревателю и включает его в розетку. Из-за высоты потолка комната нагревается лишь спустя какое-то время, но как только становится тепло, он снимает свои новые туфли, и они исчезают под кроватью. Он больше не хочет их видеть, не говоря уж о том, чтобы их носить. По какой-то необъяснимой причине Оуэн считает, что в недавних событиях виноваты именно эти туфли. Они превратили его в того, кем он не является: человека, склонного к неуместным сексуальным

комментариям в адрес своих студенток, человека, которого следует изгнать из учебного заведения.

Он стягивает свитер и проводит руками по заряженным статическим электричеством волосам. Волосы у Оуэна тонкие. Он пытается зачесывать их на боковой пробор, но они всегда распадаются на средний пробор, и в итоге он выглядит так, будто сознательно выбрал такую прическу, как тот высокий парень из сериала «Офис». Не то чтобы Оуэн выглядел как тот парень из «Офиса». Оуэн намного симпатичней его. Никто никогда не говорил ему, что он симпатичный. Но ведь никто никогда не говорил ему, что он урод.

Оуэн смотрит в окно и видит, как в смолисто-буром небе снаружи крутится новый снежный вихрь. Каждая снежинка мелькает в свете уличного фонаря. Оуэн с тревогой думает о том, что завтра будет снег по колени, что утром он с трудом спустится с холма к станции метро, хватаясь за машины и стены, чтобы не упасть. А потом он вспоминает вчерашнее. «Инцидент» в колледже. Его отстранили от работы. Вещи из его кабинета в настоящее время лежат в сумке на его кровати. Завтра ему некуда идти. В холодильнике есть еда, ее хватит на двое суток. Снег может падать сколько угодно, ему до этого нет дела.

Вечером того же дня Оуэн открывает ноутбук и набирает в поисковике «ложные обвинения в сексуальных домогательствах». Он ищет в интернете совет, но вместо этого читает в «Гардиан» статью о том, как ложные обвинения в изнасиловании отразились на разных мужчинах. Обвинения, выдвинутые против него, бледнеют по сравнению с тем, в чем обвинили этих людей. Эти истории сначала шокируют его, но затем шок переходит в некое оцепенение, ощущение, что он всегда знал такое о женщинах. Конечно. Женщины лгут. Женщины ненавидят мужчин и хотят причинить им страдания. А что может быть проще, чем оскорбить мужчину обвинением в изнасиловании?

Оуэн закрывает глаза и большим и указательным пальцами зажимает переносицу, чувствуя, как подавленная ярость от предыдущей встречи начинает подниматься по его телу, словно ртуть. Он думает о Монике и Мейзи. Обе далеко не красавицы, так себе, но ведут себя так, будто он должен быть им по гроб жизни благодарен за то извращенное внимание, которым они его одаривают. Мейзи на самом деле толстая. (Хотя, говоря современным языком, без сомнения, считает себя «фигуристой». По мнению Оуэна, «фигура» существует только там, где есть талия, а не там, где бока выпирают наружу.)

Затем он вспоминает вчерашний вечер, ту глупую девушку, которая вышла из метро одновременно с ним, одновременно с ним пересекла Финчли-роуд, свернула с Финчли-роуд в том же месте, что и он, а затем повела себя так, будто он собирался наброситься на нее только потому, что *посмел* жить на той же улице, что и она. Он видел, как она достала телефон и кому-то позвонила, слышал ее задыхающийся голос, видел, как она каждые несколько минут крутила головой. Она искренне думала, что он сознательно преследует ее. Как будто он проявлял к ней интерес. Она была всего лишь девочкой-подростком. Оуэна не интересуют дети. Ему нравятся настоящие женщины, зрелые женщины, его ровесницы, женщины, которые имеют хорошую работу, носят красивую одежду и не одеваются как

бездомные бродяги, а ведь именно так сейчас выглядят девочки-подростки.

Мать девочки ждала ее, стояла в дверном проеме с искаженным от тревоги лицом, но дочь вернулась живой и здоровой.

«Здесь нет гадких мужчин, дорогая».

Чувствуя, как ногти впиваются в ладонь, Оуэн разжимает пальцы. Смотрит на красные полумесяцы на коже и рассеянно трет их большим пальцем. Затем снова обращает внимание на экран и прокручивает статью до конца, к комментариям. Оуэн обожает комментарии, темные места, где живут замшелые тролли. Ему нравится видеть, как низко падают некоторые люди, чтобы получить выброс эндорфина. Да он и сам иногда это делал. В то время это казалось своего рода спортом, хотя потом он испытывал жалкое раскаяние. Что, собственно, он внес в бурлящий суп человечества? Вообще ничего.

В разделе комментариев к этой статье присутствуют несколько разгневанных мужчин, но один особенно привлекает внимание Оуэна. Его никнейм – YourLoss, он красноречив и, похоже, хорошо информирован. Он сам через это прошел и пишет вот что:

*«Моя коллега, которая, кстати сказать, была далеко не картина маслом, решила, что мои попытки дать ей совет относительно ее личной жизни (а я могу сказать вам, что все, о чем эта женщина когда-либо говорила, было ее личной жизнью; я был заперт в кабинете с ней и еще одной женщиной, которая *весь день* говорила о мужчинах) на самом деле были не чем иным, как сексуальными прелюдиями. И, нет, конечно, она не сказала этого мне в лицо. Конечно, нет, ведь это было бы цивилизованно и человечно. Нет. Сразу дернула в отдел кадров. Там ей предложили консультации психолога.*

Мне же не предложили ничего, кроме недобрых взглядов и домыслов о моей виновности. Они ничего не доказали, и я сохранил свою работу. Но эта женщина попросила, чтобы ее перевели в другое место, а ее коллега поменялась кабинетом с кем-то на другой стороне лестничной площадки, и ее заменил мужчина. Этот бородатый тип с презрением смотрит на меня. Он наливает в кофе соевое молоко и называет гомосексуалистов ЛГБТАБВГД. Он в своей жизни явно был радикализован безудержными феминистками. Глупо, конечно, но я искренне верю в права женщин. Я считаю, что женщины должны

зарабатывать столько же, сколько и мужчины (при условии, что они работают так же много, как мужчины).

Я считаю, пусть они берут отпуск, чтобы завести детей, а затем возвращаются (при условии, что они не будут отпрашиваться, чтобы увидеть маленькую Салли в рождественском спектакле, оставив всех остальных коллег по колению в дерьме). Я считаю, что они должны иметь право шляться по ночам, напиваться и носить короткие юбки без риска подвергнуться изнасилованию. Так что да, я тоже феминист. Но я еще и реалист. Маятник качнулся слишком далеко. Пора бросить в маятник гаечный ключ, остановить его движение, оттолкнуть чуть назад в нашу сторону. Неудивительно, что в наши дни мужчины хотят быть женщинами. Какой мальчик-подросток, видя, что ждет его в будущем, не предпочел бы быть женщиной, чтобы иметь все права и защиту? А кто защищает мужчин? Никто. На нас всем наплевать. Пора, братцы, пора. Настало время...»

Комментарий YourLoss на этом заканчивается, обрывается на самом интересном месте. Время для чего? – задается вопросом Оуэн. Действительно, время для чего?

Оуэн идет в кухню, чтобы налить себе чашку чая. Он стоит спиной к столу и ждет, когда закипит чайник. Кафельный пол под его ногами – Оуэн в одних носках – ледяной. Над кухонным окном повисла огромная занавеска густой паутины. Раньше к Тесси приходила уборщица, но она умерла три года назад, и замена ей так и не нашлась. Оуэн делает для поддержания чистоты все, что в его силах, но это не включает в себя балансирование на стремянке с метелкой из перьев.

В ожидании чая он думает о посте пользователя с ником YourLoss и ощущает странное возбуждение. Ощущает связь с автором: мужчина того же возраста, что и он, живет где-то к югу от Лондона и переживает последствия ошибочного и несправедливого обвинения в сексуальных домогательствах со стороны какой-то подлой бабы. Чайник выключается, и Оуэн заваривает чай. Он открывает шкаф и достает пачку любимого итальянского печенья Тесси. Она вернется не раньше чем через неделю. К тому времени печенье уже испортится. Она, вероятно, устроит из-за этого небольшой скандал, но Оуэну все равно. У него сейчас есть дела поважнее, чем бесценное печенье Тесси.

Рано утром во вторник, через пять дней после того, как его отстранили от работы, у двери Оуэна появляется мужчина.

Он высокий, как минимум шесть футов четыре дюйма. Он возвышается над Оуэном, и Оуэн моментально чувствует исходящую от него угрозу.

– Доброе утро, сэр, я – инспектор полиции Роберт Бёрдетт. Я расследую инцидент, имевший место вчера вечером.

Инцидент. Снова это слово.

– Вы, мистер Оуэн... – Полицейский сверяется с записью в блокноте. – Пик?

– Да.

– Отлично, спасибо. Да. Вчера вечером молодая девушка, девушка-подросток, подверглась сексуальному нападению. Вон там. – Полицейский поворачивается и указывает на перекресток. – Рядом с пустырем. Я хотел бы знать, слышали ли вы что-нибудь? Или, может, что-нибудь видели?

Оуэн краснеет. Он чувствует себя виноватым. Не потому, что он что-то сделал, а потому, что он мог что-то сделать. Он всю жизнь чувствовал себя так, будто совершил что-то нехорошее.

Он втягивает в себя воздух, пытаясь убрать румянец на щеках, но от этого становится только хуже. Он шумно выдыхает и говорит:

– Нет. Я ничего не слышал.

– Ваша гостиная. – Полицейский кивает в сторону окна слева от двери. – Ее окна выходят на улицу. Может быть, вы что-то заметили, не совсем понимая, что это было?

– Прошлым вечером меня не было в гостиной. Я имею в виду, это даже не моя гостиная.

– То есть вы живете не один, а с кем-то еще?

– Да. Со своей теткой. Тесси Макдональд. Это ее гостиная. Я никогда туда не захожу.

– Может, она что-то видела?

– Нет. Она сейчас в Тоскане. У нее там дом. Она часто бывает там. Она сейчас в Италии.

Он говорит невнятно. Лепечет. С ним всегда так бывает в присутствии высоких мужчин. В присутствии полицейских.

– Понятно, – говорит инспектор Бёрдетт. – Так или иначе, было около восьми тридцати вечера. Может, вы в это время смотрели передачу по телевизору? Вдруг это разбудит вашу память? Вы заметили что-то необычное? Необычный шум? Может, кто-то, шедший по улице, заставил вас как-то встревожиться?

– Нет. Честно. Вчера я весь день был в своей комнате. Это в задней части дома. Я ничего не видел и ничего не слышал.

– Соседка утверждает... – инспектор Бёрдетт снова бросает взгляд на свой блокнот, – что вчера видела вас на подъездной дорожке примерно в полпятого вечера.

Оуэн прижимает ладонь ко лбу. Он едва переварил обвинения, которые получил на работе, а теперь за ним шпионят анонимные соседи, сообщают в полицию о его передвижениях в связи с каким-то сексуальным нападением.

– Простите?

– Это были вы? В четыре тридцать вечера?

– Не знаю, – говорит он. Потом он вспоминает, что сегодня день вывоза мусора и да, вчера он выносил мусор. – В какой-то момент я выносил мусор, – говорит он. – Но я не могу точно сказать вам, когда именно.

Говоря это, он вспоминает девушек, которые шли мимо. Две школьницы. Одна из них была та самая, которая вела себя так, будто опасалась, что он на нее набросится, когда накануне вечером он шел домой с работы. Другая была совсем крошечной, с черными волосами. Они посмотрели на него и что-то сказали друг другу. Затем ускорили шаг и скрылись в доме напротив.

Тогда он подумал, что у него паранойя, вообразил, что они говорят о нем. Теперь он может только предполагать, что так и было. Он вздыхает.

– Но примерно?

– Примерно после полудня. Помню, уже стемнело.

– И кроме этого вы не выходили из дома?

– Нет. Не выходил.

Инспектор Бёрдетт складывает блокнот пополам и засовывает его в карман.

– Спасибо, мистер Пик. Я ценю ваше время.

– Ничего страшного, – отвечает Оуэн. А затем, когда полицейский поворачивается, чтобы уйти, добавляет: – С ней все в порядке? С той девушкой?

Инспектор Бёрдетт еле заметно улыбается.

– С ней все в порядке, – говорит он. – Но спасибо, что спросили.

– Хорошо, – говорит Оуэн. – Хорошо.

Как ни странно, в детстве Оуэн был красивым ребенком. Когда ему было года четыре, мать попыталась пристроить его в модельный бизнес. Его не взяли, потому что он очень стеснялся перед камерой. Но у него было лицо херувима: темные глаза, красные губы, ямочки на щеках.

Увы, лицо, такое красивое у маленького ребенка, не превратилось в красивое лицо подростка. В этом возрасте он был на редкость неуклюж. Он и по сей день не может смотреть на фотографии самого себя в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет.

Но сейчас, когда ему тридцать три, он чувствует, что его черты вновь обрели гармонию. Он подходит к зеркалу, и на него снова смотрит относительно симпатичный молодой мужчина. Ему особенно нравятся глаза. Они настолько темно-карие, что кажутся почти черными. Он унаследовал их от своей бабушки по материнской линии, которая была наполовину марокканкой.

Он не ходит в качалку, что правда, то правда. Его тело не слишком развито физически, но в одежде это не заметно. Вы бы даже не догадались о дряблости кожи вокруг пупка, о слегка обвисших грудных железах. В тщательно подобранной одежде он выглядит как рядовой посетитель тренажерного зала.

Оуэн не верит, что женщины отвергают его на том основании, что он «не атлет». Это он мог бы принять. Но ни одна женщина не видела его раздетым. Ни разу. Ни одна. Похоже, что по какой-то необъяснимой причине Оуэн не соответствует критериям ни одной женщины во всей стране. И все же он каждый день видит мужчин, которые выглядят намного хуже, чем он сам, с женщинами, которые кажутся ему привлекательными, или с детьми, что доказывает, что в какой-то момент они нравились женщине, мужчин с обручальными кольцами на пальцах, с фотографиями симпатичных женщин на рабочем столе или фотографиями детей, которых красивые женщины позволили им сделать, и это сбивает его с толку, это совершенно сбивает его с толку.

Не то чтобы Оуэн привередлив. На самом деле он совсем не привередлив. Он, пожалуй, сказал бы «да» восьмидесяти процентам

взрослых женщин, если бы они пригласили его на ужин. Может, даже процентам девяноста.

В ванной комнате Тесси, с электрическим обогревателем над дверью, который светится красным, как закат в Сахаре, и который, вероятно, был бы запрещен пожарной инспекцией, напротив унитаза есть зеркало в полный рост. Оуэн понятия не имеет, что могло заставить кого-то установить зеркало в полный рост напротив унитаза. Но вот оно, висит на стене, и с годами он к нему привык. Большую часть времени он его не замечает. Но иногда использует его, чтобы оценить свою физическую форму.

Ему нужно смотреть на себя через определенные промежутки времени, потому что никто другой его не видит, и, если он не будет напоминать себе о своих трех измерениях, он может просто раствориться и исчезнуть. Он разглядывает свой член. У него красивый пенис. Он как-то смотрел шоу о свиданиях, где обнаженных мужчин, стоящих в капсулах, внимательно рассматривали полностью одетые женщины, и почти у каждого был уродливый пенис. Но его пенис хорош. Он признает это объективно. Но ни одна женщина ни разу его не видела.

Оуэн вздыхает, снова натягивает трусы и застегивает молнию на брюках. Затем возвращается в свою комнату и заходит в блог пользователя YourLoss, который обнаружил вчера, щелкнув ссылку, включенную в его онлайн-комментарий.

Веб-сайт YourLoss – это портал в мир, о существовании которого Оуэн даже не догадывался.

Автор называет себя инцелом. Этот термин имеет гиперссылку на страницу Wiki, которая описывает инцелов следующим образом:

«...Члены интернет-субкультуры, считающие себя неспособными найти сексуального партнера, несмотря на такое желание. Инцелы в основном белые и почти исключительно гетеросексуальные мужчины. Термин “инцел” представляет собой сокращение фразы “невольно сохраняющие целибат”».

Пользователю YourLoss тридцать три года, как и Оуэну, и он открыто заявляет, что не имел сексуальных контактов с семнадцати лет. У Оуэна вообще никогда не было секса.

Девушка лишь раз залезла к нему в штаны и прикоснулась к его члену. Тогда ему было лет девятнадцать. Но все закончилось глупо и

преждевременно. Девушка быстро убрала руку и бросилась искать раковину. Это был один из самых позорных моментов в его жизни. Он годами снова и снова прокручивал его в голове, как будто снова и снова резал себя острым ножом. Чем больше он думал об этом, тем больше пугался того, что вновь угодит в такое же неловкое положение. С тех пор он винил за отсутствие секса себя, за то, что женщины даже не смотрели в его сторону и не прикасались к нему. Да-да, это целиком и полностью его вина. Но, читая блог YourLoss, он начинает подвергать это сомнению.

Потому что YourLoss не винит себя. YourLoss обвиняет всех остальных и страшно зол на весь мир.

Он зол на мужчин, которых называет «чэды». Чэды – это парни, которые занимаются сексом. Согласно YourLoss, чэды занимаются сексом не потому, что они лучше парней, которые не занимаются сексом. Они занимаются сексом, потому что делают из себя «сексапильных красавчиков». Это означает, что для того, чтобы выглядеть более привлекательно, чем нормальные парни, они искусственно накачивают свои тела, посещают студии загара и отбеливают зубы, делают пластические операции и ухаживают за своими бровями и кожей. Они получают секс, потому что несправедливо настраивают систему против таких мужчин, как YourLoss. И, как подозревает Оуэн, таких мужчин, как он сам. Они явно жульничают.

Но в основном он точит зуб на женщин. На Стейси и Бекки, как он их называет. Стейси – дорогие женщины, женщины-трофеи, женщины, у которых может быть любой мужчина, какого они захотят. Эти женщины вызывают у него злость, потому что они точно знают, что делают. Они осознают свою власть над мужчинами и свою цену и сознательно пользуются ими, чтобы заставить парней вроде YourLoss чувствовать себя никчемными. Бекки – менее привлекательные женщины, но даже они по-прежнему считают, что имеют право отвергать таких мужчин, как YourLoss, которые недотягивают до их стандартов.

YourLoss много гуляет. Он ходит пешком, сидит на скамейках и в тихих уголках пабов, смотрит и пишет о том, что видит. Если почитать его, несправедливости таятся в любом уголке безымянного города, в котором он живет.

Оуэн нажимает на пост под названием «Снежная шутка». Он читает:

«Мой город сегодня белый. У нас снег. На мгновение это заставляет меня почувствовать, будто все возможно. Все спрятано, как будто мир облачен в униформу. И все вокруг в самой громоздкой, самой теплой и жутко уродливой одежде, так что теперь мы все равны.

Но мы ведь не такие, правда? Под снегом эта машина по-прежнему остается “Мерседесом-купе”, а вон та – все тем же “Фордом Фокусом”, и вы, черт возьми, отлично это знаете, даже не соскребая снег. Вы видите проблеск красного лака, безошибочно узнаете изгиб бампера. Так что, хотя мы все в наших худших шмотках, все равно ясно, кто победитель, а кто проигравший. Вот идет несчастная Бекки, плетется по снегу в своих старых растоптанных сапожках-угги. Разве она не знает, что они пропускают воду?

Тьфу. Нет, не знает, потому что она дура. И, посмотрите, вон там идет Стейси в резиновых сапогах фирмы “Хантер”, 100 фунтов за пару, или вы не знаете? Страшны, как смертный грех. Но хотя бы не пропускают воду. И наверняка найдутся фетишисты, которые тащатся от зеленой резиновой обуви... И она, конечно, наштукатурена. Она не допустит, чтобы несколько ледяных фракталов помешали ей наложить боевую раскраску. Не позволит вашим стандартам рухнуть полностью.

Этот город, этот гребаный город. В нем полно позеров. А если ты не позер, значит, подражатель позера. А если ты не подражатель позера, то ты лузер, даже если ты победитель.

Я хожу в гастропаб рядом с главной площадью. Он стал гастропабом всего несколько недель назад. До этого это был обычный паб. Или, если быть точным, постоялый двор. «Приют охотников», так когда-то называлось это заведение. Там снаружи есть фонари и подъездная дорожка, где когда-то привязывали лошадей. Несмотря на недавний ремонт, в снегу, с горящими фонарями, он все еще выглядит как будто из эпохи Диккенса, и на мгновение я чувствую себя вне времени. Я счастлив, как будто я из той эпохи. В старину каждый мужчина мог найти себе женщину.

И если тогда они не могли заставить женщину полюбить себя, были другие способы найти женщин и удержать их. Тогда женщины нуждались в нас больше, чем мы в них. Что, черт возьми, случилось с этим миром?

Я покупаю себе пинту пива. Сажусь у окна. Я смотрю, как утки
снуют по замерзшему пруду. Я смотрю на снег. Завтра его не будет».

Оуэн надевает серую рубашку и темные джинсы. Он оценивает себя в зеркале на внешней стороне гардероба. В целом неплохо. Возможно, следовало постричься чуть раньше; челка как-то вяло нависает над глазами. И он очень бледный. Но сейчас февраль, а в феврале он всегда бледный. Через полтора часа у него встреча в колледже. Впервые за последние две недели он уйдет из дома ради чего-то другого, кроме походов в магазин за продуктами. В животе еле слышно бурчит от нервного напряжения. Не только от мысли, что ему предстоит спуститься в метро, сидеть в вагоне напротив каких-то людей и пробираться сквозь толпы незнакомцев, но и от того, что скажут ему в колледже. По заявлению девушек там провели полное расследование. Начальство хочет, чтобы он «заглянул на полчаса или около того», чтобы сообщить ему последнее решение.

– Разве нельзя просто сказать мне это по телефону? – поинтересовался он.

– Нет, – ответила Холли. – Боюсь, что нет, Оуэн. Ваше личное присутствие обязательно.

Он вытаскивает из-под кровати злосчастные туфли. Они валялись там с тех пор, как две недели назад он запихнул их туда ногой. Они появляются на свет, таща за собой комки пыли. Оуэн оценивающе смотрит на них после их двухнедельного вынужденного «отдыха». Нет, решает он, это дрянные ботинки. Больше он их не наденет. Вместо этого он влезает в удобные черные туфли на резиновой подошве и со шнурками, те, к которым он уже дважды подклеивал отставшие подметки.

В кухне он готовит себе завтрак: тост и ломтик сыра. Оуэн кладет масло обратно в холодильник, когда появляется Тесси. Она вернулась из Италии и с тех пор пребывает в странном настроении.

– Ты не опоздаешь? – спрашивает она. – Уже почти десять.

– Мне не нужно быть там раньше одиннадцати, – отвечает он. Он не сказал ей о своем отстранении от работы. Зачем? Она осудит его, скажет что-нибудь о его матери, сделает все на десять процентов хуже, чем сейчас.

– Везет же некоторым, – говорит Тесси, проходя мимо него к раковине, где снимает с сушилки перевернутую чайную чашку и осматривает ее изнутри, затем споласкивает и включает чайник.

Тесси – старшая сестра его матери. Мать Оуэна умерла. Она умерла, когда ему было восемнадцать. Отец Оуэна живет на юге Лондона с новой женой и еще одним сыном. После смерти матери Оуэн прожил с ними месяц. Это был самый тоскливый месяц в его жизни. Он вспоминает, как Тесси на похоронах матери прикоснулась к его руке и сказала: «Помни, у меня всегда найдется для тебя комната, если она тебе понадобится».

Похоже, это было сказано лишь для красного словца. Но теперь, пятнадцать лет спустя, он застрял у нее, и, похоже, надолго. Когда Оуэн переехал к ней, ей было сорок. Сейчас ей пятьдесят пять, но она ведет себя так, будто ей шестьдесят пять. В легинсах из лайкры и толстовке с капюшоном ее не увидишь. Ее волосы серо-стальные и пушистые. Она покупает одежду в странных магазинчиках в Хэмпстеде, где продаются мешковатые льняные туники, такие же мешковатые брюки и шляпы с широкими полями.

– Вчера вечером я столкнулась с Эрнесто, – говорит она.

Оуэн кивает. Эрнесто – холостяк неопределенного возраста, который живет в квартире над ними.

– Он сказал, что пару недель назад сюда приходила полиция. Он видел, как ты разговаривал с ними на крыльце. Что это было?

Оуэну как будто дали под дых.

– Ничего, – говорит он. – Какое-то нападение в этом районе. Полицейские ходили от двери к двери и расспрашивали.

– Нападение, – говорит она, прищурившись. – Какого рода нападение?

– Не знаю. – Он выбрасывает корки в мусорное ведро. Тридцать три года. В его возрасте он должен уметь есть корочки. – На женщину, кажется.

– Сексуальное нападение? – уточняет Тесси.

– Да, – отвечает он. – Наверное.

Возникает короткая, но многозначительная пауза. В тишине он слышит, как тетка делает глубокий вдох; видит, как в ее голове проносится мысль, причем с такой скоростью, что Тесси слегка откидывает голову. Она прищуривается, но лишь на миг.

– Вот как, – говорит она. – Надеюсь, они поймали этого... кем бы он ни был. Я не знаю, что происходит в нашем районе. Раньше тут было безопасно.

* * *

После напряженного пятиминутного ожидания в приемной колледжа Оуэна проводят в тот же кабинет, что и в прошлый раз. Джед Брайант снова здесь с Холли и Клэрис. И еще одна женщина, маленькая и угловатая, ее представили как Пенелопу Офили. Она третейский судья.

– Зачем нам судья? – спрашивает он.

– Просто для прозрачности.

Прозрачность. Оуэн медленно моргает и втягивает щеки.

– Пожалуйста, – говорит Джед, – присаживайтесь.

– Как дела? – спрашивает Холли. – Надеюсь, вам удалось отдохнуть?

– Не совсем, – говорит Оуэн. – Нет.

Улыбка застывает на губах Холли, она резко отворачивается и говорит:

– Итак, большое спасибо, что пришли снова, Оуэн. Как вы знаете, мы очень много работали над расследованием жалоб двух ваших студенток на ваше поведение на рождественской вечеринке в декабре прошлого года.

Оуэн слегка ерзает на стуле, расставляет ноги, снова их скрещивает. С тех пор, как против него были выдвинуты обвинения, он сто раз размышлял о событиях того вечера и до сих пор так и не смог найти тот момент, когда его поведение перешло грань между веселым и оскорбительным. Потому что суть здесь вот в чем: для того чтобы все эти люди сидели в этой комнате вместе, выкроив время из своих дней, и даже прибегли к услугам независимого судьи, должна иметься некая фундаментальная убежденность в том, что оскорбление имело место.

Он в третий раз закидывает ногу на ногу. И понимает: это выглядит нервно и глупо, что вполне понятно, но может создать впечатление, что он чувствует себя виноватым. Ему следовало с кем-то

поговорить, теперь Оуэн это понимает. С тех пор как он в последний раз здесь сидел, ситуация скорее обострилась, чем успокоилась.

– Мы поговорили с несколькими студентами, которые были там в тот вечер, – продолжает Холли. – Боюсь, Оуэн, что все они подтверждают первоначальное обвинение.

Не поднимая глаз, он кивает.

– Несколько человек видели, как вы трогали этих девушек. Еще несколько человек сообщают, что они присутствовали в тот момент, когда вы забрызгали девушек потом со лба. Все они подтверждают, что это было преднамеренное действие и что вы сделали это несколько раз, хотя девушки просили вас остановиться.

– Кроме того, у нас есть несколько заявлений, подтверждающих жалобы на ненадлежащее преподавание: предпочтение юношам, принижение девушек, игнорирование их, более строгая оценка в одних случаях или отсутствие должной похвалы в других. В отдельных случаях – использование во время занятий неприемлемой лексики.

Он поднимает взгляд.

– Например?

– Минутку. – Холли просматривает свои записи. – Вы использовали такие слова, как «смелее, парни». Называли некоторые фрагменты кода «красотулями». Называли студенток «девочки». А других студентов – такими словами, как «ненормальный» и «чокнутый».

– Но...

– Подшучивали над студентами, страдающими пищевой аллергией.

– Нетерпимость...

– И над студентами-веганами.

Оуэн закрывает глаза и вздыхает.

– Ради бога, – бормочет он под нос.

Холли прищуривается, глядя на него, упирается пальцем в последнюю строчку своих записей и говорит:

– Кроме того, имело место чрезмерное богохульство.

– Богохульство? – уточняет Оуэн. – В самом деле? О боже.

Он осознает свою оплошность и закрывает глаза.

– Итак, – говорит он, – что теперь?

На миг воцаряется молчание. Все трое, кроме Оуэна, обмениваются взглядами. Затем Холли вытаскивает из папки листок бумаги и передает ему через стол.

– Мы предлагаем вам, Оуэн, пройти этот учебный курс. Он рассчитан на неделю и затрагивает все вопросы, которые мы сегодня обсуждали. Если по окончании курса вы почувствуете, что обучение пошло вам на пользу и вы получили более четкое представление о том, что уместно, а что нет на рабочем месте с детьми, мы сможем вести разговор о вашем возвращении к работе. Но вы должны приложить усилия. На сто процентов. Прочтите это. Скажите мне, что вы думаете. Вы для нас очень ценный сотрудник, Оуэн. – Кривая улыбка. – Мы не хотим вас терять.

Оуэн какое-то время смотрит на листок бумаги. Слова плывут и кружатся у него перед глазами. В его голове мелькает словосочетание «промывание мозгов». Провести неделю в обществе педофилов, которых перепрограммируют на то, чтобы они думали, что веганы – существа высшего сорта, а женщины могут иметь пенисы. Только не это, думает он. Нет, спасибо.

Он толкает листок назад к Холли.

– Спасибо, но я предпочитаю увольнение.

* * *

Выйдя из Илинг-колледжа, Оуэн довольно долго бесцельно бродит по улицам. Его страшит сама мысль о поездке домой на метро. Он с ужасом представляет, как Тесси посмотрит на него сквозь стекла очков в роговой оправе и спросит: «*Почему ты вернулся так рано?*» А потом он сядет в свое комковатое кресло и просидит в нем до конца дня, тарашась в экран компьютера.

Он мог бы позвонить в колледж, отозвать заявление об увольнении, согласиться на этот курс обучения. Для него пути все еще открыты. Но даже если он получит работу назад, он будет вынужден каждый день приходить в колледж, видеть на занятиях лица этих двух девушек, он вновь окажется в окружении отталкивающих подростков, которые думают, что он фашист-извращенец. Так стоит ли за это бороться?

У него есть сбережения. Тесси берет с него за проживание столько же, сколько и пятнадцать лет назад, когда он был подростком, только что потерявшим близкого человека: двадцать пять фунтов в неделю. У него нет друзей, нет дорогостоящих хобби, и на протяжении многих лет он не имел привычки тратить свои кровно заработанные деньги на вождение по ресторанам череды новых женщин. На счете в банке у него несколько тысяч. Мало, чтобы внести залог за хорошую квартиру, но более чем достаточно, чтобы прожить несколько месяцев. Он не хочет возвращаться на старую работу. Он не намерен за нее бороться.

Он звонит отцу.

– Пап, – говорит он, – это я.

Ответом ему становится короткая пауза. Отец пару секунд молчит, подсознательно перенастраиваясь на разговор с сыном.

– Привет, Оуэн, – говорит он наконец. – Как дела?

– Я не видел тебя целую вечность, – начинает Оуэн. – Несколько месяцев, если быть точным.

– Знаю, – виновато отвечает отец. – Знаю. Ужасно, правда, как быстро летит время.

– Как прошло Рождество? – резко спрашивает Оуэн, лишая отца возможности переложить вину за их крайне редкое общение на что-либо, кроме его собственного безразличия.

– Как сказать. Довольно суматошно. Прости меня, что...

– Все в порядке, – вновь перебивает его Оуэн. Он не хочет слышать все это в очередной раз: больная свекровь, сводный брат, переживающий какой-то жалкий кризис Поколения Зет, связанный с наркотиками и гендерной дисфорией, *«все это навалилось в этом году, сынок, и мы решили немного задраить люки»*. Решение отца *«немного задраить люки»*, в переводе на общедоступный язык означавшее нежелание видеть своего первенца, и без того довольно обидное, когда он впервые объявил о нем сыну, с течением времени ничуть не улучшилось.

– Ну, а ты... Как твое?..

– Я провел Рождество один, – быстро отвечает Оуэн.

– Понятно, – говорит отец. – Я предполагал, что ты будешь с Тесси, или...

– Нет. Тесси уезжала в Тоскану. Я провел его один. Ничего страшного в этом нет.

– Верно, – говорит он. – Хорошо. Ну, извини. И, надеюсь, следующее Рождество будет чуть менее...

– Суматошным?

– Да, чуть менее суматошным. А как... твоя работа?

– Я уволился, сегодня. Меня обвинили в сексуальных домогательствах.

– О господи. – Оуэн как будто слышит, что отец морщится.

– Да, очевидно, я погладил девушку по волосам на дискотеке в колледже, очевидно, на уроках допускал двусмысленные высказывания. Очевидно, в наши дни быть нормальным мужчиной больше неприемлемо для учителя. Очевидно, в наши дни все мы должны быть похожи на роботов, должны тщательно взвешивать каждое слово, прежде чем оно слетит с наших губ. Похоже, современным женщинам не по нутру все, абсолютно все.

Оуэн кричит. Он знал, что выйдет из себя. Вот почему он позвонил отцу. Тот знает, что он подвел Оуэна, знает, что был дерьмовым отцом. Время от времени он позволяет Оуэну кричать на него. Отец не отвечает криком на крик. Ничего не исправляет, но терпит. И этого пока достаточно.

– Оуэн, это курам на смех. Вся эта политкорректность, – фыркает отец. – Это настоящее безумие. Но с чего ты взял, что твое решение уйти из колледжа – это верный выход? В смысле, как ты найдешь другую работу?

Услышав болезненный вопрос, Оуэн морщится. Затем он думает о YourLoss, как тот прогуливается по своему крошечному городку, ведет экзистенциальный блог, каждый день ходит на работу в тоскливый офис. И при этом, судя по всему, вполне счастлив. Похоже, у него все под контролем.

– Я найду другую работу, – говорит Оуэн. – Это все просто...

– Знаю, – говорит его отец, – это просто смешно. Смехотворно.

Возникает многозначительная пауза. Оуэн считает своим долгом как-то ее заполнить. Но не может и не заполняет. Вместо этого он дает отцу возможность высказаться.

– Что ж, Оуэн, был рад с тобой поговорить. Правда. Мне жаль, что у тебя неприятности. И мы должны в ближайшее время собраться вместе. Непременно должны. Например, на твой день рождения?..

– Он в следующем месяце.

– Да. В следующем месяце. Давай что-нибудь сделаем.

– Да. Давай.

– И... Оуэн?

– Что?

– Эти обвинения. В смысле, сексуальные посягательства. Я хочу сказать, что в них ничего нет. Или есть?

Оуэн вздыхает, опускается на корточки и прислоняется спиной к стене.

– Нет, папа. Ничего нет.

– Хорошо. Это хорошо. Пока, Оуэн.

– Пока, пап.

Оуэн снова встает. Гнев, который он только что выплеснул на отца, обратился на него самого, но вдвое сильнее, темнее и острее. Оуэн чувствует, как его вены бурлят электричеством. Он быстро идет к станции метро. Он уже собирается свернуть к входу, когда видит через дорогу паб и розово-золотое свечение окна. Без двадцати двенадцать.

Оуэн не любитель спиртного. Он любит вино за едой или на вечеринке с коллегами, но ему не нравится пить лишь ради того, чтобы опьянеть. Однако затем он снова вспоминает свою холодную спальню, Тесси, раздраженно расхаживающую по квартире, и думает о YourLoss с кружкой пива в тихом уголке паба. Вот он, сидит, наблюдает, учится, думает, существует. Оуэн представляет его высоким мужчиной с широкими плечами, короткой стрижкой, может, даже с маленькой бородкой или усами. Оуэн представляет его в рубашке, поношенных джинсах и прогулочных ботинках. Он представляет, как тот вытирает пену с кончиков усов, осторожно ставит пивной бокал обратно на подставку точно по центру. Поднимает взгляд. Наблюдает, учится, думает, существует.

Оуэн отворачивается от станции метро, направляется обратно к пешеходному переходу, ждет, когда вспыхнет изображение зеленого человечка, и направляется в теплый паб. Он заказывает пинту пива. Находит столик для одного. Садится за этот столик.

Через несколько часов Оуэн, пошатываясь, входит в дверь закусочной «Ориентал Стар», расположенной напротив его станции метро. Он ждет у кассы, берет порцию китайской лапши и банку газировки «Танго», относит их к стойке возле окна и наблюдает за тем, как людской поток выплескивается из чрева метро. Толпа совершенно незнакомых людей пугает его.

Он набрасывается на лапшу, чтобы впитать три пинты лагера, которые он выпил, сидя в пабе. Напиться в одиночку – такое не может не внушать тревоги. Он пошел в туалет и помочился, набрызгав на туфли, покачнулся, рассмеялся своему отражению в зеркале и поговорил сам с собой, а на выходе врезался в чей-то стол, из-за чего вино в бокале той женщины выплеснулось через край.

– Извините, – пробормотал он. – Пожалуйста, не сообщайте обо мне начальству.

Она посмотрела на него искоса, без улыбки. «Гребаная сука», – пробормотал он себе под нос, вышел из паба и тут же пожалел, что не сказал этого вслух.

С полным желудком лапши он поднимается по крутому холму к своей улице. Опьянение отступает, притупляется. Он смотрит вверх и видит луну, сияющую между двумя высокими деревьями на фоне темно-синего неба. Он вынимает телефон и пытается сфотографировать ее, но луна отказывается позировать ему, запечатлеваясь в кадре в виде размытого белесого пятна. Он сует телефон обратно в карман и поворачивается, и в этот момент на него налетает худощавая фигура, грубо толкает его плечом и едва не сбивает с ног.

Незнакомец замедляет бег и оборачивается.

– Извини, приятель. Извини.

Затем разворачивается и мчится вниз, к подножию холма, бежит на месте, опять поворачивается и мчится обратно вверх по холму, прямо посередине дороги. Оуэн стоит и смотрит на него.

Он видит, что это мужчина средних лет в обтягивающих лайкровых легинсах и куртке на молнии, со странными черными

наушниками на голове. Из крошечного кармана куртки тянутся провода.

Все ясно. Любитель бега. Мужчина бросает на Оуэна странный взгляд и бежит дальше вниз. Дорога представляет собой тупик, отделенный от шести полос движения на Финчли-роуд каменными ступенями. Какое-то время здесь лишь Оуэн и этот доморощенный бегун.

Добежав в шестой раз до вершины холма, бегун останавливается и складывается пополам. Он дышит так шумно, что кажется, будто это предсмертные хрипы. Он поднимает глаза на Оуэна.

– С тобой все в порядке, приятель? – спрашивает бегун.

Оуэн чувствует, как глубоко внутри него шевелится что-то темное. Он смотрит на бегуна и спрашивает:

– Ты женат?

– Что? – переспрашивает бегун с гримасой муки на лице.

– Ты женат? – повторяет Оуэн. – Есть девушка?

– А тебе какое до этого дело?

– Никакого, – отвечает он. – Просто спросил.

Он уже сворачивает за угол на свою улицу, когда мужчина догоняет его.

– Я тебя знаю? – спрашивает он.

– Понятия не имею.

– Мы соседи? Мне кажется, я видел тебя...

– Я живу здесь. Дом номер двенадцать. – Он указывает на дом Тесси и пожимает плечами.

– Ах да. Верно. А мы живем там. – Мужчина указывает на дом напротив, тот, где живет девочка-подросток и ее глупая мамаша с озабоченным лицом.

Оуэн кивает. Мужчина натянуто улыбается и бежит дальше.

– Увидимся, – говорит он.

– Ага, – говорит Оуэн. – Увидимся.

* * *

Телевизор в гостиной Тесси орет даже через закрытую дверь. Она смотрит прямую трансляцию заседания парламента. Что-то связанное

с Брекзитом. Судя по звуку, там как будто орет стадо ослов.

Оуэн на цыпочках проходит мимо, набирает в кухне стакан воды, затем запирается в спальне, расстегивает три верхние пуговицы рубашки, скидывает потрепанные туфли и открывает блог YourLoss. Появилась новая запись, но Оуэн ее не читает. Вместо этого он прокручивает страницу вниз до ссылки с надписью «Контакты». *«Привет, – набирает он в контактной строке. – Меня зовут Оуэн. Мне нравится твой блог. Хотел бы как-нибудь поболтать. Я только что потерял работу. И толком не знаю, что мне делать дальше».*

«Эй, Оуэн, – приходит ответ, – что там у тебя?»

«Я учитель. Меня обвинили в том, что я якобы “забрызгал своим потом студенток” и “издевался над веганами”. И я просто отказался пройти “курс переподготовки” и ушел».

«Быть того не может! Расскажи подробнее!»

Оуэн отвечает лаконично. В общих чертах. Вечеринка, несколько стопок текилы, девушки, встречи. Grimаски омерзения на губах Клэрис и Холли всякий раз, когда упоминалось слово «пот».

«Что с тобой не так? – спрашивает YourLoss. – У тебя нет женщины? Ты не трахаешься? Редко? Никогда? Что?»

«Никогда, – отвечает Оуэн. – Ни разу».

«Тебе кто-нибудь нравится? Я имею в виду, ты романтик?»

Оуэн задумывается над вопросом. Ответа у него нет. В конце концов он говорит:

«Не знаю. Я никого не люблю. Но некоторые люди мне нравились».

«Ходил на свидания?»

«Типа того».

«Ужин и цветы? Паб?»

«Ужин и цветы. Один раз».

«И как все прошло?»

«Дерьмово. Она ушла в середине свидания, сказала, что у ее матери что-то серьезное».

В ответ приходит смайлик. *«Не бери в голову. Какая-то дичь. Итак, что ты намерен делать со своей работой?»*

«Понятия не имею. Собираюсь взять тайм-аут. У меня есть сбережения».

«И? Что ты будешь делать со своим тайм-аутом?»

«Пока толком не думал. Может, попробую начать свое дело, создать компанию. Заняться бизнесом. Что-то в этом роде».

«Тебе нужен план, приятель. Иначе ты проснешься однажды утром, а твои сбережения растаяли, ты растолстел, тебе не в чем выйти из дома, и у тебя куча брюк, которые на тебя больше не налезут».

«Я не уверен, что готов составить план».

YourLoss какое-то время не отвечает. Оуэн слегка ерзает и откашливается, опасаясь, что сказал что-то такое, что его оттолкнуло. Затем раздается писк, и появляется очередное сообщение.

«Где ты живешь, Оуэн?»

«В Северном Лондоне».

«Понятно. Значит, недалеко от меня».

«Да? А где ты живешь?»

«Недалеко от Лондона. Послушай, вот адрес моей электронной почты. Напиши мне. У меня есть для тебя предложение. Bryn@hotmail.co.uk. Напиши мне сейчас, хорошо?»

Оуэн открывает свой электронный почтовый ящик, вставляет в адресную строку адрес почты Бриана и начинает печатать.

Оуэн и Брин договариваются встретиться за кружкой пива в пабе недалеко от станции Юстон. Брин сказал Оуэну, что он будет в зеленой куртке, у него «много волос» и очки. Оуэн сказал Брину, что он будет в черном пиджаке и джинсах, а затем изо всех сил пытался найти хоть какие-то другие отличительные черты, по которым его можно сразу узнать.

И вот он заходит в паб. Это убогий закусок под тюдоровскую эпоху, в здании на углу, с обшарпанными столиками на тротуаре и окнами со свинцовыми переплетами. Пыльный воздух провонял пивом. По углам сидят одинокие мужчины. Оуэн обводит взглядом зал. Его глаза натываются на мужчину слева, который смотрит на него с некоторым подобием узнавания. Не похоже, думает Оуэн, глядя на него, что это тот самый YourLoss. Его взгляд скользит дальше, на других посетителей. Но затем мужчина вскакивает с места и идет навстречу. У него странная походка, он шагает, подавшись вперед. И он невысокий. Можно сказать, коротышка. Его волосы торчат во все стороны, как клоунский парик. Лысая часть его черепа блестящая и красноватая. На зеленой куртке на молнии расплылось пятно.

– Оуэн! Да? Круто! Рад тебя видеть, приятель! – Он хватается за руку Оуэна и энергично трясет.

– Брин, – говорит Оуэн. – Я тоже рад познакомиться. Заказать тебе?.. – Он указывает на бар.

– Нет-нет, не надо.

Оуэн берет себе бокал красного вина и возвращается к столику Брина.

– Так, так, так, – говорит Брин. – Вот это встреча! Ну кто бы мог подумать!

– Да, – соглашается Оуэн.

Если честно, для него это стало полной неожиданностью. Накануне вечером Брин прислал ему по электронной почте письмо, попросил подробнее рассказать об образовании, способностях, интересах, уточнил обстоятельства, связанные с уходом из колледжа.

Оуэн не мог взять в толк, зачем ему это нужно. Затем Брин внезапно написал:

«Это кismet, карма, мы с тобой должны были встретиться. Выпьем? Завтра? Юстонская ветка?»

– Как прошел день? – спрашивает Брин.

Оуэн, который не привык к тому, что люди интересуются, как прошел его день, слегка бледнеет.

– Хорошо. Очень хорошо. – Затем осекается и добавляет: – А твой?

– Ну, ты знаешь. Все то же старое дерьмо.

– Работаешь?

– Да. Работаю. Фактически пришел сюда прямо из офиса. В отличие от тебя, удачливый ублюдок, джентльмен-бездельник. Как ты провел день?

Оуэн пожимает плечами.

– Спал... поздно встал. Долго нежился в ванне. Посмотрел несколько серий одного шоу. Съел тарелку спагетти.

– Да ты, я смотрю, удачливый ублюдок. Блин, я бы с радостью точно так же убил целый день. В любом случае, – он поднимает пинту чего-то мутного и чокается с бокалом красного вина Оуэна, – будем здоровы!

Брин абсолютно не такой, каким его представлял себе Оуэн. Но в нем определенно есть некая харизма, мультяшное обаяние. Брин самоуверен, даже дерзок, что сбивает Оуэна с толку. Он привык думать, что уверенность в себе – это то самое качество, что всегда привлекало женщин к мужчине, и что его собственная неуверенность сводила на нет все его шансы.

Взгляд Оуэна падает на пятно на куртке Брина. Оно непонятного происхождения. Похоже, оно там так давно, что Брин даже не замечает его. Оуэн представляет, как стягивает с Брина куртку, как засовывает ее в стиральную машину и стирает в режиме горячей стирки. Оуэн видит себя с парой блестящих ножниц, которыми он отрезает эти нелепые кудри. Вот он срывает с Брина немодные очки и приказывает ему *прекратить так улыбаться*. Он странным образом зол на Брина за то, что тот не следит за собой, хотя сделал себя рупором таких мужчин, как Оуэн, которые стараются делать все правильно. Мужчин,

у которых нет пятен на куртках и клоунских причесок, но все же они не могут заставить женщину посмотреть им в глаза.

Брин понятия не имеет, думает Оуэн. Не имеет ни малейшего представления о том, что значит – быть совершенно нормальным, но при этом мир по непонятной причине тебя в упор не замечает. Кажется, Брин хочет, чтобы женщины его презирали. Оуэн вспоминает комментарий Брина к статье о том, что его обвиняют в сексуальных домогательствах на работе, думает о женщинах – коллегах в офисе Брина, и на мгновение ему становится жаль их. Но он скрывает эти сомнения от Брина, улыбается и говорит:

– Привет. Рад познакомиться с тобой.

– Итак, – потирает руки Брин. – Полагаю, тебе интересно, в чем дело?

Оуэн кивает.

Брин понижает голос и оглядывает паб.

– Я хотел встретиться лицом к лицу, потому что хочу обсудить с тобой одно дельце. Довольно... э-э-э... щекотливое. Не хочу оставлять после себя никаких следов. Ну, ты понимаешь.

Оуэн снова кивает.

– Отлично. Ты и я. Я чувствую родство душ, верно?

Оуэн кивает в третий раз.

– Я смотрю на тебя и вижу симпатичного парня. Ты хорошо одет. Но ты говоришь мне, что никогда, вообще никогда не был с женщиной.

Оуэн виновато улыбается.

– Итак, что это говорит тебе о мире? – Брин не ждет от Оуэна ответа. – Это говорит тебе, что мир неправ. Мир, Оуэн, охренительно неправ. И почему, как ты думаешь?

И вновь Брин не ждет ответа.

– Это заговор. И я не какой-то там психопат-теоретик заговоров. Клянусь тебе. Но то дерьмо, с которым приходится иметь дело таким парням, как ты и я. Это заговор. Полноценный. И точка. Они называют нас «инцелы». – Брин изображает пальцами кавычки. – Как будто это простое невезение. Сам знаешь. Как будто никто ничего не может с этим поделаться. Но в том-то и дело, Оуэн. Они делают это с нами... намеренно. СМИ делают это с нами. У них есть либералы и феминистки, которые едят у них с рук. Коллективный мировой разум скукоживается. Человечество глупеет на глазах. Все больше и больше

зацикливается на мелочах. Вроде гребаных бровей. Есть целая индустрия, посвященная одним только бровям. Ты это знал? Индустрия, которая приносит многие миллионы бабла. А тем временем генофонд сжимается и скукоживается без таких людей, как мы с тобой. Экстраполируй это еще на три поколения в будущее, и что мы получим в итоге? Ничего, кроме миллиарда Стейси и Чэдов. И это плохо для мира, Оуэн. Это плохо для планеты. Мы вымерем, такие, как мы. Это будет мир, полный людей с отбеленными зубами и татуировками, которые будут трахать друг друга и производить на свет еще больше Стейси и Чэдов. В былые времена на каждого мужчину приходилась женщина, потому что женщинам были нужны мужчины. Теперь женщины думают, что они правят миром. Они могут выбирать, в то время как мужчины суетятся, обливают брови воском и делают вид, что с ними все в порядке, а подружки называют их бесполезными дрочерами. Мир разрушен, Оуэн, полностью разрушен. Но у меня есть платформа. У моего блога более десяти тысяч подписчиков. И их число увеличивается день ото дня, растет каждую минуту. Я могу использовать эту платформу, могу обращаться к людям, которые разделяют мои взгляды. Я это к тому, что мы все злы на то, как нас трахнул мир. Вот почему так важно собрать под свои знамена единомышленников, которые будут готовы выйти из своих коробок и что-то с этим сделать. Начать революцию.

Оуэн вопросительно смотрит на Брина.

– Я говорю о войне, Оуэн. Ты с нами?

* * *

Оуэн лежит на спине на своей односпальной кровати. Его взгляд устремлен в потолок, в восьми футах над головой. Там, раздуваемые сквозняком из окна, танцуют ключья паутины. Полночь. Оуэн устал, но не может заснуть.

Каждый момент вечера в обществе Брина раз за разом прокручивается в его голове. Слова Брина, оглушительно гремя, рассыпаются и катятся в разные стороны, словно камешки из перевернутого ведра.

Даже сейчас, через два часа после возвращения домой, через час после того, как Оуэн лег спать, он не может до конца постичь смысл слов Брина. Брин говорил сбивчиво и туманно, его мыслительные процессы, похоже, не поспевали за словами, он казался бурлящим гейзером идей, злости, возбуждения и решительности, без какой-либо четкой цели или намерения. Единственное, к чему он постоянно возвращался, – это к идее революции.

В конце концов он передал Оуэну маленький флакончик с таблетками и добавил:

– Если их нельзя получить легально, значит, можно, блин, просто взять их и трахнуть. Пока они спят.

Оуэн снова посмотрел на Брина.

– Я не понимаю, – сказал Оуэн.

– Неправда, ты все понимаешь, – возразил Брин. – Ты все понимаешь.

Сложив руки на груди, Брин откинулся назад. Он секунду победоносно смотрел на Оуэна, затем вновь наклонился к нему.

– Ты только представь себе, – сказал он, – как это делает целая армия таких, как мы. Сотни таких, как мы. Ты понимаешь? Нет, ты понимаешь?

Оуэн почувствовал, как недавний ужин тихонько крадетя вверх по горлу.

Брин наклонился ближе и пристально посмотрел на него.

– Дело не в сексе, ты же это знаешь, верно? Дело в нас. Блин, будь мы животными, находящимися под угрозой исчезновения, наверняка была бы какая-нибудь благотворительная организация, делающая все возможное, чтобы сохранить нас как вид. Они бы присылали нам каждую гребаную фертильную самку, какую только могли бы найти, чтобы сохранить нашу популяцию. Так почему мы должны отличаться? Почему нам должно быть хуже, чем этим гребаным зверям, Оуэн?

Он сложил пальцы и посмотрел на Оуэна поверх их кончиков. Через пару минут они вышли из паба.

– Подумай об этом, – сказал на прощание Брин. Оуэн проводил его взглядом, пока Брин бежал вверх по ступенькам на станцию Юстон, довольно проворно перепрыгивая через две ступеньки, и его

безумные кудри подпрыгивали вверх-вниз, а изношенные задники ботинок то мелькали, то исчезали из поля зрения.

* * *

Оуэн садится и заходит в один из чатов, в который он частенько заглядывает с тех пор, как начал регулярно читать блог Бриана.

Сначала эти форумы его обнадежили. В жизни Оуэна не было ни единого дня, чтобы он проснулся и не переживал по поводу своего одиночества. Ни единого дня, чтобы, взглянув на парочку на улице, он не захотел крикнуть им в лицо о несправедливости всего этого. Как же счастлив он был, обнаружив, что он не единственный в мире, кто чувствует то же самое.

Но теперь Оуэн думает о грязном пятне на куртке Бриана, на фоне того высокомерия по отношению к миру, который, по его мнению, ему должен. Оуэн снова заходит на форум и представляет, что за аватарами и пафосными никами скрывается целое море Бринов в засаленных куртках, с грязными волосами и нелепыми фантазиями об изнасиловании, и ему становится жаль этих мужчин. Наверно, думает Оуэн, они просто недостойны хороших женщин.

Но теперь он задается вопросом: вдруг с ним самим все в порядке? Что, если он просто слишком часто, но неверно об этом думал, слишком на этом заикливался. Он внезапно осознает, что ответ – это не жалкая война Бриана против всего мира, ответ – это примирение с самим собой.

Он тянется к телефону, лежащему на полу возле кровати. Включает его и проводит пальцем по экрану в поисках маленького красного язычка пламени – логотипа приложения «Тиндер».

Сейчас семь вечера Дня святого Валентина. Оуэн надевает на белую рубашку темно-синий джемпер с круглым вырезом. У него не получается как следует расправить воротник, и тот выглядит слегка помятым, но времени в обрез, поэтому сойдет и так. Прическа тоже полный отстой, ну да ладно. Поверх свитера и свободных хлопчатобумажных брюк он надел элегантный пиджак, в основном для того, чтобы скрыть широкие бедра.

Оуэн пригласил женщину на ужин. Женщину, с которой познакомился в «Тиндере» три дня назад. Он пробовал подход «Тиндера» к знакомству с женщинами и раньше, но без особого результата: лишь мучительный обмен репликами с женщинами, которые и не были особенно симпатичными. Даже это, оглядываясь назад, получилось у него плохо.

Но тогда он был другим человеком, более энергичным, менее уставшим от жизни. Он ждал слишком многого от каждой такой встречи, возлагал слишком большие надежды. Но странная встреча с Брином перевернула его представление о любви и ухаживаниях. Все, что не было изнасилованием на свидании, теперь казалось хорошим делом.

Женщину зовут Дианна. Ей тридцать восемь, она живет в Колиндейле и работает в отделе маркетинга в компании-посылторге. У нее есть десятилетний сын. На ее лице – выражение искреннего раскаяния в том, в чем она на самом деле не виновата. Ни на одной из ее фотографий не видно тела от плеч и ниже, что наводит на мысль, что у нее лишний вес. Но это не страшно. Оуэн не возражает.

Выходя из спальни, он сталкивается с одним из приятелей Тесси. Его зовут Барри. Он иногда остается здесь ночевать, но не часто. От Барри пахнет очень крепким лосьоном после бритья, а в верхнем кармане дорогого пиджака из серой шерсти он носит носовой платок.

– Добрый вечер, Оуэн, – хрипло говорит Барри.

– Привет, Барри, – отвечает Оуэн.

Тесси появляется из гостиной и странно смотрит на Оуэна.

– Смотрю, ты принарядился, – подозрительно говорит она. – Куда это ты собрался?

Оуэн тянется к пальто и засовывает руки в рукава.

– Я встречаюсь с другом.

Тесси снимает с крючка в коридоре горчичного цвета шарф и начинает обматывать им шею. Ее настроение смягчается.

– Понятно, – говорит она. – С другом. Красные розы и шоколад... это для друга?

– Нет, – твердо говорит он, не желая выдавать Тесси даже малую частицу своей личной жизни, чтобы потом она не смогла упрекнуть его. – Ничего подобного. Просто друг.

Она вздыхает.

– Оуэн. Ты... неужели тебя не интересуют женщины? – спрашивает она. – Или мужчины? Нет, конечно, извини, если я вмешиваюсь в твою жизнь, но... сколько тебе лет? Тридцать пять?

– Мне тридцать три года.

– Тебе тридцать три года. Ты живешь здесь с восемнадцати лет. И за все это время... – Она умолкает, оставляя мысль, как оборванную нить.

Оуэн предпочитает сделать вид, будто ничего вообще не было сказано, и берет зонтик.

– Ты тоже собралась погулять? – спрашивает Оуэн.

– Да, Барри ведет меня в ресторан «Вилла Бланка». Желаю тебе весело провести время со своим другом. – Тесси достает из ящика консольного столика помаду и слегка надувает перед зеркалом губы. Закрывая за собой дверь, Оуэн слышит, как она, причмокивая, водит по ним помадой.

* * *

В метро Оуэн пытается успокоить расшалившиеся нервы. Он чувствует, как в подмышках на его рубашке появляются влажные пятна, лоб становится липким, и Оуэн подозревает, что его лицо блестит от испарины. Он выходит из метро на станции Ковент-Гарден и жадно вдыхает холодный и влажный ночной воздух. Взглянув на телефон, он видит сообщение от Дианны.

Она пишет:

«Пришла раньше! За столиком у тебя за спиной!»

Оуэн сглатывает.

Почему она пришла рано? Кто вообще рано приходит на свидание с человеком, с которым познакомился в «Тиндере»? Он ускоряет шаг, раздраженный тем, что теперь ему станет еще жарче и он войдет еще более взволнованным и взмокшим, чем сейчас. Он прокладывает себе путь по Нил-стрит, и прохожие путаются у него под ногами, он отталкивает их плечом и спешит мимо.

А вот и он: веселый итальянский ресторан, много красного и белого, стены увешаны черно-белыми фотографиями давно умерших итальянских кинозвезд, которые едят спагетти. Зал полон. Женщина за стойкой в фойе спрашивает:

– Вы заказывали столик?

– Да. На имя Пика. На восемь часов вечера.

– Ах да, ваша спутница уже здесь.

Оуэн откашливается, снова трогает волосы, поправляет пиджак, зигзагами следует за женщиной между столиками, пока не оказывается там. Перед ней.

Оуэн говорит:

– Привет. Дианна? – говорит он.

И она тотчас же поправляет его:

– Я – Ди-ана. Не Ди-Анна.

– Извините, – говорит он и добавляет: – Я – Оуэн.

– Я догадалась, – говорит она и улыбается, но Оуэн не может понять, шутит она или говорит серьезно.

– Могу я сесть? – спрашивает он.

Она кивает и неловко потирает локти.

Оуэн понимает: ему следовало поцеловать ее, или пожать ей руку, или что-то в этом роде, но Диана лишила его этой возможности, с ходу исправив произношение своего имени, и теперь он чувствует себя выбитым из колеи и не может прийти в себя. Прошло как минимум десять секунд с того момента, как он или она что-то сказали, и он видит, что Диана смотрит на него как-то странно.

– С вами все в порядке? – спрашивает она. – Или?..

Ее взгляд скользит к двери, и он думает, что, возможно, она предлагает закончить свидание, что все уже пошло не так, менее чем

за минуту, и что им лучше прямо сейчас разойтись в разные стороны. Он вздыхает и понуро опускает плечи. А потом делает что-то совершенно нехарактерное, потому что чувствует себя так, будто ему нечего терять.

Из мягкой, открытой части своей души, о существовании которой он едва ли догадывался, ему приходит подсказка.

– Простите. Я просто немного *нервничаю*, – говорит он.

Диана ободряюще улыбается.

– На самом деле я очень нервничаю. Ужасно нервничаю. Невероятно, – честно признается он.

Ее лицо полностью смягчается, и она говорит:

– В таком случае нас таких здесь двое.

Теперь Оуэн внимательно смотрит на нее, впервые с того момента, как он вошел в ресторан, и видит симпатичную женщину. Возможно, у нее не такая гладкая кожа, как у женщины на заставке телефонного экрана. Возможно, в реале ее глаза не такие яркие и не такие синие, да и линия подбородка чуть менее четкая. Но это она, узнаваемо она, Диана. И она игриво смотрит на него, как будто ждет, что он скажет что-то еще. Его разум немедленно пустеет, и Оуэн бледнеет. Но она смеется, и это не обидный и не унижительный смех, это смех добрый, смех, который говорит: «Посмотрите на нас, мы на свидании, познакомились в “Тиндере”, разве это не приколы?»

Подходит официант, чтобы принять заказ на напитки. Оуэн думает о деньгах на своем банковском счете, о деньгах, которые он никогда не тратит, и, пока Диана изучает карту вин, смотрит на нее и спрашивает:

– Шампанское?

Он тотчас понимает, что сорвал джекпот: Диана явно из числа тех женщин, которые крайне положительно отзываются на предложение выпить шампанского. Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но он опережает ее и слышит собственный голос:

– Я угощаю.

Диана улыбается.

– Ну, тогда шампанское, – говорит она и закрывает карту вин.

Они некоторое время обсуждают меню, а затем Диана смотрит на Оуэна и говорит:

– Знаете, в реальной жизни вы выглядите лучше, чем на фото в интернете.

Оуэн улыбается, едва ли не смеется.

– Это же надо, спасибо, – говорит он. – Это фото было, наверное, моим самым лучшим, так что...

Наступает короткое молчание, и Оуэн понимает, что от него требуется. Он откашливается и говорит:

– В жизни вы тоже намного красивее.

Это не совсем так, скорее наоборот. Но она определенно не уродлива. Ее снимки не лгали.

– Спасибо, – благодарит она.

– У вас прекрасный цвет волос.

Это и вправду прекрасный цвет, оттенок карамели с осветленными кончиками.

– Приходится по три часа сидеть в парикмахерской, – говорит Диана, трогая волосы. – От природы они мышастого цвета.

– Мыши тоже хороши, – бесхитростно говорит Оуэн. И она запрокидывает голову и смеется.

Появляется официант с шампанским и ставит перед ними ведро со льдом и охлажденные запотевшие бокалы. Они тотчас чувствуют себя важными гостями. Официант между тем показывает Оуэну бутылку, и Оуэн знает, что он должен один раз кивнуть и сказать: «подойдет», хотя, если честно, он не может вспомнить, когда в последний раз пил шампанское.

Шампанское разлито по бокалам, они чокаются, и Диана говорит:

– За то, что «Тиндер» иногда не ошибается.

Оуэн моргает. Затем улыбается.

– За «Тиндер», который иногда не ошибается.

Оуэн быстро оглядывается по сторонам. Вокруг сидят парочки. Интересно, сколько из них здесь на своем первом свидании? Сколько познакомились в «Тиндере»? Сколько среди них девственников и девственниц? Заметив его любопытные взгляды, Диана говорит:

– Хороший ресторан. Удачный выбор.

– Спасибо, – говорит он. – Это всего лишь сетевой ресторан, но вы знаете, День святого Валентина, а у нищих не бывает...

– ...Выбора. – Она заканчивает за него предложение, они ловят взгляды друг друга и вновь улыбаются. – Итак, – говорит она, – как прошел ваш день?

– По правде говоря, довольно скучно. Встал поздно. Лентяйничал. Сейчас я как бы наслаждаюсь свободой. – Он объяснил Диане свою текущую рабочую ситуацию во время одного из их онлайн-чатов. Разумеется, он стыдливо обошел те аспекты, которые бы выставили его в дурном свете, зато подчеркнул те, которые подвигли ее сказать следующее: «Ой, честно, в наши дни ничего и сказать нельзя, верно?»

– Я вас не виню, – говорит Диана. – На вашем месте я поступила бы точно так же. Я так крепко привязана к своей работе, что это даже не смешно. Каждый день встаю в шесть часов, сажусь в автобус с Сэмом и везу его в группу на завтрак, обычно он там первый, бедняжка. Потом еще один автобус до станции метро, на работе я в восемь тридцать, восемь часов абсолютной скуки, метро, автобус. Потом надо забрать Сэма с продленки после уроков. Автобус домой. Приготовить ужин, домашнее задание, работа по дому, постель. И так каждый божий день. Я бы все отдала за передышку. За возможность пусть ненадолго выпрыгнуть из этого беличьего колеса. Увидеть, что еще может мне предложить жизнь. Конечно, это хреново, что начальство отпустило вас без боя, но считайте, что вы просто получили немного времени, чтобы перевести дух, чтобы побыть самим собой.

– А как же отец вашего сына? – спрашивает Оуэн. – Он разве никогда не помогает?

– Он умер, – коротко отвечает она.

Оуэн сконфуженно сглатывает. Ее муж вовсе не беспомощный, недостойный ублюдок, которым он его считал, а покойник.

– Извините, – говорит Оуэн. – Честное слово, извините.

– Ничего страшного. Для меня он был мертв уже давно. Мы прожили вместе всего пару лет. Он умер девять лет назад. Странная статистика. Трудно понять, как на самом деле к этому относиться. А что насчет вас? Вы когда-нибудь были женаты?

Он качает головой.

– Нет, – говорит он. – Ничего такого.

Она понимающе улыбается, как будто видит его насквозь, видит его одиночество и его отчаяние, но это ее не отталкивает. Как будто она раньше встречала кого-то вроде него.

Приносят их заказ: тальятелле аль рагу для Оуэна, ризотто с морепродуктами для Дианы.

– Мне давно не было так хорошо, – признается она. Оуэн замирает, поднеся вилку ко рту. Он кладет вилку, смотрит на Диану и с ноткой удивления в голосе говорит:

– Мне тоже.

Возвращаясь домой на метро, Оуэн чувствует, как во всем его теле поднимается волна удовольствия. Он представляет себе это в виде кляксы розовых чернил, расплывающейся по мокрой плотной бумаге. Он как будто заново появился на свет, а все потому, что милая, чуть полноватая женщина из Колиндейла разговаривала с ним так, как будто в течение вечера он был человеком.

Он немного пьян, и это усиливает его приятное настроение. Диана оказалась любительницей пропустить бокал-другой, и Оуэн был вынужден прибавить скорости, чтобы не отстать от нее. Шампанское было выпито менее чем за сорок минут, после чего они одолели на двоих бутылку вина, а когда та опустела, каждый заказал по коктейлю. Оуэн теперь не может вспомнить, как назывался его коктейль, но в нем была текила, и на вкус он напоминал дым.

Он был достаточно пьян и достаточно счастлив, чтобы в залитом ярким светом вагоне метро не чувствовать на себе взгляды окружающих. Он не завидует наводнившим улицы влюбленным парам, сжимающим в руках красные розы. Он не злится, когда люди переходят у него перед носом дорогу или не пропускают его. Его не волнует, видят они его или нет, потому что этим вечером его видели целых три часа.

Оуэн раз за разом прокручивает в своем воображении вечер: легкий, непринужденный разговор, добрый взгляд Дианы, то, как она все время трогала волосы, ободряюще кивала ему, когда он говорил о себе, медлительность в самом конце вечера, как будто Диана пыталась отсрочить его финал.

Оуэн поднимается по холму к своему дому. Воздух становится ледяным. Мимо, держась за руки, проходит пара, женщина сжимает букетик красных цветов. От них пахнет вином. Оуэн чуть не крикнул им что-то вроде «С Днем святого Валентина, дорогие друзья!», но передумал и успел прикусить язык.

подавив смешок, он сворачивает налево и проходит мимо человека, выгуливающего маленькую белую собачку.

– Добрый вечер, – говорит мужчина.

Оуэн слегка вздрагивает.

– А-а-а, – бросает он через плечо и спешит добавить: – Добрый вечер.

Он проходил мимо этого человека и его собаки сто раз за эти годы, но сейчас впервые поздоровался с ним. Оуэн улыбается про себя.

За следующим поворотом он видит женщину. У нее песочные волосы, на ней коричневое пальто, перехваченное в талии поясом. Она смотрит в свой телефон. Подойдя ближе, он видит, что она хорошенькая, очень и очень симпатичная. И не просто хорошенькая, а, как говорят, модельной внешности. Его защитный механизм автоматически приходит в боевую готовность, как бывает всегда, когда он сталкивается с невероятной женской красотой. Оуэн отводит взгляд и отступает в сторону, чтобы освободить ей путь, но она слишком занята, глядя на свой телефон, чтобы это заметить, и движется прямо на него. Он пытается уступить ей дорогу, шарахнувшись в другую сторону, но она повторяет его движение, и внезапно они оказываются лицом к лицу на расстоянии примерно фута друг от друга. Она отрывается от телефона и смотрит прямо на Оуэна, и он видит на ее лице неопиcуемый, неподдельный страх.

– Ой, – говорит она.

Оуэн снова делает шаг в сторону, чтобы она могла пройти. И снова она движется в том же направлении. Он видит, как ее взгляд падает на телефон. Подушечка большого пальца касается значка экстренной помощи на экране. Оуэн жестом показывает ей, мол, проходите, и не без возмущения говорит:

– Может, вы пять минут попробуете не смотреть в телефон? Возможно, тогда вы не будете наталкиваться на людей.

Он поворачивается и уже идет прочь, но затем слышит:

– Пошел ты в жопу, урод.

Он останавливается.

– Что?

– Я сказала: пошел в жопу, урод.

Он слегка покачивается.

Он закрывает глаза и втягивает воздух. Он представляет, как сейчас повернется, бросится к ней и толкнет ее. Он шумно выдыхает, считает до трех. И продолжает идти.

– Сука! – бросает он через плечо и шагает дальше.

Он слышит, как она что-то кричит ему вслед, слышит затихающее цоканье ее каблучков о брусчатку, слышит звон в ушах от притока адреналина, бурлящего в его теле. Он чувствует, что вино в его желудке как будто свертывается, ноги превращаются в желе. Он на мгновение останавливается и, чтобы не упасть, хватается за стену. Голова кружится, и ему кажется, что его вот-вот вырвет.

А потом Оуэн чувствует, как вибрирует его телефон. Он достает его из кармана и видит сообщение от Дианы.

«Дорогой Оуэн, мне очень понравилось сегодня вечером. Спасибо за то, что вы были таким хорошим собеседником. Я впервые за долгое время чувствовала себя так хорошо. Я надеюсь, что вы хорошо спите, и я с нетерпением жду встречи с вами на следующей неделе. На этот раз угощаю я! Диана».

Вся ярость и нервная энергия немедленно покидают его тело.

Улыбаясь, он сворачивает за последний угол квартала и подходит к своему дому. Все огни погашены, и лишь луна сияет синим светом, отражаясь от свинцовой кровли. Оуэн останавливается, чтобы заглянуть в дыру, вырезанную в деревянных воротах строительной площадки по соседству, и видит, как в темноте светятся две янтарные точки. Это на него смотрит лиса.

– Привет, лисичка! – говорит он в темноту. – Привет, красавица!

Он смотрит через улицу. В одном из окон все еще горит свет. Оуэн замечает намек на движение. Он слышит повышенные голоса, доносящиеся откуда-то издалека. Затем он видит стоящую перед домом фигуру: высокую, стройную, в черной толстовке с капюшоном, с угловатыми локтями, торчащими по бокам, словно крылья. Она стоит там всего мгновение, наблюдая за светом в окне, точно так же, как это делает Оуэн. Затем поворачивается, и в профиль он видит, что это молодая девушка, ее руки засунуты в карманы толстовки, челюсти сурово сжаты.

Он наблюдает за ней, и в какой-то момент она поворачивает голову и смотрит на него.

«Я знаю тебя, – думает он, – я тебя знаю».

ПОТОМ

Кейт замечает его ближе к вечеру, небольшой фрагмент из бесплатного экземпляра «Таймс», который она взяла в супермаркете накануне. Она часто берет бесплатную газету, но редко ее читает. Сегодня она читает ее только потому, что ищет статью о том, как заниматься сексом, когда вам за пятьдесят, анонс которой есть на первой полосе.

Она быстро перелистывает страницы, но затем ее взгляд привлекает слово «Кэмден» на середине восьмой страницы. Заголовок гласит: «Пропавшая школьница из Кэмдена все еще не найдена. Полиция допрашивает местных жителей».

И там, под заголовком, фотография молодой девушки с правильными симметричными чертами лица, загадочной улыбкой, большими серьгами-кольцами, темными вьющимися волосами, собранными на одной стороне головы в тугую косу, и бледно-зелеными глазами. Кейт узнает ее не сразу, но продолжает читать. Ее взгляд возвращается к девушке на снимке, и тогда Кейт понимает: это она.

Семнадцатилетнюю школьницу из Кэмдена Сафайр Мэддокс не видели с тех пор, как она вечером 14 февраля вышла из дома, чтобы навестить живущую в Хэмпстеде подругу. Сафайр, которая живет со своим 27-летним дядей Аароном Мэддоксом на Альфред-роуд, учится в выпускном классе школы Хейвлок. В школе ее характеризуют как хорошую ученицу и активного члена школьного сообщества. По словам Аарона Мэддокса, она вышла из дома примерно в одиннадцать часов вечера и в день своего исчезновения была в темных спортивных штанах, черной толстовке с капюшоном и белых кроссовках.

Кейт ахает и оглядывается, словно здесь есть с кем поделиться. У обоих детей сейчас каникулы, но ни сына, ни дочери дома нет, а Роан на работе. Кейт берет телефон, фотографирует газетную статью и, прежде чем успевает подумать, что она делает, пересылает ее Роану по WhatsApp.

По очевидным причинам, имя Сафайр не упомянуто, но Кейт тотчас же узнает это имя, когда видит его напечатанным в национальной газете.

Галочка в квадратике получения остается серой. Когда Роан работает с пациентами, он всегда держит телефон в режиме полета. Кстати, это одна из многих вещей, которые раздували пламя ее безумия годом ранее: после этого он вечно забывал отключить режим полета, и до него было совершенно невозможно дозвониться до позднего вечера. Она никогда не могла понять, как Роан обходится без включенного телефона, не чувствуя автоматически потребность включить его снова.

Она вновь перечитывает статью.

Шесть дней назад. В День святого Валентина. В тот вечер, когда они с Роаном пошли в Хэмпстед и пили шампанское в темном, выдавшем лучшие дни пабе, а затем по дороге домой поели в тайском ресторане карри из красной говядины. Тем вечером они отлично ладили, нашли о чем поговорить и о чем посмеяться, и совсем не походили на одну из тех пар, что давно женаты и вечером Дня святого Валентина пытаются изображать из себя на публике настоящую, любящую, счастливую пару.

А тем временем Сафайр находилась где-то между Суисс-Коттедж и Хэмпстедом, слишком легко одетая для очень холодной ночи. Может, они даже прошли мимо нее? Может, они что-то видели? Возможно ли такое?

Кейт вытряхивает эту мысль из головы. Конечно, это невозможно. В ту ночь на пространстве между Суисс-Коттедж и Хэмпстедом были тысячи людей и тысячи мест, где она могла быть. Возможно, Сафайр вообще не ездила в Хэмпстед, просто сказала так, чтобы замести следы, а сама вышла из дома и направилась в совершенно ином направлении, а ее дядя об этом даже не догадывался.

Кейт открывает свой ноутбук и набирает в Гугле «Сафайр Мэддокс».

Все газеты рассказывают об исчезновении девушки, все используют одну и ту же фотографию. Ни одна не публикует никаких подробностей.

Примерно в два часа дня она получает от Роана ответ.

«*О господи*», – пишет он.

«*Да*», – отвечает она.

Но галочки остаются серыми.

Он уже отключился.

Открытка, которая пришла Роану в День святого Валентина, до сих пор лежит в кухонном ящике в надорванном конверте. Кейт надежно спрятала ее в стопке кухонных полотенец, подальше от посторонних рук. Она из принципа не смотрела на нее после их прекрасного Дня святого Валентина в Хэмпстеде, а затем и на следующий день. И, как ни странно, Кейт перестала думать об открытке. Она не имеет никакого отношения к гармоничной атмосфере в их доме, к их нежным разговорам, к сексу, который у них был дважды с тех пор, оба раза по ее инициативе. Открытка превратилась в метафорическую пыль, не представляющую для Кейт никакого значения и интереса.

Но теперь...

Что-то проносится в ее мыслях, словно высокоскоростной поезд, и она зажимает ладонями уши. Это чувство возвращает ее в прошлый год, когда такой была вся ее жизнь: каждая минута каждого дня была потрачена на то, чтобы избавиться от сомнений, паранойи и недоверия. Кейт не была счастлива в то время и не хотела бы туда вернуться. Она счастлива здесь, прямо здесь, в этом розовом мире валентинок и объятий.

Она решает снять с кровати постельное белье. Вообще-то, она не из тех, кому домашняя рутина помогает отвлечься от навязчивых мыслей, но теперь она обходит три спальни квартиры в попытке удержать как можно большее расстояние между собой и ящиком кухонного шкафа.

В комнате Джорджии Кейт стягивает с кровати снежно-белые простыни, на которых настаивает ее дочь. Времена розовых и сиреневых фей давно прошли. Белые простыни, белые лампы, белый коврик из овчины. Когда Джорджия была младше, лет в тринадцать-четырнадцать, Кейт обнаружила, что, бывая в спальне дочери, она не в силах противостоять соблазну покопаться в ее вещах, отчаянно нуждаясь в разгадке, в кого та превращается. Теперь такой нужды нет. Джорджия с кристальной ясностью показывает себя Кейт каждую минуту каждого дня. Она ничего не скрывает.

Кейт ловко обходит ее кровать, скатывает простыни в ком и бросает их на пол в коридоре. Затем идет в комнату Джоша.

Джош – опрятный мальчик, он всегда был таким. Она стягивает с его кровати синие простыни, затем застилает ее свежевывстиранными зелеными. Его ноутбук спрятан под кроватью, он включен и заряжается. Кейт так и подмывает открыть его, чтобы увидеть, что делает ее таинственный сын, когда находится здесь один. Но почему-то личная жизнь сына кажется ей более священной и хрупкой, чем личная жизнь дочери. Кейт не слишком долго задумывается, почему это так, просто такая мысль приходит ей в голову.

Затем Кейт идет в свою спальню, в их супружеские покои, где, по крайней мере, последние пять дней происходили супружеские дела. Она хватает серое постельное белье и скатывает его в еще один шар, складывает его в кучу в коридоре, натягивает на матрас бледно-голубую простыню, взбивает в свежем пододеяльнике стеганое пуховое одеяло.

Шторы здесь все еще задернуты. В это время года порой кажется бесполезным открывать шторы в комнате, в которой темно, когда вы проснулись, и которая снова будет темной, когда вы вернетесь.

Кейт раздвигает их и вздрагивает, увидев мир за окном. Вот ее улица, вот мужчина с белой собакой, вот мусорный бак на углу, который опорожняется только раз в две недели, когда его содержимое вываливается на тротуар, вот фургон доставки магазина «Сейнсберис», вот фургон доставки «Amazon», вот через дорогу дом с креслом на подъездной дорожке и...

Кейт останавливается. И вспоминает. Вспоминает, что как-то раз стояла здесь. Ночью. Было что-то... Что это было? Когда?

Она качает головой, пытаясь обнаружить источник смутного воспоминания. Неужели это было в ту ночь? В День святого Валентина?

Задерживая шторы, готовясь к предстоящему сексу с Роаном, она видела на улице чью-то фигуру, так ведь? Движение. Приглушенные голоса. Ей показалось, что за ней наблюдают? Или она это вообразила?

В конце концов, она была не совсем трезвой. Они пили шампанское, затем пиво, после этого еще пиво в тайском ресторане. Нет, она совершенно не была трезвой.

Кейт оборачивается, как будто кто-то только что окликнул ее по имени. Хотя, конечно, никто ее не окликал; она одна.

Ее манит открытка, лежащая в ящике кухонного шкафа. Открытка, говорящая о том, что, возможно, есть нечто, чего она не видит; что она не злится, не сошла с ума, не ошибается.

Прежде чем Кейт успеваеt одернуть себя, уgomониться, она возвращается в кухню, открывает ящик, перебирает кухонные полотенца и вытаскивает открытку.

Дрожащими руками она достает ее из конверта.

На открытке изображена розовая птичка непонятной породы. Акварель, довольно безвкусная. Внутри типично детским почерком написано следующее:

*Дорогой Роан
Спасибо, что ты мой тираневт.
Пожалста, будь моим Валентином.
С любовью, Молли*

xxx

Кейт закрывает открытку и приваливается к краю столешницы.

Открытка от ребенка.

Молли.

Маленькая Молли, которая все еще пишет так, как слышит.

Маленькая Молли, которая хочет, чтобы ее Валентином был лысый пятидесятилетний мужчина.

Маленькая Молли, которая знает его домашний адрес.

Ее пульс слегка учащается. Кейт засовывает открытку обратно в конверт и снова прячет ее среди кухонных полотенец.

* * *

Через пару часов появляется Джорджия. Не одна, а с Тилли.

– Ой, – говорит Кейт, отрываясь от работы. – Привет, Тилли. Давно тебя не видела.

Тилли у них впервые с той январской ночи, когда она заявила, что на нее на улице напал какой-то мужчина.

– Как дела? – спрашивает Кейт.

– Хорошо, – отвечает Тилли, смущенно глядя себе под ноги. – Все в порядке.

Джорджия шарит по ящикам и шкафам в поисках еды. Очевидно, она умирает от голода, так как не позавтракала и съела на обед «вроде бы несколько наггетсов». Она находит сладкий и соленый попкорн, наливает себе и Тилли по большому стакану сока, после чего они исчезают.

– Спасибо, что сменила постельное белье! – доносится из коридора крик Джорджии.

– Не за что! – кричит Кейт в ответ.

Кейт снова садится и пытается сосредоточиться на своей работе, но понимает, что ей нужно разложить по полочкам в голове слишком много других фактов. Открытка от ребенка. (Чей почерк на конверте? Кто купил и лизнул почтовую марку? Кто бросил конверт в почтовый ящик?) Не дающая до сих пор покоя странная ложь Тилли о том, что на нее в ту ночь напали (наверняка кто-то ее надоумил?). Исчезновение Сафайр Мэддокс (где-то между их и ее домами). Фигура за окном в День святого Валентина (или это был плод ее пьяного воображения?). Станный тип из дома напротив (каждый раз, когда она видит его, он бросает на нее странный взгляд, от которого ее до костей пробирает дрожь). Рост числа сексуальных нападений в их округе в дневное время.

Но мысли упорно отказываются приходить в порядок. Они не желают аккуратно выстраиваться и разбираться сами в себе.

Тилли через пару часов уходит. В кухне появляется Джорджия.

– Как Тилли? – спрашивает Кейт.

– С ней все в порядке.

– Ты когда-нибудь... Она что-то рассказывала? Про тот вечер?

– Что-то вроде. Не совсем.

– В смысле?

– То есть, мне кажется, что-то случилось. Но не то, что она сказала.

– Например, что?

– Не знаю. Она мне не говорит.

– Как ты думаешь, что это могло быть?

– Не знаю.

– Но...

– Правда, честное слово, не знаю. Спроси лучше сама.

– Я...

– Послушай, Тилли странная, я согласна. Она странная. Даже если что-то и было, это было что-то жутко скучное. – Джорджия на секунду умолкает, затем с любопытством смотрит на Кейт. – Если она что-нибудь скажет, я тебе сообщу. Договорились?

– Договорились, – отвечает Кейт. – Спасибо.

Всем нужно хобби, разве не так? Вообще-то почти весь прошлый год моим хобби была слежка за Роаном.

Мне больше нечем было заняться. У меня не было настоящих подруг. Не было парня. Я делала уроки поздно, уже лежа в постели. Я никогда не была готова взяться за них раньше одиннадцати часов, для меня это время, когда голова работает хорошо. Я – сова. Итак, после школы я чаще всего ходила в Портман-центр, чтобы посмотреть, что там делает Роан. Роман с молодой женщиной довольно быстро сошел на нет. Я ее часто видела, потому что она курила и много времени проводила на улице. Думаю, она была секретаршей. Она носила бейджик, однако выглядела слишком молодой для психотерапевта. Но я никогда больше не видела, чтобы они с Роаном курили одну сигарету. Я не видела, чтобы они пошли выпить или что-то в этом роде. Думаю, она ушла от него после их небольшого свидания в тот первый вечер. Может, она поняла, что слишком молода для него. Или, может, он ей не подошел в чем-то другом.

И это странно, потому что за все те месяцы и годы, которые я провела с Роаном в качестве пациентки, он ни разу не позволил себе никаких сексуальных намеков, ни разу. Он держался не покровительственно и не по-отечески, а скорее, как друг. Как тот учитель в школе, с которым вы чувствуете, что можете быть собой, но при этом уважаете его.

Однако вне стен той комнаты с галогеновыми лампами и мягкими стульями я видела другую его сторону. Похоже, он не мог разговаривать с женщиной без физического контакта с ней. Ему нужно было обнять ее, прикоснуться к ней, придержать дверь, но при этом не оставить достаточно места, чтобы женщина могла пройти, не прижавшись к нему, общие зонтики, сплетенные руки. Его глаза всегда были прикованы к женщине. Если он не мог найти женщину, на которую можно было смотреть, он выглядел потерянным.

Дни стали длиннее. Когда я пришла после школы, было еще светло, и я поняла, что больше не могу прятаться за деревьями среди бела дня, мне нужно быть подвижной, постоянно перемещаться с места на место. Так что я стала ждать на другой стороне улицы, притворяясь, будто смотрю на свой телефон, а потом идти за Роаном, куда бы он ни пошел. Просто удивительно, как редко он шел прямо домой. Он часто присоединялся к компании, чтобы пропустить пинту пива в задрипанном пабе на углу Колледж-Кресент или выпить кофе в кофейне напротив станции метро.

В то время я носила волосы заплетенными в косички. Мои косички были бледно-розовыми. Вообще-то это делалось не для маскировки, но он не видел меня какое-то время. Я выросла, я стала другой. Прошлым летом я однажды вечером последовала за ним в паб. В школе у нас был день без формы, и на мне был укороченный топ, мешковатые штаны и камуфляжная куртка, все темных оттенков. Мои волосы были спрятаны под бейсболкой. Я заказала лимонад и вышла с ним в пивной сад. На большом экране транслировался футбольный матч. Там были одни мужики. Только две женщины, кроме меня. Я сидела под брезентовым навесом на металлическом стуле, почти полностью повернувшись к Роану спиной.

С ним была женщина и двое мужчин. В саду было шумно, мужчины то и дело раздражались ликующими криками. Из двух огромных динамиков доносился звериный рев зрителей на стадионе. Я не слышала, что они говорили.

Женщине, что была с ними, я бы на вид дала лет тридцать. Мягкие рыжие волосы были заплетены в длинную косу, перекинутую через плечо. На лице ни грамма косметики. Она все время улыбалась. Сначала разговор велся между всеми четверьмя участниками группы, затем двое других парней переключили все свое внимание на футбол. При этом они слегка повернулись к Роану и его девушке спиной, давая им возможность поговорить.

Я играла с телефоном, лежавшим у меня на коленях, то и дело поворачиваясь, чтобы посмотреть на Роана и женщину. Они были увлечены разговором. При желании я могла бы встать прямо перед ними и издать губами неприличный звук, и они бы даже не заметили. Я сфоткала их двоих. И снова отвернулась.

Футбол закончился, и в пивном саду стало тише. Я услышала, как один из парней из компании Роана предложил сходить в бар, чтобы выпить еще. Последовала пауза. Затем Роан сказал девушке:

– Хочешь еще выпить? Или можем пойти куда-нибудь еще?

– Я не против, – сказала девушка. – Что ты предлагаешь?

– Не знаю, – ответил Роан. – То есть я хотел сказать, что мы могли бы немного погулять и по дороге зайти куда-нибудь перекусить. Что скажешь?

– Ага, – сказала девушка. – Да. Почему бы нет?

Я быстро допила лимонад, подождала, когда они пройдут мимо, потом последовала за ними, держась на несколько шагов позади. Они свернули налево и какое-то время бесцельно брели, разглядывая меню в витринах ресторанов. В конце концов они остановили свой выбор на китайском, где в витрине висели блестящие жареные утки.

Я села на скамейку на автобусной остановке через дорогу. Они сидели за столиком у окна. Он то и дело лапал ее. Брал в ладонь лицо. Гладил ее косу. Он не сводил с нее глаз, буквально пожирал взглядом. На него было противно смотреть. Но, похоже, ей это нравилось. Она, как младенец, послушно глотала еду, которую он совал ей в рот. Она смотрела ему в глаза. Она держала его руку, которую он протянул через стол. Она запрокидывала голову от смеха.

Они пробыли там час. Потом им принесли счет, и я увидела, как Роан настаивает, что оплатит его сам. Я подумала: «Как мило, ты, семейный человек, покупаешь китайскую лапшу девушке, которая годится тебе в дочери». И еще я подумала: «Ты полный мудака».

Потом он проводил ее до станции метро. Они подержались за руки, быстро обнялись, но не поцеловались, потому что, решила я, были слишком близко к дому, слишком близко к работе.

Я видела его лицо, когда он повернулся, чтобы перейти дорогу, его лукавую улыбку. Я представила его худосочную белобрысенькую жену в их шикарной квартире в Хэмпстеде, которая, вероятно, поставила в морозилку свежеприготовленный ужин, потому что ее муж сегодня вечером ужинал где-то вне дома. Интересно, что он ей сказал? *«Просто зашел перекусить с коллегами».*

На светофоре зажегся красный свет, и я увидела, как Роан переходит Финчли-роуд, пробегая сквозь просвет в дорожной пробке.

Перейдя улицу, он вытащил свой телефон и, без сомнения, написал своей тощей жене эсмэску: «Я уже иду домой!»

Начинало темнеть. Небо сделалось светло-лиловым, и машины уже включили фары. Я проголодалась и знала, что Аарон приготовит на ужин что-нибудь вкусное. Какая-то часть меня хотела пойти домой, бросить тяжелый рюкзак с книгами и, сидя перед телевизором, полакомиться чем-нибудь. Другая часть меня хотела узнать, как выглядит Роан Форс, входя к себе домой после того, как поужинал в ресторане с другой женщиной.

Дождавшись, когда красный человечек на светофоре станет зеленым, я перебежала через дорогу и догнала его в тот момент, когда он свернул за угол к каменным ступеням, ведущим вверх по склону крутого холма. Он сунул в уши наушники. Мне было слышно, как он что-то тихонько напевает себе под нос. Он шел быстро, и к тому времени, как мы добрались до его улицы, я запыхалась. Я даже не предполагала, что он в такой хорошей физической форме.

Затем он остановился перед своим домом, достал ключи, открыл дверь и закрыл ее за собой. В его движениях присутствовало нечто барское, как будто он был хозяином большого поместья.

Я стояла возле пустыря, якобы предназначенного под застройку. Он был окружен высокой кирпичной стеной, с которой свисала листва. В стене имелись деревянные ворота. Я заглянула в дыру в этих воротах и увидела огромный участок пустой земли, покрытый щебнем, из которого торчали пучки травы и цветов. Это место выглядело не вполне реальным. Скорее, было похоже на секретный парк или на сказочную страну. Я увидела бывший фундамент большого дома. Участок занимал акр, если не больше. Небо над головой сделалось фиолетово-золотистым. К воротам было приклеено объявление. Похоже, здесь собирались строить многоквартирный дом. Объявление было трехлетней давности. Я надеялась, что здесь никто никогда не будет строить дом, что эта стройка такой и останется, спрятанной от чужих глаз, обрастая слоями земли, все гуще зарастая сорняками.

Я уловила с одной стороны движение. Что-то промелькнуло мимо. Что-то быстрое и блестящее. Лиса. Или лис. Он остановился на миг и уставился на меня. Прямо на меня.

В животе у меня заурчало. Я закинула рюкзак на плечо и зашагала домой.

Однажды утром, через несколько дней после Дня святого Валентина, раздается звонок в дверь. Оуэн ждет, когда Тесси ответит, но, похоже, ее нет дома.

После второго звонка он идет к домофону и здоровается. Откликается женский голос.

– Здравствуйте. Это Оуэн Пик?

– Да. Это я.

– Доброе утро, я – детектив-инспектор Анджела Керри. Мы наводим справки о пропавшем человеке. Могу я попросить вас уделить нам минуту и ответить на несколько вопросов?

– Э-э-э... – Он быстро смотрит на себя в зеркало у входной двери. Он не брился уже три дня, и его волосы остро нуждаются в мытье. Он выглядит ужасно. – Да, извините, конечно. Заходите.

Анджела Керри – коренастая молодая женщина, невысокая, с широкими бедрами и непропорционально маленькими ступнями. У нее светлые, похоже, свои, некрашенные волосы, заплетенные в косу и заправленные сзади в пучок. У нее приятное лицо, на глазах – черная подводка.

За ней стоит такой же молодой человек, констебль Родригес.

– Мы можем войти?

– Э-э-э... – Оуэн оглядывается на открытую дверь квартиры Тесси. Как объяснить, что ему негде присесть в собственном доме, ведь тетя не пускает его в гостиную? – Может, поговорим здесь? – спрашивает Оуэн. Он понимает, что это звучит так, как будто он пытается что-то скрыть. – Это квартира моей тети, – объясняет он. – Она не любит впускать к себе посторонних.

Инспектор Керри вскидывает подбородок, чтобы заглянуть в пространство, видимое в приоткрытую дверь квартиры.

– Нет проблем, – говорит она.

Они устраиваются на скамейке рядом с лестницей, ведущей в две квартиры на верхнем этаже. Скамейка шаткая, она предназначена не для сидения, а для свертков с покупками. Инспектору Керри

приходится сидеть, слегка вытянувшись вперед, чтобы не удариться головой о прибитые к стене проволочные почтовые корзины.

– Итак, – начинает она, – мы расследуем исчезновение девушки. Могу я показать вам несколько фотографий?

К голове Оуэна приливает кровь. Он не знает, почему. Он кивает и пытается прикрыть рукой разгоряченные щеки. Инспектор Керри достает из конверта распечатку и передает ему.

Это фото красивой девушки, судя по ее облику, смешанной расы, хотя кто именно были ее предки, сказать сложно. В ушах большие серьги-кольца, волосы, как и у инспектора Керри, заплетены в тугую косу, плотно прилегающую к голове и свисающую с одной стороны. На ней что-то вроде школьной формы, и она улыбается.

Оуэн передает лист обратно и ждет еще одного вопроса.

– Вы когда-нибудь видели эту девушку?

– Нет, – отвечает он, его рука тянется от лица к затылку, который становится еще горячее и явно покрывается пятнами. – По крайней мере, мне так кажется.

– Где вы были ночью четырнадцатого февраля, мистер Пик? – Он было пожимает плечами, но инспектор Керри уточняет: – В День святого Валентина, поздно вечером. Так будет легче вспомнить.

Он втягивает воздух, прикрывает рот рукой. Да. Он знает, что делал в День святого Валентина.

– Вы были дома? Или где-то на улице? Вы что-нибудь видели?

– Нет, – говорит он. – Меня не было дома. Я пошел ужинать. С одним знакомым.

– Понятно. И во сколько вы вернулись домой? Если вы помните.

– Примерно в двадцать три тридцать. Может, ближе к полуночи.

– На чем вы добирались домой в тот вечер?

– На метро. От Ковент-Гардена до Финчли-роуд.

– Может быть, когда вы шли домой от станции метро, вы видели что-то странное? Что-нибудь нехорошее?

Оуэн проводит рукой по губам и качает головой. Он вспоминает странный эпизод на улице, когда хорошенькая девушка назвала его извращенцем, а он в ответ назвал ее сукой. Когда он думает об этом сейчас, это кажется искаженным обрывком странного сна, как будто этого не было на самом деле. Все, что касается того вечера, теперь кажется смутным сном, частично выцветшим, как старая фотография.

– Нет, – медленно качает головой он. – Нет. Ничего.

Его ответ звучит как ложь, и в каком-то смысле так оно и есть.

– Вы сказали, что живете с тетей? Это... – Инспектор Керри смотрит на список в блокноте. – Тесса Макдональд?

Оуэн кивает.

– А где сейчас мисс Макдональд?

– Не знаю. Возможно, в деревне. Отправилась за покупками.

– Понятно. Я уверена, мы еще вернемся, как только составим лучшее представление о ситуации. А пока, может, вы передадите мою визитку вашей тете, когда она вернется домой, и попросите ее позвонить мне, если она что-нибудь вспомнит о той ночи. – Керри смотрит на лестницу. – Кто-нибудь из соседей дома, не знаете?

Он качает головой.

– Без понятия. Вы можете позвонить в квартиры других жильцов, если хотите.

Она улыбается, закрывает колпачком шариковую ручку, убирает ее в карман и говорит:

– Нет. Думаю, на сегодня хватит. Могу я оставить здесь еще несколько снимков? – Она указывает парой распечаток на почтовые корзины над скамейкой. – И несколько моих визитных карточек?

– Да, да, конечно, – говорит Оуэн, вставая. – Разумеется.

– Что ж, – говорит инспектор, подтягивая выше на плечо кожаную сумку, – спасибо, мистер Пик, за уделенное время. Я это очень ценю. И если вы или кто-то еще что-нибудь вспомните, звоните, я всегда на связи.

– Знаете, – внезапно говорит он, и его глаза в буквальном смысле лезут на лоб, когда погребенная в глубинах сознания картинка вырывается наружу. – Я действительно кое-что видел той ночью. Я кого-то видел. Вон там. – Он указывает сквозь парадную дверь на дом напротив. – Кто-то стоял в темноте у дома и вроде как заглядывал внутрь. Сначала я подумал, что это мужчина. А потом этот человек обернулся, и я понял, что это девушка.

– Девушка?

– По крайней мере, мне так показалось. Трудно сказать, потому что на голове был капюшон.

Его взгляд скользит вниз, на снимок, который он держит в руке. Оуэн читает описание того, что было надето на пропавшей девушке.

– Какой капюшон? – спрашивает инспектор Керри.

– Типа толстовки с капюшоном. Мне так кажется.

– Какого роста была эта девушка?

– Возможно, это была не девушка. Возможно, это был... Я тогда был нетрезв. Я выпил немного вина. Довольно много вина. Я не могу сказать точно.

– Какой рост был у этого человека? Приблизительно.

– Я правда не могу вспомнить.

– Примерно в котором часу это было?

– Как только я подошел к входной двери. Примерно в полночь. Может, чуть позже.

– И это была не... – она постукивает кончиком пальца по распечатке, – это была не эта девушка?

– Честное слово, я не помню... Было темно, и, как я уже сказал, я выпил вина. Я правда ничего не...

Оуэн говорит очень быстро. Он знает, что в его голосе слышна паника. Наверно, зря он рассказал о странной девушке в толстовке с капюшоном. Полиция бы ушла, а он благополучно вернулся бы в свою комнату.

– Вообще-то это полезная информация, большое вам спасибо. Я рада, что вы смогли вспомнить ее для нас. И, если вы не возражаете, мы хотели бы снова связаться с вами. Когда у нас появится возможность поговорить с людьми, живущими на другой стороне улицы.

Люди на другой стороне улицы.

Люди, которые бросают на него неодобрительные взгляды всякий раз, когда проходят мимо.

Худенькая блондинка с неприятным лицом.

Ее дочь-верзила. Нелепый мужик в легинсах, бегающий в темноте вверх и вниз по холму, словно в поисках забвения.

Перекинув сумку через плечо, Кейт открывает входную дверь, собираясь пойти в свой арендованный кабинет в Сент-Джонс-Вуде, чтобы лечить пациента, но внезапно вздрагивает при виде невысокой блондинки в черном. Ее сопровождает мужчина в полицейской форме. Кейт замирает на месте и секунду смотрит на них. Она уже поняла: они здесь для того, чтобы поговорить о Сафайр Мэддокс.

– Здравствуйте, – говорит Кейт. – Извините. Я как раз собиралась по делам.

– Ничего страшного. Мы можем прийти еще раз.

– Ой, – говорит она. – Лучше не надо. Я могу уделить несколько минут.

– Вы уверены?

Она проводит их в гостиную, слава богу, только что убранную. Подушки на диване аккуратно расставлены в ряд.

– Хорошая квартира, – одобрительно говорит женщина.

– Спасибо, – благодарит Кейт. – Она не моя. В смысле, мы снимаем ее. Просто временное жилье.

– В любом случае, здесь мило. Обожаю высокие потолки. Инспектор Керри, – говорит женщина и протягивает маленькую руку. – А это констебль Родригес.

– Принести вам что-нибудь?

– Нет, не беспокойтесь. Но все равно спасибо.

Все садятся, и инспектор Керри достает блокнот и стопку бумаг.

– Мы расследуем исчезновение одной школьницы. – Она передает лист бумаги Кейт. Та тупо смотрит на знакомую фотографию Сафайр Мэддокс.

– Понятно, – говорит Кейт. – Да. Я видела это в газетах.

– Хорошо, тогда вы наверняка немного в курсе этого дела?

Кейт кивает. Она ждет, когда инспектор скажет что-нибудь про Роана, про его связь с Сафайр Мэддокс, но, к ее удивлению, инспектор говорит совсем другое.

– День святого Валентина. Вы можете вспомнить, где вы тогда были?

– А-а-а, – говорит Кейт. – Понятно. Да. Я была с мужем в Хэмпстеде, мы ужинали и выпивали.

– А во сколько вы вернулись домой?

– Примерно в двадцать три тридцать.

– А вы что-нибудь видели? Или кого-нибудь? Когда вы вернулись?

Кейт задумывается. Она собирается что-то сказать о фигуре, которую видела через шторы. Но ее что-то останавливает.

– Не могу вспомнить, – говорит Кейт.

– Около полуночи, может быть?

– Нет, – качает головой Кейт. – Нет. В полночь я была в постели.

– А ваш муж?

– Мой муж?

– Он тоже был в постели? В полночь?

Она не может вспомнить. Она никак не может вспомнить.

– Да, – твердо отвечает Кейт. – Я почти уверена, что да. – Она смотрит на часы. – Мне очень жаль, – говорит она. – Но мне пора идти. Через двадцать минут у меня в Сент-Джонс-Вуде будет пациент.

– Пациент? Вы врач?

– Нет. Я физиотерапевт.

– Понятно, извините, – говорит инспектор Керри, поднимаясь на ноги. – Мы не станем задерживать вас ни на минуту.

Неловко толкая друг друга, они все вместе выходят. Инспектор Керри и констебль Родригес стоят у входной двери и рассматривают дверные звонки.

– Кто-нибудь сейчас дома? – спрашивает инспектор Керри.

– Извините, без понятия. – Кейт виновато улыбается и говорит: – До свидания. – Она поворачивается и идет прочь по улице; сердце болезненно бьется о ребра.

* * *

Однажды у Роана действительно был роман. Это было в самые первые дни их брака, когда они были еще очень молоды и лишь привыкали к мысли о том, что теперь они супруги, когда все их друзья еще не были женаты.

Кейт внутренним чутьем догадалась, что происходит. Роан довольно плохо скрывал свои действия. Презервативы начали исчезать со скоростью, несоизмеримой с количеством половых контактов, которые у них были – тогда еще довольно много, до появления детей. Кейт отвечала за получение презервативов в клинике планирования семьи, поэтому лучше большинства женщин знала, сколько презервативов должно быть в коробке.

Роан тогда еще учился, и это было частью проблемы, а Кейт окончила колледж тремя годами ранее и работала полный рабочий день в спортивном реабилитационном зале. Пару лет их графики не совпадали. Кейт зарабатывала деньги, проводила дни с людьми старше нее и к десяти часам сильно уставала. Роан не приносил денег, проводил время с другими студентами и в 22:00 обычно сидел в пабе.

Он трахался с другой студенткой. Ее звали Мари. Она была того же возраста, что и Кейт, и у нее были очень длинные волосы. В тот момент, когда Кейт высказала ему свои подозрения, Роан оборвал этот роман – отказался признать его романом, – сказав, что это был «просто секс». Через час Мари пришла в их квартиру, но Кейт держала ее на тротуаре снаружи, пока та плакала, заламывала руки и причитала.

Вернувшись в дом, Кейт нашла на своем кардигане волос Мари. Она сняла его и некоторое время смотрела на волос, а затем бросила на пол. Роан сидел, опустив голову. Его лопатки были двумя острыми пиками раскаяния, и он всхлипывал, словно сквозь слезы.

– Она ушла? – спросил он.

Кейт кивнула и налила себе бокал вина.

– Все кончено?

– Все кончено? – притворно удивилась она. – Мы женаты. Что ты имеешь в виду, говоря, что все кончено?

– Я имею в виду, между нами все кончено?

Кейт вспоминает, как смотрела на одинокий волос Мари, который больше не был частью Мари, полтора фута длиной, скрученный на ковре в виде буквы С. «С»-секс. «С»-стыд. «С»-стерва. Кейт помнит, что представила тогда, как в постели Роан сжимал эти волосы в кулаке, пока они занимались «просто сексом». Она с трудом сдержала смех. Все это было так жалко, так мерзко.

– Я не могу жить без тебя. Ты ведь знаешь это, правда? Я не могу жить без нас.

Потом он расплакался, по-настоящему расплакался, полный раскаяния. Его лопатки поднимались и опускались, как поршни. И вот теперь она вспомнила свой ужас, свой шок. На какой-то миг она даже усомнилась, любила ли она его вообще, любила ли хоть когда-нибудь.

– Я бы умер без тебя, – сказал он, когда она передала ему салфетку. – Я буквально умер бы.

* * *

Через год Роан окончил медицинский факультет, быстро попал в Портман-центр и стал серьезным, взрослым человеком, всеми уважаемым, превосходным специалистом. В конце концов они даже стали шутить о Мари, о том, как в тот вечер она появилась перед их дверью с красными от слез глазами и в финале оказалась на тротуаре в объездах Кейт. Тот факт, что они могли шутить по этому поводу, стал своего рода сигналом, окончательным знаком того, что произошедшее было отклонением, разовым случаем. Чем-то таким, что не связано с ними и той супружеской парой, которой они станут, родителями, которыми им предстояло стать, той жизнью, которую они строили для себя.

Никто об этом не знал.

Кейт не сказала даже своим близким друзьям.

Это было *их* и только *их* дело.

Так что год назад, думая о худшем, она вовсе не сошла с ума. Она так и заявила Роану.

– Можно подумать, – сказала она, – раньше ничего подобного не случалось.

Он лишь посмеялся, как будто это была какая-то несущественная мелочь. И Кейт позволила ему посмеяться, потому что ей было ужасно стыдно за свои поступки.

Но, оглядываясь в прошлое, она видела, что после двадцати пяти лет он отнимает у нее право на моральное превосходство, вычеркивая собственные воспоминания о том плачущем, жалком, отчаявшемся мужчине в убогой квартирке в Килберне, заявлявшем, что убьет себя, если она его бросит. Возможно, он знал, что в тот момент Кейт усомнилась в своей любви к нему. Возможно, он ждал этого момента,

чтобы намекнуть ей, что он тоже способен усомниться в своей. Что способен восстановить баланс.

У них крепкий брак. Он многое выдержал. И они все еще могут найти способ относиться друг к другу хорошо.

Но, когда утром Кейт идет к своему пациенту, водянистое солнце играет на ее коже, и ей на ум вновь приходит один весьма интересный вопрос инспектора Керри. Кейт вновь вспоминает фигуру за окном и в очередной раз задается вопросом, где был Роан и что он делал в полночь в День святого Валентина.

– Сегодня утром приходила полиция, – сообщает Кейт Роану вечером. – Спрашивали о Сафайр Мэддокс.

Телефон Роана был выключен весь день, и это ее первый шанс обсудить с ним события дня.

– Понятно, – говорит он. – И что они сказали?

– Сказали, что обходят соседей, разговаривают с ними. Но я не видела, чтобы они подходили к чужой двери. Только к нашей. Я подозреваю, что они, вероятно, скоро пойдут по твоему следу.

– Вот как, – говорит он. – Да. Они приходили ко мне сегодня утром.

Он произносит эти слова небрежно, как будто визит полицейских, пришедших поговорить с ним о пропавшей девушке, – самая заурядная вещь. У Кейт почти возникает ощущение, что, не спроси она его об этом, он бы вообще не заговорил на эту тему.

– И что они сказали?

Роан пожимает плечами, просматривает почту на кухонном столе, развязывает шерстяной шарф.

– Думаю, они хотели проникнуть в суть дела. Получить представление о том, что она за человек, что могло подтолкнуть ее к побегу.

– Побегу?

– Да. Хотя я был вынужден сказать им, что я не видел ее уже несколько месяцев. Так что я не совсем уверен, в каком состоянии она была в последнее время.

– Но я думала, что она пропала. Она ведь не сбежала?

Он непонимающе смотрит на нее.

– На самом деле это ведь одно и то же, правда? Пока мы не знаем, что случилось.

– Но ведь беглец возьмет с собой сумку?

Он пожимает плечами.

– Может, она и взяла?

– Она взяла. Но в сумке ничего не было. Смотри. – Кейт указывает на листовку. – Здесь так и сказано. Они наверняка тебе это сказали.

Она не в меру настойчива и чувствует необъяснимую причастность ко всему этому, как будто происходящее непонятным образом связано с ней самой.

– Они не сказали. Они сообщили мне очень мало информации. Их куда больше интересовало ее состояние, когда она проходила у меня курс лечения.

– И какое оно? Что за состояние?

Он снова смотрит на нее.

– Ты же знаешь, я не могу тебе этого сказать.

– Но она уже больше не твоя пациентка, и, конечно, ты можешь...

– Нет, – обрывает он ее. – Ты прекрасно знаешь, что я не могу. Не могу поверить, что ты меня спрашиваешь.

И вот он снова перед ней, тот мужчина из прошлого года, пылающий праведным гневом, тот самый, которого она едва не бросила, усомнившись в его верности. Мужчина, который заставил ее чувствовать себя злой, дурной и токсичной. Но на этот раз все иначе. Дело не в ее смутной догадке, что что-то не так, отчего она отчаянно ищет подтверждения своей догадке. На этот раз что-то действительно неладно: пропала девушка.

– Но было ли это что-то такое, что могло подтолкнуть ее к такому поведению? Тебе не нужно рассказывать мне, что именно, но, как ты думаешь, она была психически неуравновешенной?

Кейт знает, что подталкивает его к признанию, но ей все равно.

Он кладет ладони на кухонный стол и поднимает на нее глаза.

– Я прекратил наши с ней сеансы, – говорит он, – потому что у нее все было хорошо. Она оставила некоторые свои вредные привычки. Кроме этого, я больше ни о чем не имею понятия. Я не в курсе, что было в ее жизни до ее исчезновения.

– Ты больше не видел ее?

Роан нарочито громко вздыхает, чтобы она поняла, как далеко она его толкает.

– Нет. Больше я ее не видел.

– И что ты думаешь? Как ты считаешь, что с ней случилось?

– Понятия не имею. Ей семнадцать. Трудное детство. Скрытая травма. Кто знает?

Такое впечатление, что вся эта история с исчезновением Сафайр его раздражает. Он как будто стремится уйти от обсуждения этой темы.

Кейт в упор смотрит на него.

– Похоже, тебе все равно.

Он закатывает глаза.

– Конечно, мне не все равно.

– По твоему голосу этого не скажешь.

– Мой профессиональный долг – это одно, но Сафайр больше не моя пациентка. Нет, конечно, она мне не безразлична, как и то, что с ней случится. Конечно, меня беспокоит, что она исчезла. Я просто не понимаю, чем я могу тут помочь.

Кейт молчит. Она берет со стола две грязные кружки и медленно относит их к раковине. Потом кладет руки на край столешницы и смотрит в окно.

– Они спрашивали, что мы делали тем вечером, – говорит Кейт. – Ну, ты знаешь, в День святого Валентина.

Он не отвечает.

– Я сказала, что мы были в постели.

– Но мы ведь были, разве не так?

– Я-то была. Ты был... я не знаю. Я лежала довольно долго, ожидая, когда ты придешь. А когда ты вернулся, я спросила тебя, что ты делал, и ты ответил, что ничего не делал, а затем мы занялись сексом.

– И?

– И что ты делал?

Вот оно. Вопрос задан издалека. Они немедленно вернулись в то самое место, где провели все эти адские недели в прошлом году.

– Кейт, – говорит Роан тоном, к которому она тогда так привыкла, терпеливым тоном типа «неужели я должен мириться с этой ерундой?», – господи, что ты хочешь сказать?

Она отрывает руки от кухонного стола и, улыбаясь, снова поворачивается. Ей туда совсем не хочется.

– Ничего, – беспечно отвечает она. – Совершенно ничего.

В те летние месяцы я наблюдала, как Роан Форс изменяет жене с рыжеволосой девушкой. Ее звали Алисия. Я узнала это, когда он окликнул ее через всю автостоянку возле клиники. Они часто ходили в грязноватый паб на углу. Они забивались в самые дальние уголки пивного сада и говорили так, будто собирались умереть друг от друга. Они неплохо смотрелись вместе, несмотря на разницу в возрасте. В некотором смысле даже лучше, чем он и его жена. Его жена выглядела так, будто жизнь доконала ее. В отличие от нее, Роан выглядел свежо. Он никогда не выглядел уставшим или измученным. Наоборот, как будто он только что принял душ, хорошо отдохнул в отпуске и готов к новым свершениям. Он буквально светился. Не знаю, сколько ему было лет, но я бы дала около пятидесяти. Алисия была намного моложе, но они были красивой парой.

Я погуглила и нашла среди сотрудников Портман-центра младшего психотерапевта по имени Алисия Мазерс. На сайте была ее биография. У нее имелся диплом магистра психологии Университетского колледжа Лондона и докторская степень. Умная особа. Однажды вечером, после одного из их ранних свиданий (они редко прощались друг с другом позже чем в восемь-девять часов вечера) я увязалась за Алисией и проводила ее до самого дома. Она жила в квартире в небольшом доме на Уиллесден-лейн. Дом на вид был невзрачный. Когда она вернулась домой, на четвертом этаже зажегся свет. Значит, она там жила. Полезно знать. Я сделала несколько фотографий и пошла домой.

Конечно, бабушка и Аарон беспокоились по поводу того, сколько времени я провожу вне дома. Я давала уклончивые ответы, типа мне семнадцать, я почти взрослая, дайте мне немного свободного пространства. Я видела, что Аарон особенно беспокоится обо мне. В какой-то момент он даже сказал:

– Ты как будто чем-то встревожена, Саф. Может, мне стоит связаться с доктором Форсом? (Аарон любил Роана, относился к нему практически благоговейно. Будь у Аарона кепка, он бы ее снял перед ним, что-то в этом роде.)

– Не говори глупости, – сказала я. – Зачем?

– Не знаю, – ответил он. – Может, ты переживаешь из-за экзаменов? Может, в твоей жизни происходит что-то важное? Я имею в виду, у тебя есть... ну, парень?

Я рассмеялась. Парня у меня никогда не было, и я даже представить не могла, что он когда-нибудь появится. Эта часть меня как будто сморщилась и умерла, когда Харрисон Джон сделал со мной то, что он сделал, когда мне было десять лет. Я могла смотреть на мальчиков и видеть красивые глаза, приятное лицо или даже стройное тело, но это никогда не перерастало в чувства. Мне не были нужны ни они сами, ни их внимание.

– Нет, парня у меня нет, – сказала я. – Просто я много гуляю. Проветриваю голову. Ты сам знаешь.

Иногда, если в течение дня у меня бывала свободная минутка, я наблюдала за женой Роана. Если честно, мне было ее жаль. Вот она, в джинсах «Fat Face» и топах с цветочным рисунком, ходит по дому, как робот покупает продукты для всей семьи, взбивает одеяла, заполняет какие-то бумаги, размораживает холодильник, моет полы и все такое прочее, что в моем представлении делают домохозяйки среднего класса. И ради чего? Чтобы муж однажды вошел в дверь и сказал:

– Я кое-кого встретил. Она моложе тебя и красивее, и я хочу заниматься с ней сексом.

И что потом? Что происходит с такой женщиной, у которой какая-то липовая работа и дети вот-вот выпорхнут из дома? Где в конечном итоге окажется Кейт Форс? Я, честно говоря, очень за нее переживала. В самом деле. Ужасно, когда ты знаешь что-то такое, чего не знает кто-то другой. Из-за этого чувствуешь себя отчасти виновным за их незавидное положение.

Затем, ближе к концу лета, а точнее, на следующий день после того, как я получила результаты экзаменов на аттестат о среднем образовании (я получила шесть оценок А и три – А*, если вам интересно), произошла странная вещь.

Был поздний вечер пятницы. Я была у своей подруги Жасмин, пришла поесть купленной навывнос еды и послушать музыку. Она собиралась пойти в клуб или куда-то еще в этом роде, а я не хотела идти. Не мое, от слова «совсем». Но мне нравится смотреть, как мои подруги готовятся к походу в клуб, нравится слушать музыку, нравятся куриный тикка и паратха, нравится Жасмин, так что, знаете, я какое-то время у нее зависала.

Я ушла от Жасмин около девяти. На улице уже стемнело, но все еще было тепло, и я решила пойти домой мимо дома Роана. Я не собиралась там торчать, просто хотела пройти мимо, взглянуть одним глазком и пойти дальше домой. К тому моменту я представляла себе, будто я собака или голубь: следую курсом, который приведет меня к дому.

Поскольку я была у Жасмин, то шла с другой стороны, мимо стройплощадки, которая выходит на другую дорогу. Еще до того, как я до нее дошла, мне в нос ударил сильный, тошнотворный запах «травки». Я просунула голову в дырку в листве и оглядела участок. Сначала я ничего не увидела, но потом заметила свет телефона и горящий красный кончик толстой самокрутки. И лицо, мальчишеское лицо. Он был один. И выглядел совсем юным. Он затыгивался, и красный кончик «косячка» становился все больше и ярче. Свет в телефоне погас, мальчик его выключил. А потом я увидела, как он оглянулся. Я услышала, как он что-то сказал себе под нос, и увидела, как он сунул руку в карман. И что-то вынул из него, и снова повернулся, издав тот же звук.

И я увидела лису. То есть лиса. Он на миг замер и посмотрел на мальчишку. Я подумала, что в конце концов лис просто убежит, как и все лисы, которых я встречала на улице. Но этот лис повел себя не так. Он очень медленно, дюйм за дюймом, пополз вперед, низко опустив голову и отведя плечи. Каждые несколько секунд лис оглядывался назад. Но в конце концов он подполз к мальчику. Я слышала, как мальчишка сказал лису: «Добрый вечер, сэр», – и увидела, как он протянул лису какую-то еду. Взяв ее, лис отошел от него на несколько футов, выпустил еду изо рта и медленно и методично стал есть ее с земли. Мальчик протянул ему еще один кусок. Лис вернулся и осторожно взял его.

Затем, вы не поверите, мальчишка дотронулся до головы лиса, и тот его не укусил. Моя челюсть отвисла. Я никогда в жизни не видела ничего подобного. Я сделала фотку: мальчик и лис с ним рядом. Сделала в тот момент, когда лис повернулся и взглянул на мальчика. Почти как верный пес, что преданно смотрит на своего хозяина.

Мальчишка докурил «косячок» и растоптал окурок. Лис услышал вдалеке какой-то звук и побежал прочь. Мальчик поднялся на ноги, взял рюкзак, отряхнул штанины и зад. Я резко отвернулась, чтобы он меня не заметил. Я достала телефон и притворилась, будто просто стою там и просматриваю чат. Вскоре мальчик выглянул из-за листвы, залез на стену и спрыгнул на тротуар. Потом свернул за угол и медленно зашагал к дому Роана. И тогда я поняла, кто это такой. Это сын Роана. Те же длинные худые ноги.

И я подумала: в каждой семье есть паршивая овца, свой темный персонаж. В моей семье это, без сомнения, я. Похоже, я нашла паршивую овцу в семье Роана. У кого этот мальчишка берет «травку»? Почему он курит один на стройке? И как он завел дружбу с лисом? Что это за странности доктора Дулиттла?

Вернувшись домой, я увеличила эту фотку. Она мне понравилась. У мальчишки было хорошее лицо, как и у его отца, но оно еще не до конца сформировалось. На темном, бесцветном фоне фотографии, с торчащей стрижкой, резкими, крупными чертами и серьезным лицом, мальчик как будто перенесся сюда из Викторианской эпохи. Затем я увеличила изображение лиса. Глаза животного были прикованы к мальчику. Свет уличных фонарей отражался лишь от одного белого уса. Какой красавец. И такой спокойный. Такая фотка могла запросто выиграть приз на конкурсе. Я сохранила ее в «избранном».

Затем я положила телефон, закрыла ноутбук и, пока Жасмин направлялась в город, гордо выпятив сиськи, торчащие из топики, и с фляжкой водки в крошечной сумочке, а Роан после работы в пятницу занимался тем, чем обычно, с этой красивой девушкой, доктором философии, словно сошедшей с картины прерафаэлитов, а его сын сидел в своей комнате обкуренный и с карманами, набитыми мясом для лиса, я села на кровать и открыла книгу.

На следующее утро улица Кейт перекрыта. Две патрульные машины припаркованы по диагонали через проезжую часть, их мигалки медленно вращаются, и синий свет рисует узоры на стене ее спальни. Посреди дороги стоит фургон без опознавательных знаков, а у ограждающей ленты двое полицейских в форме говорят людям, чтобы те шли в обход. В доме через дорогу дергаются занавески, через парадные двери выглядывают жильцы в халатах. За спиной Кейт появляется Джорджия.

– Что, черт возьми, происходит? – спрашивает она.

– Понятия не имею. Полагаю, это как-то связано с этой девушкой. Сафайр Мэддокс.

– О господи. – Джорджия прижимает ладони к щекам. – Как ты думаешь, они ее нашли? Ее тело?

– О господи, Джорджия. Не надо. Просто... – Кейт умолкает, но ей это уже приходило в голову. Большие деревянные ворота строительной площадки через дорогу распахнуты настежь, и сквозь них туда-сюда проходят полицейские в штатском.

– Пойду спрошу, – говорит Джорджия, поворачивается и выходит из комнаты.

– Джорджия, не надо, – кричит Кейт. – Оставь их, они лишь делают свое дело...

Она слышит, как открывается входная дверь, затем видит Джорджию. Все еще в пижаме, с накинутой сверху толстовкой, и в кроссовках с придавленными задниками, которые она на ходу пытается надеть как следует, ее дочь прыжками приближается к полицейским в форме. Кейт наблюдает через щель в шторах, как Джорджия, сунув руки в передние карманы толстовки, стоит перед ними, как кивает, указывая головой на строительную площадку, затем на их дом. Через мгновение Джорджия поворачивается и возвращается. Кейт встречает ее у входной двери.

– Что они сказали?

Джорджия скидывает незашнурованные кроссовки и идет в кухню, на ходу разговаривая с Кейт.

– Они сказали, что якобы что-то нашли на той стройке. Там сейчас работают криминалисты. Я спросила, было ли там тело. Они сказали, нет, это не труп. Я спросила, связано ли это с Сафайр Мэддокс. Они сказали, что не имеют права ничего говорить. Сказали только, что будут там весь день, может, и завтра тоже.

Кейт кивает. Ее желудок скручивается узлом. Она смотрит на часы. Сейчас девять. Сегодня утром Роан ушел на работу рано, в семь. Интересно, задается вопросом Кейт, была ли полиция уже здесь, когда он уходил? Если да, как он это воспринял? Она отправляет ему сообщение по WhatsApp: *«На нашей улице полицейский кордон, криминалисты на строительной площадке через дорогу. Есть идеи, что происходит?»*

Галочка остается серой. Кейт кладет телефон и наполняет чайник.

– Хочешь чаю? – спрашивает она Джорджию.

Джорджия уже наполовину слопала мини-ролл «Кэдберис».

– Нет, спасибо, я иду спать, – говорит она. Затем стягивает толстовку и вешает ее на спинку стула. После этого она бросает обертку мини-ролла в корзину для мусора, но не попадает, и та падает на пол. Кейт собирается окликнуть дочь, чтобы она подняла бумажку, но не может найти в себе сил, поэтому вздыхает и подбирает ее сама.

И при каждом движении через ее нервную систему пробегает легкая дрожь.

Кейт идет к ящику шкафа, в котором лежат кухонные полотенца, и снова вытаскивает загадочную валентинку Роана. При этом ей приходит в голову одна мысль: открытка Молли не такой формы, как конверт. Она чуть длиннее, но не такая широкая. Эта открытка была куплена без конверта. Кейт снова вытаскивает ее, открывает и читает. Маленькая Молли. Какая странная маленькая девочка, шлет валентинки старикам.

Кейт крутит открытку в руках, исследуя ее на предмет чего-нибудь необычного, какой-нибудь мелочи, которая помогла бы понять ее смысл. Увы, ее усилия напрасны. В конце концов, работа Роана – забота о странных чужих детях. Почему Кейт удивляет то, что кто-то из них может вести себя с ним странно?

Она вздыхает и возвращает открытку на место. Затем поворачивается и вздрагивает. В дверях стоит Джош. На нем махровый халат, его волосы взлохмачены.

– Почему на улице столько полиции? – спрашивает Джош.

– Не знаю, – отвечает Кейт. – Наверно, это как-то связано с пропавшей девушкой. Они что-то нашли на стройплощадке, провели там экспертизу.

– Правда? – произносит он, возвращаясь в комнату Кейт, и смотрит в окно. Она следует за ним. Кожа на его затылке воспалена после вчерашней кошмарной стрижки. Стрижки, как у героев сериала «Острые козырьки». Похоже, именно так стригутся в наши дни все мальчишки, в результате чего их головы кажутся слишком большими, по сравнению с телом.

Кейт стоит у окна за спиной сына. Оба наблюдают, как из ворот строительной площадки выходят мужчина и женщина в штатском с какими-то пластиковыми ящиками. Полицейские, охраняющие место по периметру, раздвигают ворота шире, давая проехать другой полицейской машине. Из этой машины выходят еще два человека. В одном из них Кейт тотчас же узнает полицейского, который накануне сидел на ее диване, того самого, который интересовался, где она была в полночь в День святого Валентина. Между Альфред-роуд, где живет Сафайр, и деревней, куда, по ее словам, она якобы отправилась прогуляться, проходит пятьдесят улиц. Тысяча домов. Там живут десятки тысяч человек. Тем не менее из всех дверных звонков полицейские позвонили именно в дверной звонок Кейт, сидели на ее диване, интересовались ее местонахождением и теперь выбрали для расследования строительную площадку напротив ее дома. Не говоря уже о том, что им интересно, как ее муж связан с девушкой, которую они пытаются найти.

Услышав в небе стрекот лопастей вертолета, они с Джошем поднимают головы.

– Репортеры, – говорит Джош. – Интересно, как они узнали?

– Достаточно одного телефонного звонка, – отвечает Кейт. – Хотя полиция и без того ничего не скрывает.

Кейт замечает на противоположной стороне улицы движение. Входная дверь дома напротив распаивается. Тот самый мужчина, странный мужчина. Кейт слегка прячется за штору, чтобы ее не было видно.

Позади него – женщина, с которой он, кажется, живет, статная седовласая дама, которую она видела утром несколько недель назад,

когда та искала в сумочке ключи. А за седой женщиной – очень высокий джентльмен с зачесанными назад седыми волосами.

Они медленно выходят из дома. Пожилой мужчина смотрит на небо в поисках вертолета, треск которого он слышит. Женщина идет к полицейским у оцепления, и Кейт видит, как она о чем-то их спрашивает. Пожилой мужчина и тот, что помладше, стоят рядом, в нескольких футах от полицейских. Внезапно Кейт приходит в голову мысль, что, возможно, странный молодой человек имеет к происходящему какое-то отношение, и то, что полиция приходила к ней домой, чтобы расспросить про полночь Дня святого Валентина, не имеет с ней ничего общего, и все это как-то связано именно с ним.

Преодолевая физический дискомфорт, она смотрит на него. Одна его рука прижата ко рту, второй он обхватил себя за талию и все время оборачивается на строительную площадку. Через минуту он возвращается обратно в дом, а пожилая пара остается на подъездной дорожке.

Кейт видит, как женщина-полицейский разговаривает с двумя мужчинами, которые только что вышли со строительной площадки с пластиковыми ящиками. Она о чем-то их спрашивает. Один из них кивает. Второй качает головой. Все они поворачиваются и смотрят на строительную площадку. Затем женщина-полицейский поворачивается и смотрит прямо на дом Кейт, на саму Кейт. Похоже, они говорили о ней, о ее семье.

– Пойдем, – говорит она Джошу, который последние две минуты почти не дышал. – А они пусть занимаются своими делами.

Кейт касается его плеча, и он едва заметно отшатывается от нее.

– Нет, – говорит он. – Я хочу остаться и посмотреть.

Кейт вздыхает.

– Хорошо, – легко говорит она. – Хочешь чашку чая?

– Да, пожалуйста, – говорит он. – Спасибо. Люблю тебя, мам.

– Я тоже тебя люблю, – отвечает она. Ее сердце немного болит при мысли о нем. Ее ласковый мальчик, с его бесконечной любовью и воспаленным, наголо выбритым затылком.

Услышав, как лопасти вертолета шумно рассекают воздух над домом, Оуэн открывает окно своей спальни и выглядывает как можно дальше. В это время года, прежде чем деревья снова зазеленеют, ему хорошо видна часть большого пустыря рядом с их домом.

Раньше там был особняк под названием Уинтерхэм-Хаус. Десятилетиями он стоял с разбитыми окнами, ненадежными балконами, накренившимися каминными трубами, изрисованными граффити стенами, увитый плющом и весь заросший травой. Когда Оуэн впервые переехал в квартиру Тесси, до приказа о сносе дома оставалось два месяца. Оуэн с замиранием сердца наблюдал за тем, как здание сносили, разбирали по кирпичику, все более-менее ценное увозили в фургонах и продавали в качестве вторичного сырья по сильно завышенным ценам. Кирпичи забирали, чтобы снова отправить на склад, а все остальное было разбито на куски, довольно мелкие, чтобы они поместились в задней части пикапа. Процесс занял около трех месяцев. Затем люди, занимавшиеся сносом дома, ушли. Внезапно пыль улеглась, шум прекратился, и сквозь деревья в комнату Оуэна стал проникать свет, запели птицы, стали появляться лисы, и каждое лето цвели луговые цветы. Иногда теплыми вечерами Оуэн слышит, как там собираются подростки, и до его комнаты доносится запах марихуаны.

Однажды снаружи появилось объявление, в котором говорилось, что кто-то подал заявку на строительство на этом участке пяти роскошных таунхаусов. Разумеется, весь район дружно восстал против этой затеи, пытаясь добиться запрета строительства. В конце концов застройщик, купивший этот участок, пошел на компромисс, предложив построить относительно небольшой жилой дом, таким образом сохранив максимальное количество зелени и свободного пространства. Решение было одобрено четыре года назад, но с тех пор ничего не сдвинулось с места.

Открытый, зеленый вид из спальни дарил Оуэну ощущение, будто он живет один в лесу. Из его окна видны только деревья, и никаких признаков городской жизни.

Но, выглядывая сейчас из окна спальни, он видит, что этот тихий оазис кишит людьми. Голоса окликают друг друга, слышен треск раций. Оуэн видит человеческие фигуры, снующие по открытому пространству. Стрекот вертолетов над головой то затихает на миг, то делается громче. Оуэн предполагает, что это как-то связано с пропавшей девушкой, о которой вчера его расспрашивала полиция. Ему кажется, это его вина, что они здесь. Это он имел глупость упомянуть о девушке в толстовке с капюшоном у дома напротив ночью в День святого Валентина. И он даже не совсем уверен в том, что видел ее. Тот вечер – размытое пятно, ускоренный фильм, который иногда замирает на случайном кадре, а затем вновь крутится дальше на высокой скорости. Оуэн едва помнит, как лег той ночью в постель, а проснулся в рубашке и одном носке.

Оуэн выходит в коридор. Тесси и Барри уже там, стоят у входной двери и наблюдают за происходящим.

– Они что-то нашли, – говорит его тетка. – Что-то, связанное с той девушкой, о которой тебя спрашивали, той самой, что была на листовке.

– И что они нашли?

– Они мне не сказали. Но они намерены на весь день перекрыть дорогу. И еще они попросили доступ к внешним участкам.

– Это к каким?

– Вокруг дома. Я, разумеется, согласилась.

Оуэн моргает.

– Ты ведь не возражаешь? – спрашивает Тесси, прищурившись.

– Нет, – говорит он. – Почему я должен возражать?

– Я не знаю. Вдруг ты воспримешь это как вторжение в твое личное пространство. Или что-то вроде того.

– Но ведь это не мой сад? Он общий.

– Да, – говорит Тесси, – верно. Общий.

Сейчас в их саду за домом полиция, ковыряется в кустах, среди куч ржавого садового инвентаря, которым никто никогда не пользуется. Некоторое время Оуэн наблюдает за ними, пытаясь услышать, что они говорят. Он улавливает лишь отдельные слова, но их недостаточно, чтобы понять, о чем они могут говорить.

Похоже, небольшая группа полицейских что-то ищет под окном его спальни в задней части дома. Его внутренности тотчас пронзает

вспышка тревоги. Оуэн возвращается в свою спальню и закрывает за собой дверь.

Он слышит рядом с окном мужской голос, и этот голос зовет кого-то еще.

– Вот, смотри. Принеси фонарик.

Оуэн переводит дыхание, становится сбоку от окна, прижимается спиной к стене и прислушивается.

– Найдите начальника, – говорит мужчина.

Оуэн слышит, как кто-то бежит по траве и по гравийной дорожке, зовя инспектора Керри.

Через мгновение слышится женский голос.

– Что там у вас?

Оуэн осторожно выглядывает в окно. Он смотрит вниз и видит макушки трех голов. В луче фонарика в траве что-то светится, что-то розовое и блестящее. Он видит руки в перчатках, осторожно раздвигающие травинки. Он видит, как из травы выдергивают чехол для телефона и бросают в протянутый пластиковый пакет.

Воздух как будто наэлектризован. Что-то вот-вот должно произойти. Что-то экстраординарное. Что-то ужасное.

Лопасты вертолета, вращающиеся над головой, грохочут, как копыта огромного стада тяжеловесных животных, с топотом мчащихся в облаке густой черной пыли. Оуэн отворачивается от окна и сползает по стене на пол.

Сафайр

Сына Роана зовут Джош. Джошуа Форс. Его имя следует произносить с шиком, иначе оно звучит глупо. Он ходит в школу напротив моего дома. В тот осенний семестр я время от времени видела его. Раньше я бы никогда не выделила его в толпе – типичный долговязый белый чувак в куртке «North Face» и черных кроссовках. У него был друг. Как ни странно, у этого друга были рыжие волосы и лицо с острыми чертами, и казалось, что друг и тот лис каким-то образом взаимозаменяемы, как будто Джошу нравилось то, что было похоже на лисиц.

Той осенью я несколько раз шла за ним следом до самого дома. Он плелся медленно, как черепаха. Если Джош хотел что-то посмотреть в телефоне, он просто останавливался посреди тротуара, не обращая внимания на тех, кто шел позади или рядом с ним. Иногда он без видимой причины переходил улицу, а потом снова возвращался обратно. Он мог остановиться и заглянуть в витрину магазина, который не был похож на те, что ему интересны. Иногда мне казалось, что он просто тянул время, пытаюсь идти домой как можно медленнее. Возможно, он вообще не хотел идти домой.

Он довольно часто юркал сквозь кусты на тот пустой участок, чтобы покурить «травку». Однажды вечером он пришел вместе с тем рыжим мальчишкой. Я слышала, как они смеялись, и мне было приятно, что у него есть друг, с которым можно посмеяться.

Затем однажды, в конце сентября, первые несколько недель в шестом классе я стала ходить на занятия в додзё по четвергам, а он, нервный и зеленый, брал там пробный урок. Я пришла на занятие на несколько минут раньше, поэтому сидела и смотрела, как Джош заканчивает свое. Он был на фут выше остальных. Это был класс для начинающих, поэтому в основном это были дети. Я ломала голову, что он там забыл, этот неуклюжий, курящий «травку» мальчик, болтающий с лисами. Он смотрелся здесь белой вороной.

На последние упражнения его поставили в пару с маленькой девочкой. Он выглядел смущенным. Она – несчастной, но покорной. Потом все закончилось, и их научили, как завершать урок:

– *Кам са хамнида.*

– *Эе сан.*

Он неуклюже прошаркал в раздевалку и вскоре появился снова в школьной форме, куртке «North Face» и со школьным рюкзаком. Он заметил, что я смотрю на него, и я кивнула. Он покраснел и отвернулся.

Казалось, это что-то значило, что этот мальчик был там, в моем додзё. Я на мгновение задумалась, замечал ли он, как я слежу за ним, и пытался ли обратить ситуацию в свою пользу, например, давая мне понять, что знает, чем я занимаюсь. Но он как будто никогда не замечал меня там. По крайней мере, у меня не было впечатления, будто он замечает мое присутствие.

В третий раз, когда он был там, я опоздала и оказалась с ним в раздевалке. Занавеска была задернута. Два маленьких мальчика сидели на полу, скрестив ноги, и завязывали на школьных туфлях шнурки. Я сняла пальто и толстовку и повесила их на крючок. Затем повернулась к Джошу и спросила:

– Как тебе здесь?

Он посмотрел на меня так, будто я была первой, кто заговорил с ним за всю его жизнь.

– Что?

– Я спросила, как тебе здесь? Ты новенький, да?

Он кивнул.

– В целом нравится.

– Какова твоя цель?

– Не понял?

– Какова твоя цель? Я занимаюсь этим с шести лет. Хочу, чтобы никто на улице не мог меня утратить, запугать. Просто интересно, что ты от этого ждешь?

– Думаю, то же самое.

– Для самозащиты? – уточнила я.

– Ага, – ответил он. – Что-то вроде. На меня напали.

– Боже мой, – сказала я. – Когда?

– Несколько недель назад.

– Вот дерьмо. Не было печали. – Я взглянула на маленьких мальчиков на полу и сказала: – Извините. – Затем, повернувшись к Джошу, уточнила: – Они сделали тебе больно?

Он пожал плечами.

– Нет. Не совсем. Я не особо сопротивлялся, ну, ты знаешь.

Я знала. Я действительно знала.

– Есть идеи, кто это был?

– Нет. Просто белый парень в капюшоне.

– Жесть, – сказала я.

– Ага, – сказал он.

Затем он взял сумку и, не попрощавшись, ушел. Он больше не вернулся в додзё.

* * *

Однажды вечером, примерно в то же время, когда я впервые увидела Джоша в додзё, я вернулась домой и обнаружила, что мой дедушка неуклюже лежит в кресле. Его кожа выглядела серой.

– Дедушка, с тобой все в порядке? – спросила я.

– Думаю, да, – ответил он. – Но точно не скажу.

Он сказал, что у него несварение желудка, поэтому я дала ему таблетки от изжоги. Он все время тер грудь и морщился. Аарон пришел домой через час после меня и вызвал «скорую».

Вскоре после этого я сидела в скрипучем пластиковом кресле в Королевской бесплатной больнице, держала дедушку за руку и говорила ему, что все будет хорошо.

Но я лгала.

Все было очень даже нехорошо.

Дедушка провел в больнице три дня, у него брали разные анализы. В конце концов ему поставили диагноз «стенокардия», а затем, после дополнительных анализов и кардиограмм, выявили ишемическую болезнь сердца. Его отправили домой, снабдив длинным списком новых способов продлить себе жизнь, – продуктов, которые он должен есть, и лекарств, которые должен принимать. Я могла точно сказать, что он не собирался ничего из этого делать. Он потерял жену и дочь, он годами страдал от боли, у него не было личной жизни и

работы, а теперь я почти выросла, почти стала взрослой, и он не видел смысла менять свой образ жизни, чтобы прожить еще двадцать лет, будучи обузой для всех нас.

* * *

Поэтому он отвергал всю здоровую пищу, которую ему покупал и готовил Аарон, и оставлял таблетки на столе рядом со своим стулом. Он отказался выходить со мной на прогулки, а затем, еще до того, как мы по-настоящему попытались спасти ему жизнь, умер от сердечного приступа. Когда его не стало, ему было всего пятьдесят девять. Это очень немного, когда вы говорите о смерти.

Так я оказалась, по сути, одна. Ни матери, ни отца, ни бабушки, ни дедушки, только два дяди и две маленькие кузины. Маловато.

После похорон дедушки я неделю не могла встать с постели. Я чувствовала себя пустой ореховой скорлупой, меня можно было сдуть одним дуновением или раздавить большим пальцем.

Впервые за всю школьную жизнь я начала отставать от всего класса.

Аарон пошел поговорить с моими учителями, и они прислали сюда эту женщину из какой-то организации, связанной с опекой. До этого я ее в глаза не видела. На вид всегда чем-то недовольная, с лицом, похожим на кусок теста, – совсем не как в кино, где Сандра Баллок или кто-то другой приходит и меняет вашу жизнь. Нет, она сидела по другую сторону нашего крохотного обеденного стола напротив меня. Мы обе сжимали голубые кружки с чаем, который готовил нам Аарон, и она говорила мне что-то, очень много слов, она хотела как лучше и была такая участливая, но как только она ушла, я просто шлепнулась обратно в постель.

* * *

Именно *Ночь фейерверков* вытащила меня из кризиса. Я сидела на спинке дивана с Аароном и, раздвинув шторы, смотрела, как небо взрывается разноцветными огнями. Было странно, что дедушки нет

рядом, но это напомнило мне, что жизнь продолжается, как бы приземленно это ни звучало. Да, жизнь продолжается. Фейерверки все так же взрываются, люди все так же восхищенно любят ими, дети все так же держат бенгальские огни, лисы все так же рыщут в городской черноте в поисках куриных костей.

Я надела куртку «Пуффа» и сказала Аарону, что хочу купить лимонад в магазине внизу. Вместо этого я купила пачку «Фридж райдерз», снеков с мясным вкусом, и направилась в сторону Хэмпстеда по зеленым бульварам, где в частных садах запускали фейерверки и над вековыми деревьями были видны лишь размытые вспышки света. На углу около дома Роана я прокралась в ту же брешь, которой пользовался Джош, чтобы пробраться на пустырь. Было нехолодно, я сняла куртку и использовала ее как одеяло.

Я открыла пачку снеков и положила ее на влажный гравий рядом с собой, в надежде на то, что запах распространится по всему пустырю. Я включила телефон и написала Аарону. *«Я иду в гости к Жасмин. Увидимся позже».*

«Все в порядке?» – ответил он.

Я уже начала печатать ответ, но остановилась, услышав где-то позади меня шорох. Это был он. Лис. Я положила телефон на колени и затаила дыхание. Я слышала, как он крадется по гравию все ближе и ближе ко мне. Я сунула руку в пакет со снеками и, вытащив брусочек, зажала его между указательным и большим пальцами. Я не стала оборачиваться, чтобы посмотреть. Мне было слышно взволнованное дыхание лиса. Я почувствовала, что он остановился, причем всего в нескольких дюймах от меня. А потом я почувствовала на коже своей руки тепло его дыхания. Я уронила снек и услышала, как лис фыркнул и потянулся к нему носом. Но даже не двинулся с места. Поэтому я подтолкнула пакет на несколько дюймов вперед, чтобы посмотреть, двинется ли лис к нему. Но он застыл рядом со мной и выжидающе смотрел на пакет, совсем как собака.

– Хочешь еще одну? – спросила я. Он не смотрел на меня, просто не сводил глаз с пакета. Его рыжие глазки были буквально прикованы к нему. – Хорошо, – сказала я, вынимая новый снек. – Угощайся.

Над головой взорвался огромный фейерверк, и на миг я подумала, что лис сейчас даст стрекача. Но он остался на месте, и я периферийным зрением увидела его мордочку. Затем он взял снек,

который я держала двумя пальцами. Я так глубоко вдохнула, что у меня перехватило дыхание.

И тут я поняла, что вернулась в то самое место, где оказалась в тот раз у Лекси на вечеринке с животными, когда тот чувак протянул мне сову по имени Гарри. Все черное внутри меня превратилось в серебро и золото. Я ощутила единение с землей, небом, деревьями, воздухом. Это было такое мощное чувство, мне как будто дали под дых. Бабочки бились крылышками в моем животе. Я подавила хихиканье и прикрыла рот тыльной стороной ладони. Я посмотрела на затянутое пороховым дымом ночное небо, поискав глазами, нашла звезду, тусклую и невзрачную, зато мою, и, сложив руки в молитве, сказала:

– Я люблю тебя, дедушка. Я люблю тебя, бабушка. Я люблю тебя, мама.

Я взяла свой телефон и ответила на сообщение Аарона.

«У меня все хорошо!» И добавила улыбающийся смайлик.

А лис по-прежнему стоял рядом со мной. Я дала ему еще несколько снеков и громко рассмеялась.

Я подумала: ха, видишь, Роан Форс, ты мне все-таки не нужен. Мне нужна только природа. Мне нужны только совы, лисы, звезды и фейерверки.

Я излечилась.

По крайней мере, мне так казалось.

На следующий день полицейская лента ограждения все еще натянута через улицу, где живет Кейт. Вертолеты вернулись. Но в новостях ничего нет. Ясно, что полицейские так ничего и не нашли. Очевидно, там нет никакого тела. Будь оно там, думает Кейт, они ведь наверняка бы уже нашли его?

Роан стоя ест хлопья из миски. При этом он издает неблагозвучное чавканье, торопливо запихивая в себя пищу, как будто куда-то опаздывает.

– Ты спешишь? – спрашивает Кейт.

– Да, немного. Хочу пораньше прийти на работу.

– Ты и вчера ушел на работу рано утром.

– Да. Куча дел. Двое моих коллег в отпуске – у детей каникулы – и вернутся еще не скоро. Мне нужно наверстать упущенное.

– Ты можешь делать это здесь, – говорит она, указывая на кухонный стол.

– Это твоя рабочая зона, – отвечает он.

– Да, но не в семь утра. Я собираюсь принять душ и привести себя в порядок. Ты вполне можешь ненадолго остаться здесь и наверстать упущенное, верно?

Он зачерпывает в миске последнюю ложку хлопьев и отправляет ее в рот.

– Мне нужно на работу, – говорит Роан, ставя миску в раковину. – Мне нужен доступ к кое-каким делам. Почему ты так хочешь, чтобы я остался дома?

Кейт пожимает плечами.

– Думаю, из-за всего этого. – Она указывает вверх, на вертолеты. – И этого. – Она указывает на фасад дома. – Мне тревожно. Я имею в виду, если что-то случилось с этой девушкой прямо здесь, на другой стороне улицы, значит, здесь небезопасно. Как ты думаешь, может, в данный момент нам не выпускать Джорджию из дома?

Роан застывает, нагнувшись над раковиной. Он вздыхает и оборачивается.

– Может, спросить об этом у полицейских? Послушать, что они скажут?

Кейт кивает.

– Да, может быть.

Он подходит к ней, кладет руку ей на плечо.

– Все будет хорошо, что бы там ни было. Я уверен, что нет причин беспокоиться. – Он берет свою сумку, пальто, шарф. – Увидимся позже. Я сегодня постараюсь вернуться пораньше. Может, мы даже сможем что-нибудь сделать.

Кейт заставляет себя улыбнуться.

– Да, – говорит она. А затем, прежде чем муж исчезает из поля зрения, говорит: – Роан? Кто такая Молли?

Он замирает на месте. Затем поворачивается и смотрит на нее.

– Молли?

– Да. Я все хотела тебя спросить. Ты получил от нее открытку. На День святого Валентина. Джорджия по ошибке открыла конверт, и я отложила его, потому что знала, что ты рассердишься на нее за то, что она открывает чужие письма. А потом забыла. – Кейт подходит к ящику и вытаскивает открытку. – Вот она. Извини.

Роан подходит к Кейт и берет из ее руки открытку. Кейт смотрит, как он открывает и читает. Он улыбается.

– Ой, – говорит он, – Молли! Да. Я знаю Молли. Она моя пациентка. По крайней мере, была ею. Она больше не приходит ко мне.

– И у нее есть твой адрес? – Она показывает ему конверт.

Роан как будто слегка растерян.

– Похоже, что да.

– Откуда?

Он берет из ее руки конверт и секунду смотрит на него.

– Понятия не имею, – говорит Роан. – Возможно, адрес был в моем офисе, на каком-нибудь письме?

Кейт берет у него открытку и кладет ее обратно в ящик.

– Что ж, – говорит Кейт, – тебе следует быть осмотрительнее.

Он бросает на нее странный взгляд.

– Да, – говорит Роан. – Ты права.

Он быстро целует ее в щеку и уходит.

Кейт хватается за спинку стула. Сердце готово выскочить из груди. Кейт чувствует тошнотворный выброс адреналина. Затем она слышит, как хлопает входная дверь, но почти сразу открывается снова. В коридоре раздается голос Роана, а затем женский голос.

Дверь в квартиру открывается. Роан возвращается, а за ним следом – инспектор Анджела Керри.

– Нет проблем, – говорит он ей. – Никаких проблем. – Он ловит взгляд Кейт. – Это инспектор Керри. Она просто хочет задать нам несколько вопросов.

Кейт трогает свою ключицу.

– И мне тоже?

– Да, если можно. Надеюсь, у вас найдется минутка? – спрашивает Керри.

– Конечно. Да. Принести вам что-нибудь? Чай? Кофе?

Инспектор Керри стучит пальцами по пластиковой бутылочке с водой.

– Спасибо, ничего не нужно, – говорит она.

Роан ведет ее в гостиную. Она садится в кресло. Кейт и Роан устраиваются рядом на диване.

– Итак, – начинает инспектор Керри, – извините, что беспокою вас в столь ранний час, но это буквально только что привлекло наше внимание, и, если честно, я даже не знаю, как мы проглядели это раньше, но, допросив вас по отдельности в связи с исчезновением Сафайр Мэддокс, вас, миссис Форс, в качестве потенциального свидетеля и вас, доктор Форс, как человека, у которого был тесный профессиональный контакт с Сафайр, мы только что обратили внимание на то, что вы оба живете здесь. И мне кажется, это проливает совершенно иной свет на то, что случилось, открывает совершенно новый угол зрения. Так что, надеюсь, вы не станете возражать, если я задам вам еще несколько вопросов? – Она улыбается, затем смотрит вверх и говорит: – Чертовы вертолеты. Сочувствую. Это сущий кошмар. Но мы почти закончили. Они скоро улетят. Я обещаю.

Она достает из сумки шариковую ручку и блокнот.

– Мистер Форс, пару дней назад мы говорили о том, что Сафайр какое-то время была вашей пациенткой, и вы подтвердили, что прекратили сеансы с ней примерно год назад?

– Верно.

– И после этого вы ее больше не видели?

– Нет. Вернее, как я сказал вам вчера, я видел ее несколько раз, но не так, чтобы остановиться и поговорить с ней.

– И после того, как вы прекратили ее лечение, ваши отношения с ней закончились?

– Да. Именно так.

– Отлично, – говорит инспектор Керри. – Спасибо, что разъяснили. А потом, вечером четырнадцатого февраля, в День святого Валентина, вы вдвоем ужинали в деревне?

Роан и Кейт кивают.

– И вы оба вернулись домой около двадцати трех тридцати?

Они снова кивают.

– Примерно, – говорит Кейт.

– И вы оба в полночь уже были в постели?

Кейт и Роан переглядываются.

– Да, примерно так, – подтверждает Кейт.

Роан кивает, затем поворачивается к инспектору Керри и говорит:

– Думаю, я лег чуть позже. Кажется, я по какой-то причине выходил на улицу.

Кейт вопросительно смотрит на него.

– Нет, конечно, это не особенно свежо в моей памяти, так как было больше недели назад, и я был нетрезв, но я помню, как выходил на улицу... кажется, выносил мусор. И что-то услышал. Я посмотрел через дорогу и увидел того парня из дома напротив, он просто стоял там.

– Стоял там?

– Да.

– Он вас видел?

– Нет. Я был в палисаднике, возле мусорных баков. Я был вне поля его зрения. Но я мог видеть его через щель в изгороди.

– И что он делал, этот человек?

– Просто стоял и смотрел. Похоже, он был пьян. Я и раньше сталкивался с ним, когда он бывал пьян. Однажды он уставился на меня, когда я выбежал из-за угла. Стоял и смотрел, довольно долго. Когда я спросил его, в чем дело, он лишь поинтересовался, женат ли я. Я подумал, что это... странно. А потом был еще один раз. – Он поворачивается к Кейт и смотрит на нее так, будто ждет ее

поддержки. – Помнишь, в начале этого года, когда Джорджия шла домой в темноте, он подошел к ней очень близко и напугал ее.

Кейт слегка напрягается. Ей не совсем приятно то, на что намекает Роан.

– Да, – говорит она. – Это правда. Он немного странный, но это вовсе не значит...

– Нет, – перебивает ее инспектор Керри. – Нет, вы правы, миссис Форс. Это ничего не значит. Очевидно. Но все-таки это стоит записать. – Она снова поворачивается к Роану. – Так это случилось примерно в полночь?

– Да, примерно в полночь.

– А потом вы вернулись в дом и легли спать?

– Да. Верно.

– А когда вы были там, когда в полночь выносили мусор, кроме человека через улицу, вы видели что-то еще? Или кого-нибудь еще?

– Нет. Больше никого. Только мужчину на другой стороне улицы.

– Возможно ли, – продолжает она, – что он смотрел не на вас, а на кого-то другого?

Роан морщит лоб.

– Я не совсем понимаю, что вы...

– Как вы думаете, вы можете показать мне, где именно вы стояли той ночью, когда увидели, что ваш сосед смотрит на вас?

– Конечно, – говорит Роан.

Все встают.

В коридоре Кейт накидывает на себя одну из толстовок Джоша и следует за Роаном. Инспектор Керри следует за Кейт, и они направляются к маленькой деревянной крытой площадке в палисаднике, где стоят общие мусорные баки.

– Я стоял здесь, – поясняет Роан. – Я бросил мешок в мусорный бак и едва закрыл крышку, как увидел его вон там. – Он указывает на брешь в живой изгороди, что растет перед невысокой кирпичной стеной.

Инспектор Керри встает на место Роана и заглядывает в указанное место. Затем отступает и выглядывает из-за угла на переднюю дорожку и металлические ворота. Затем еще раз всматривается в брешь в живой изгороди, что-то записывает в блокнот и закрывает его.

– Замечательно, – говорит она. – Большое вам спасибо. Думаю, это все, что нам сейчас нужно от вас обоих. И последний вопрос, доктор Форс. Я знаю, вы говорите, что не видели Сафайр с момента вашей последней встречи с ней в марте 2018 года, но не могли бы вы назвать какую-либо причину, любую причину, почему в ночь своего исчезновения она находилась возле вашего дома?

– Значит, она была... – начинает Кейт.

– Мы пока ничего еще не знаем наверняка. Мы рассматриваем десятки возможностей. Но это одна из них, да. Итак, доктор Форс, вы можете?..

Кейт смотрит на мужа. Роан решительно качает головой.

– Нет, – говорит он. – Нет. Я не могу придумать абсолютно никакой причины, почему она оказалась здесь. Никакой причины.

– И вы ее точно не видели?

– Я определенно ее не видел.

Наступает долгая пауза, как будто инспектор Керри надеется, что Роан скажет что-то еще. Когда же он этого не делает, она снова улыбается этой нервирующей улыбкой, которая наполовину делает ее похожей на консультанта косметического бренда «Клиник» в универмаге «Дебнемз», а наполовину – на училку начальной школы.

– Еще раз большое спасибо вам обоим. И, как я уже сказала, мы почти закончили. Думаю, оцепление будет снято в ближайшие час или два. Вы получите вашу улицу обратно!

Она сует руки в карманы очень красивого зеленого шерстяного пальто с большими пуговицами, еще раз улыбается и уходит.

Кейт и Роан смотрят друг на друга. Он достает из кармана телефон и проверяет время.

– Черт, – говорит Роан. – Мне действительно нужно идти. – Он небрежно целует Кейт в щеку, выходит за дверь и шагает прочь по садовой дорожке к тротуару.

Прошлый декабрь был холодным. Вы помните его? Было очень холодно. Или, может, он запомнился мне таким, потому что я много времени проводила на открытом воздухе?

Я знаю, что это странно. У меня был дом, теплый дом... даже слишком теплый. Ну, вы знаете, как отапливаются муниципальные дома – без термостата, все централизованно. У меня был Аарон, который заботился обо мне, и хорошая еда, и хорошая спальня, и все же... по какой-то причине мне не хотелось там находиться. Может быть, потому что дедушки больше не было. Да, такое простое объяснение. Но тогда мне это казалось более сложным. Я как будто превращалась во что-то другое, во что-то не совсем человеческое.

Не знаю, может, в детстве я читала слишком много книг о Гарри Поттере, но я не чувствовала себя привязанной к своему восьмому этажу. Я чувствовала себя свободной, как будто там, наверху, не было гравитации. Мне хотелось чувствовать под ногами твердую землю. Мне был нужен воздух, чтобы ощущать его кожей. Мне нужны были деревья, земля, сырость, лунный свет, дневной свет, солнце, ветер, голуби и лисы. Я как будто становилась диким существом.

Это, конечно, преувеличение. Очевидное преувеличение. Я по-прежнему каждый день ходила в школу. Я по-прежнему принимала душ, по-прежнему причесывала волосы, красила глаза, носила чистое нижнее белье, ну, вы понимаете. Я не была грязным дикарем. Я просто любила бывать на природе. Всякий раз, когда я могла выйти из дома, я пользовалась такой возможностью.

Я много времени проводила на строительной площадке напротив дома Роана. Там было круто. Сквозь щели в живой изгороди я могла видеть, как они приходят и уходят, не рискуя быть замеченной. Лис часто навещал меня. Я приносила ему мясные вкусняшки, и он всегда бывал очень за них благодарен. А еще был тот чувак, чье окно

выходило на пустырь. Не знаю, как его звали по-настоящему, но я звала его Клайв. Не знаю, почему, он просто выглядел как Клайв.

Он был странноват. И я говорю это как человек, который тоже слегка странный. Если залезть на крышу экскаватора, стоявшего на строительной площадке, то через щель в шторах можно было увидеть этого чувака прямо в его комнате. Она была похожа на спальню какой-нибудь старушонки. На его комковатой крохотной кровати было нейлоновое стеганое покрывало, а рядом стоял один из тех неуклюжих старинных платяных шкафов, как в плохих пансионах, с зеркалом на внешней стороне двери и дурацким полосатым халатом, свисающим с двери. И еще там была картина в дерьмовой раме, изображение горного пейзажа. Комната казалась холодной. Клайв каждый вечер сидел там, в кресле, в наушниках, перед картонным ящиком, на котором стоял ноутбук, и на что-то смотрел – не знаю, на что именно, я не могла видеть экран. Но точно не порно, это я знаю, потому что я ни разу не видела, чтобы он делал то, что мужчины делают, когда смотрят порно.

Иногда заходила женщина, седая женщина, с которой он жил. Я всегда видела, как он вздыхает и закатывает глаза, прежде чем открыть ей дверь. Обхватив себя за талию, она с кислым выражением лица что-то говорила ему, а он что-то отвечал, и тогда она становилась еще более кислой, а затем уходила.

Мне стало его жаль. Я не могла представить, каково это – быть им. На вид он был вполне взрослым, чтобы иметь жену и пару детей. Он явно делал что-то не так, раз жил так, как жил. Интересно, злитесь ли он из-за того, что так одинок. Я много думала о Клайве.

Наши пути пересеклись примерно за неделю до Рождества. Он поднимался на невысокий холм, соединяющий улицу, на которой живет Роан, с Финчли-роуд. Был поздний вечер, около одиннадцати. Видок у Клайва был еще тот. Волосы торчат в разные стороны, сумка свисает с плеча, стягивая за собой с одной стороны куртку. На его рубашке красовалось большое пятно, и он все время спотыкался. Он взглянул на меня, и я увидела, что он пьян. Затем он улыбнулся и, когда мы проходили мимо друг друга, сказал:

– Счастливого Рождества!

– И тебе тоже счастливого Рождества, Клайв, – сказала я.

– Клайв? – удивился он и даже замедлил шаг.

Я улыбнулась.

– Ничего. Просто шутка. Счастливого Рождества.

– Оуэн, – сказал он. – Меня зовут Оуэн.

– Оуэн, – сказала я. – Я – Джейн.

– С Рождеством, Джейн.

Мы пожали друг другу руки. Его ладонь была влажной и липкой.

– Извини, – сказал он, – немного вспотел. Танцевал. На студенческой дискотеке. Хотя я учитель. Не студент. Очевидно.

Он рассмеялся. Я тоже рассмеялась.

– Доброй ночи, Джейн.

– Доброй ночи, Оуэн.

Потом он пошел, я тоже пошла и подумала: Оуэн, его зовут Оуэн.

* * *

Накануне Рождества Роан пригласил Алисию поужинать. Он отвел ее в симпатичный ресторан французской кухни, прямо под моим домом. Я проследила за ними от самой клиники, я видела, как они вошли. Я, как папарацци, быстренько нащелкала кадры: щелк, щелк, щелк.

Алисия была красавицей. Намного красивее, чем жена Роана. И чем дольше продолжался ее роман с Роаном, тем красивее она становилась, словно он накачивал ее каким-то волшебным эликсиром. Ее рыжие волосы были распущены длинными волнами, губы покрашены красной помадой. На ней было черное пальто, красные ботинки «челси», розовый шарф, красная губная помада и черные колготки. Она все время улыбалась. Роан держался более осмотрительно, как всегда, придержал для нее дверь, а когда входил сам, быстро оглянулся через плечо.

Я видела, как их провели к столику в дальней части ресторана. С того места, где я стояла, я не могла их видеть, поэтому сунула телефон обратно в карман и пошла домой.

Аарон был дома. Он купил елку, и это подняло мне настроение. Одним из хороших последствий смерти бабушки было то, что Аарон теперь спал в спальне, а не в гостиной, и мы могли поставить настоящую рождественскую елку, а не то жалкое тощее

недоразумение, убогое подобие елки, какое мы ставили годами, причем ставили на стол. От елки так хорошо пахло. Я уткнулась лицом в ее ветки и вдохнула аромат хвои.

Аарон передал мне коробку с украшениями, которая хранилась в шкафу в коридоре.

– Давай, – сказал он. – Девчоночья работа.

Он подмигнул, и я толкнула его. Аарон не совсем феминист, но и не шовинист. Ему нравится идея о том, что миром правят женщины. Ему нравятся женщины.

Я нарядила елку, то и дело выглядывая из окна на площадь внизу, где находился шикарный маленький ресторанчик, и пока я смотрела на него, я поймала себя на том, что задаюсь вопросом, что, собственно, я делаю, следя за Роаном и фотографируя почти каждый его шаг. Интересно, к чему все это приведет? Я подумала, может, я на него зла? Но это не так. Я чувствовала себя совершенно нормально.

Аарон поставил ужин на стол.

– Приятно видеть тебя дома. Хотя бы в кои-то веки.

Он сказал это с улыбкой, потому что вовсе не наезжал на меня. Он сказал это без упрека, от всей души.

– Знаешь, – произнес он, накладывая на свою тарелку желтый рис и глядя через мое плечо на сверкающую огнями елочку, – это как-то странно. Первое Рождество без отца. Если ты хочешь поговорить об этом...

Я лишь улыбнулась и покачала головой.

– Со мной все в порядке. В самом деле.

– Я действительно беспокоюсь о тебе, Саф. Мы все беспокоимся.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Мы. Семья. Я. Ли. Тана. Девочки.

– Не такая уж и большая семья, – сказала я.

– Не говори так, – улыбнулся он. – Дело в качестве, а не в количестве, так ведь?

Я тоже улыбнулась.

– Ага, – сказала я.

– Просто держи нас в курсе, Саф, хорошо? Что бы ни беспокоило тебя. Кто бы тебя ни беспокоил. Мы все здесь заботимся о тебе. Поняла?

Я посмотрела на него.

– А как насчет тебя? – сказала я. – Кто здесь позаботится о тебе?

Похоже, он смутился.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе почти тридцать, – сказала я. – Ты работаешь на двух работах. У тебя с двадцати четырех лет не было девушки. Кто о тебе позаботится?

Аарон отложил нож и вилку и очень строго посмотрел на меня. Должна добавить, даже когда Аарон делает суровое лицо, он вовсе не суров. У него лицо ангела.

– Саф, – сказал он, – не надо обо мне беспокоиться, хорошо? Ради бога, не беспокойся обо мне. Лучше подумай о себе. Сосредоточься на школе, на выпускных экзаменах. Затем на поступлении в университет. Затем на получении хорошего диплома. И тогда я, так и быть, позволю тебе беспокоиться обо мне. Но до тех пор нам здесь хорошо, поняла?

Я кивнула, хотя внутри у меня все сжалось. Когда я закончу университет, Аарону будет тридцать один год. И что потом? Я подумала про Клайва, или Оуэна, или как его там зовут на самом деле, в его унылой крошечной спальне, в его дурацком полосатом халате, и подумала, что ему наверняка уже за тридцатник, и я бы не хотела ничего подобного для Аарона.

– Я могу даже не поступать в университет, – сказала я.

– Конечно, ты поступишь, – сказал он.

– Почему? Только потому, что я умная? Такого закона нет. После школы я могу делать все, что пожелаю. Я могу устроиться на работу и получить свое собственное жилье, и тогда эта квартира будет твоей.

Аарон рассмеялся.

– Да не хочу я себе эту квартиру! Зачем она мне нужна?

– Ну, чтобы ты мог завести семью.

Он снова засмеялся, громко и заразительно.

– Я не хочу семью! Моя семья – ты!

Я тоже рассмеялась, но внутри меня охватила паника. Аарон – такой хороший человек. Как и я, он прилежно учился в школе и хорошо сдал экзамены, но работал в букмекерской конторе и ухаживал за чужими садами, а потом возвращался домой и заботился обо мне, зря тратил лучшие годы своей жизни. И я подумала, знаете, может, лучше бы меня не было.

После обеда я сказала Аарону, что собираюсь к Жасмин. Он сказал, иди, повеселитесь вдвоем. Тогда я сказала, что пойду, и отправилась в путь с тяжелым сердцем, думая о странностях моей жизни. На площади я села на один из уличных велотренажеров и лениво крутила педали, из-за холодного вечернего воздуха засунув руки в карманы и натянув на голову капюшон. Я включила на телефоне музыку и некоторое время слушала, наблюдая, как приходят и уходят люди. На меня никто не смотрел. Никто меня не видел. Когда вы носите капюшон, вы невидимы.

А потом через некоторое время Роан и Алисия вышли из ресторана, и я ждала, что же они будут делать. Хотите узнать, что они сделали, эти похотливые дьяволы? Они сняли номер в отеле «Бест Вестерн» возле театральной школы.

От удивления у меня отвисла челюсть. Не знаю, почему я так этому удивилась. Все к этому шло. Но я все равно была в шоке. Роан собирался заняться сексом с женщиной, на которой не был женат. Примерно в полумиле от женщины, на которой он был женат. Он собирался уложить Алисию на кровать и кое-что с ней сделать. Я слегка вздрогнула, сбросила капюшон, явив миру мои розовые волосы, и пошла к Жасмин.

Накануне вечером Оуэн и Диана два часа обменивались эсэмэсками. Она упорно уговаривала его вернуться на работу в колледж. Привела несколько хороших, убедительных доводов. В основном они сводились к тому, что настучавшие на него девушки через несколько месяцев закончат учебу и уйдут, будет совершенно новый набор студентов, никто не вспомнит, что произошло, и Оуэн может начать с чистого листа. Ведь ему очень нравится его работа. И чем дольше он сидит без работы, тем сложнее ему будет объяснить потенциальному работодателю, чем он занимался все это время.

Ее забота тронула его. Оуэн поймал себя на том, что до сих пор в его жизни не было ни одного человека, который мог бы дать ему правильный, чуткий, разумный, заботливый совет. Такого человека никогда не было. С тех пор, как умерла его мать.

В одиннадцать часов они пожелали друг другу спокойной ночи. Сам он был готов говорить часами, но Диане нужно рано вставать на работу.

Оуэн засыпает с телефоном на груди и с улыбкой на лице.

Он встает с постели и идет к окну своей спальни. Полиция вернулась. Они все еще копаются в саду за домом. Вчера вечером перед отъездом они оцепили весь сад, поговорили со всеми местными жителями, попросили их не проникать за ленту ограждения. Всю ночь рядом со строительной площадкой стоял одинокий полицейский.

Оуэн всматривается в то место в траве, которое вчера осматривала полиция, где они нашли чехол для телефона. Он смотрит на траву, и в его голове что-то мелькает. Какое-то движение, крик боли.

Он вытряхивает эту мысль из головы и отправляется в ванную, где принимает душ и моет голову. В зеркале на стене ванной комнаты он смотрит на свои волосы и решает, что они отросли, стали слишком длинные. Он не уверен, что хочет пойти в парикмахерскую только для того, чтобы подровнять концы, поэтому берет из шкафчика в ванной ножницы, пальцами зачесывает волосы на лоб, приглаживает их и подстригает по линии бровей. Он начинает с левой стороны, смотрит, как темные пряди падают в раковину, где они похожи на крошечные

выброшенные усы. Он собирается подрезать волосы с правой стороны и на темени, когда раздается громкий настойчивый стук в дверь. Оуэн слегка вздрагивает, и острый кончик ножниц царапает ему кожу. Появляется капля крови, Оуэн торопливо растирает ее и кричит:

– Что?!

– Оуэн, – говорит Тесси. – Пришла полиция. Им нужно, чтобы ты вышел к ним.

Оуэн вздыхает.

– Буду через несколько минут.

– Сэр, – слышит он мужской голос, – нам нужно, чтобы вы вышли сейчас же. Убедительная просьба.

– Я только что вышел из душа. Вам придется подождать.

– Сэр, пожалуйста, выходите.

– Черт, – бормочет под нос Оуэн. Он быстро вытирается полотенцем, натягивает старый банный халат и открывает дверь. При его виде Тесси слегка вздрагивает.

– Могу я хотя бы одеться? – говорит он стоящему рядом с ней офицеру в форме.

Офицер поворачивается к стоящей позади него женщине. Это детектив-инспектор Керри. Она кивает.

– Но, боюсь, я вынуждена просить констебля Родригеса пойти с вами.

– Что?

– Извините. Просто таковы правила.

– Но чем это вызвано? В чем срочность?

– В том, мистер Пик, что мы должны доставить вас в участок, чтобы допросить по поводу исчезновения Сафайр Мэддокс. У нас также есть ордер на обыск вашей комнаты. – Она показывает лист бумаги. Оуэн моргает. – Боюсь, это означает, что мы должны проследить за тем, чтобы вы ничего не трогали в своей комнате. Извините, – говорит она и улыбается. Ее улыбка его нервирует. На первый взгляд она почти приятная, но в самых дальних ее уголках таится что-то холодное и жестокое.

Он хочет что-то сказать, но понимает, что не может подобрать слов. Он на каком-то уровне осознает: все, что здесь происходит, он может еще больше усугубить, сказав или сделав что-то неправильное. Поэтому он решительно кивает и направляется в свою комнату,

мужчина-констебль идет за ним следом. Пока Оуэн одевается, его взгляд блуждает по комнате. Он пытается вспомнить, что здесь может быть, что они могут найти, что могло бы каким-то образом связать его с исчезновением девушки, о которой он еще два дня назад никогда не слышал, девушки, которую он, возможно, даже не видел, и она ему только померещилась.

– Быстрее, мистер Пик, пожалуйста.

Он надевает вчерашнюю одежду. Он бросил ее в груды белья для стирки, намереваясь сегодня надеть что-то свежее, но сейчас он даже не может придумать, что бы ему надеть. Он натягивает свои старые, подклеенные ботинки и проводит рукой по мокрым волосам. И нащупывает на лбу что-то непонятное. Убирает руку и видит: это засохшая кровь от острых ножниц. Кровь продолжает сочиться, и он идет к прикроватной тумбочке за коробкой салфеток, но констебль говорит:

– Сэр. Пожалуйста, ничего не трогайте.

– Но у меня идет кровь.

– Мы займемся вами, как только вы сядете в машину. А пока убедительная просьба, оставьте здесь все так, как есть, сэр.

Оуэн кривит лицо. Затем еще раз оглядывает спальню, хватая с крючка на задней стороне двери куртку и идет за полицейским по коридору.

Тесси стоит у двери. На ней шелковое кимоно поверх зеленой пижамы. Волосы распущены. Она выглядит усталой и грустной. Когда Оуэн проходит мимо нее, она касается его руки и спрашивает:

– Что ты сделал, Оуэн? Что ты сделал?

– Ради бога, я ничего не делал. Ты же знаешь, что я ничего не делал.

Тесси поворачивается и уходит.

– Ради бога, Тесси, – кричит он ей вслед. – Ты же знаешь, я ничего не делал!

Она заходит в свою спальню и тихонько закрывает за собой дверь. Он чувствует на своем плече руку.

– Мистер Пик, пожалуйста, нам нужно идти.

Он стряхивает руку. На смену испугу и шоку приходит злость.

– Я иду, – говорит он. – Я иду, ясно?

Выходя из дома, он внезапно ловит себя на том, что пропорции улицы изменились, что-то стало не так, ощущение надвигающегося хаоса. И тут появляются они: стая, настоящая хищная стая. Десяток мужчин и женщин с фотоаппаратами и микрофонами, все они, как по команде, рванули к ним. Констебль и инспектор инстинктивно прикрывают его руками и ведут сквозь толпу вперед.

– Мистер Пик, мистер Пик!

Они знают его имя. Откуда они знают его имя? Как они узнали, что это произойдет? Как они узнали?

Он поднимает взгляд и смотрит прямо в объектив фотоаппарата. Он широко распахивает глаза, и его ослепляет яркая белая вспышка. Что-то вновь вынуждает его опустить голову. Он в машине. Дверь машины закрыта. Рядом с окном лица и объективы. Автомобиль движется быстро, люди пытаются прикоснуться к нему. Они так близко, что Оуэн не понимает, почему колеса не давят им ноги. А потом он уже не на улице, он на главной дороге, и больше нет людей с фотоаппаратами, лишь обычные пешеходы, которые идут куда-то по своим делам. Оуэн откидывается на сиденье и шумно выдыхает.

– Кто им сказал? – спрашивает он, обращаясь к затылкам двух человек, сидящих впереди.

– Прессе? – уточняет женщина.

– Да. Кто им сказал, что вы идете за мной?

– Боюсь, я понятия не имею. Они знали, что мы обыскивали местность. Люди говорят. Мне жаль, что вам пришлось это испытать.

– Но... это будет в газетах, – говорит он. – Люди подумают, что это сделал я.

– Что сделали, мистер Пик?

Он смотрит на ее лицо в зеркало заднего вида. Она смотрит прямо на него. Снова та же леденящая кровь улыбка.

– Это! – говорит он. – То самое, за что вы меня арестовали.

– Вы не арестованы, мистер Пик. Еще нет.

– Тогда почему? – Он смотрит в окно, наблюдая, как маленькая девочка из бюро по выгулу собак пытается погрузить в кузов фургона гигантскую гончую. – Почему я здесь?

Он смотрит на себя в зеркало заднего вида. Его волосы немного подсохли. С одной стороны они короче, чем с другой, а сверху торчат. Кровь из пореза высохла и превратилась в огромную слезу, стекающую

ему на бровь. Он выглядит ужасно. Кошмарно. И национальная пресса только что сфотографировала его в таком виде, когда его сажали на заднее сиденье полицейской машины, чтобы отвезти на допрос о пропавшей девушке-подростке. И это при том, что ему даже не нравятся девочки-подростки. И он даже не арестован. Он забыл дома телефон. Что, если Диана попытается отправить ему сообщение? Вдруг она думает, что он ее игнорирует?

А потом ему приходит в голову еще более пугающая мысль. Что, если его снимок завтра будет в газетах? С растрепанными волосами, ссадиной над бровью и во вчерашней одежде, похожий на жуткого извращенца, с заголовком, кричащим что-то вроде «ЭТО УБИЙЦА САФАЙР»?

Он громко стонет вслух.

– С вами все в порядке, мистер Пик?

– Нет! – отвечает он. – Боже. Нет, конечно, хуже некуда. Я попаду в газеты, хотя я даже не арестован! Это вообще законно?

– Да, мистер Пик, боюсь, это законно. Увы, но это так.

– Но все увидят мое лицо, а потом вы отпустите меня, и никого не будет волновать, что я этого не делал, но мое лицо они запомнят. Я никогда не найду работу, я... – Он представляет, как Диана сегодня вечером откроет в метро «Ивнинг Стэндард». – О боже!

– Мистер Пик. Давайте не будем делать скоропалительных выводов, договорились? Надеюсь, мы сможем отпустить вас через час или два. Уведомим прессу. Вряд ли они станут рассказывать историю, если в ней ничего нет. Так что давайте посмотрим, как у нас пойдут дела, ладно? – Инспектор вновь улыбается.

Оуэн откидывается, обхватывает руками живот и слегка покачивается. Окружающий мир кажется ему смирительной рубашкой, высасывающей весь воздух из его грудной клетки, сжимающей ему кости. Оуэн смотрит в окно на людей: нормальные люди, заняты нормальными делами. Ходят по магазинам. Идут на работу. Быть нормальным внезапно кажется самой чужеродной вещью в мире, чем-то таким, что он с трудом может себе представить.

– Мне понадобится адвокат? – спрашивает он.

– Это зависит от вас. У вас есть адвокат?

Друг Тесси, Барри, – юрист. Но он не адвокат Оуэна.

– Нет, – говорит он.

– Что ж, мы можем назначить вам адвоката, если понадобится.

– Нет, – говорит он. – Нет. Я уверен, что обойдусь и так.

– Все зависит от того, как дело пойдет дальше, да?

Оуэн кивает.

А потом, словно падающий с неба дом, его тень становится все больше и больше, летит все быстрее и быстрее, и он внезапно кое-что вспоминает.

В гардеробе, в ящике с нижним бельем. Засунутые туда в постыдной спешке после встречи с Брином, с намерением выбросить их в мусорное ведро на углу улицы в следующий раз, когда он выйдет из дома, а затем полностью забытые. Наркотики для изнасилования на свидании.

Оуэну под дых бьет лошадиная доза адреналина. Перед глазами все плывет. Сердце на миг останавливается, а затем как безумное бьется снова.

– О господи, – шепчет он.

– Все в порядке? – спрашивает инспектор Керри, глядя на него в зеркало.

– Думаю, меня сейчас... – Он закрывает рот рукой, внезапно понимая, что вот-вот блеванет. – Меня сейчас выр...

Инспектор Керри приказывает констеблю остановить машину. Они тормозят на обочине, у кромки травы. Инспектор Керри выходит и открывает дверь в тот момент, когда Оуэн наклоняется и его шумно и судорожно рвет. Он покрылся гусиной кожей, голова пульсирует. Он задыхается, и его снова рвет. Перед ним появляется инспектор Керри с салфеткой в руке и смотрит на него сверху вниз. Оуэн не может сказать, что написано на ее лице, жалость или отвращение. Он берет салфетку и промокает ею рот.

– С вами все в порядке? – спрашивает инспектор.

Оуэн кивает.

– Готовы ехать?

Он снова кивает. Она улыбается и ждет, когда он снова засунет ноги в машину, закроет дверь и вернется на пассажирское сиденье.

– Вы съели что-то нехорошее? – спрашивает инспектор мгновение спустя, глядя на него в зеркало. Прижав кулак ко рту, Оуэн кивает.

– Да, – говорит он. – Должно быть, я съел что-то нехорошее.

Она улыбается, но, похоже, не верит ему.

– Мам, – говорит Джорджия, без стука входя в ванную. – Его только что арестовали!

– Кто? Кого?

– Женщина-полицейский. Она вошла в дом на другой стороне улицы вместе с еще одним полицейским. Затем вышла с тем жутким типом. Его посадили в машину и увезли! Там журналисты и всякие зеваки, фоткают! Иди, взгляни сама!

Кейт вытирает руки о задние карманы джинсов. С тех пор как инспектор Керри разговаривала с ними, прошло два часа. Два часа с тех пор, как Роан ушел на работу. Кейт думала, что все заканчивается, но, видимо, это не так. Она вместе с Джорджией идет к входной двери.

Там толпятся люди, две небольшие съемочные группы пакуют свою аппаратуру. Кейт выходит на улицу, подходит к молодой женщине в желтой куртке с меховым капюшоном и спрашивает:

– Что случилось? Куда увезли этого мужчину?

– Вы имеете в виду Оуэна Пика? – Женщина, которую Кейт принимает за журналистку, засовывает провода в черный мешок и застегивает его.

– Я не знаю его имени... того типа, что живет напротив. Такой моложавый, с темными волосами?

– Да. Оуэн Пик. Его отвезли на допрос.

– По поводу Сафайр Мэддокс?

– Да. По всей видимости, они нашли за окном его спальни что-то из ее вещей, а также следы крови на стене и в траве.

– Боже мой. – Кейт зажимает ладонями рот. Она слышит, как дочь ахнула рядом с ней.

– Боже мой, она мертва? – спрашивает Джорджия.

Женщина пожимает плечами.

– Тело еще не найдено, но вероятность этого крайне высока.

– Боже, это так печально, – говорит Джорджия и добавляет: – Этот тип такой странный. Меня не сильно удивит, что он сделал что-то подобное.

Журналистка останавливается и смотрит на Джорджию.

– Еще не известно наверняка, что он виновен. Так что такие вещи лучше не говорить. – Она делает паузу, смотрит на дом Оуэна Пика, затем снова на Джорджию и говорит: – Хотя кто знает...

Кейт видит, как дочь смотрит в сторону дома. И вспоминает тот вечер несколько недель назад, когда Джорджия подумала, что Оуэн Пик шел за ней следом. Кейт вспоминает и другой вечер, несколько дней спустя, когда Тилли появилась на ее пороге и заявила, что на нее напали на другой стороне улицы. Кейт думает о череде нападениях на женщин в их районе. Она вспоминает, что в День святого Валентина Роан видел Оуэна Пика, когда тот смотрел на их дом.

Она чувствует, как внутри нее поднимается тяжесть, тяжесть, которую Кейт едва осознавала до сих пор: тяжесть сомнения, тяжесть подозрений, мыслей о том, что мир в любой момент может обрушиться ей на голову.

* * *

Они с Джорджией пекут торт. Каникулы Джорджии уже почти подошли к концу. Дочь всю неделю повторяла пройденный материал или гуляла с подружками, и Кейт ее почти не видела. Это один из тех серых, унылых дней, когда все кажется расплывчатым и бесформенным. В такой день если чем и заниматься, то только взвешивать, измерять, подсчитывать и перемешивать.

У Джорджии на интернет-сервисе «Spotify» есть один плей-лист с подборкой старой музыки, под которую Кейт когда-то танцевала в ночных клубах, и другой – с музыкой современной, которая звучит бессмысленно и оглушающе. Они готовят то, что нашли в интернете, торт под названием «Чоко-мокко». Кейт берет из кофеварки чашку эспрессо и ставит в сторону, давая ей остыть. Джорджия взбивает сахар и масло. Духовка, нагреваясь, негромко гудит.

В голове Кейт то и дело всплывает лицо Оуэна Пика. Ей вспоминается его недовольный взгляд, как будто он постоянно думает о неприятных вещах. Его неухоженные волосы. Поношенные башмаки, которые не сочетаются со странно элегантной одеждой, как будто с чужого плеча. «Типичный извращенец», – думает она. Да, типичный извращенец: одинокий мужчина, живущий с эксцентричной

квартирной хозяйкой в запущенном доме с рваными занавесками на окнах.

А теперь под окном его спальни нашли следы крови.

Кейт смотрит на Джорджию. Щеки Джорджии разругались от жара духовки, от усердных попыток правильно смешать масло и сахар. На лицо свисает непослушная прядь волос, которую она время от времени сдувает уголком рта.

Кейт наклоняется и заправляет ей волосы за ухо. Джорджия целует руку Кейт и говорит:

– Спасибо, мам.

Они обмениваются взглядами. Кейт знает: они обе думают об одном и том же.

Сафайр Мэддокс, возможно, мертва, а их сосед, который мог ее убить, мог убить и Джорджию. Но теперь полиция держит его под стражей, и они в безопасности: они пекут торт.

Рождество в прошлом году было удачным. Приехал Ли с семьей. Аарон приготовил изумительную еду, смесь британских рождественских блюд и кушаний, которые, как мне рассказывали, готовила на Рождество моя бабушка: запеканка из макарон, пирог из сладкого картофеля. Мы пили ромовый пунш из бокалов с зонтиками и всякой мишурой и пели караоке под привезенную Ли штуковину. Елка выглядела потрясающе. Мы зажгли на плазменном экране телика картинку с камином, и, хотя дедушки и не было с нами, это было настоящее Рождество.

После этого я чувствовала себя такой объевшейся, опьяневшей и сонной, что мне даже особо не хотелось выходить на улицу. В тот вечер, сидя в удобном кресле на восьмом этаже, я не желала даже сдвинуться с места. Я просто сидела, поглаживая живот, и наблюдала за тем, как мои маленькие кузины играют со своими новыми игрушками. К тому времени я уже несколько месяцев следила за Роаном, его семьей и его любовницей, и провести день, по-настоящему общаясь с близкими людьми, было сродни волшебству. Возможно, сумею я сохранить это чувство, чувство того, что я часть этого мира, что мне судьбой предназначено быть здесь, а не где-то еще, тогда, пожалуй, и все остальное сложилось бы иначе.

Но по крайней мере один день я была его частью, и мне было хорошо. Это было классно.

На следующий день после Дня подарков мне уже снова не сиделось на месте. В квартире была жуткая жарница, и меня вновь охватила пугающая клаустрофобия, как будто мы все были песчинками, запертыми в крошечных коробочках. Выглянуло солнце, и я надела зимние ботинки, пижамные штаны, завязала волосы в хвост и накинула куртку. Я выглядела кошмарно, но мне было все равно, мне просто нужно было выбраться из дома.

Я зашла к Жасмин. Она тоже выглядела отстойно. Мы обе посмеялись над тем, как дерьмово мы выглядим, какие мы обе толстые. Она вышла со мной прогуляться, и мы отправились в «Старбакс» на Финчли-роуд. Сели там на диван и болтали. Я не сводила глаз с огромного окна, выходящего на улицу: вдруг я увижу, как кто-нибудь, кого я знаю, будет проходить мимо. Затем Жасмин сказала, что ей нужно домой, потому что у них гостят родственники и ей нужно быть с ними. И я проводила ее до дома, а потом уже начало смеркаться. Это дурацкое время посреди зимы, когда не успеешь проснуться, а через несколько часов небо вдруг становится грязно-желтым, голые деревья превращаются в черные скелеты, и не успеешь и глазом моргнуть, как посреди дня внезапно наступает вечер.

Я повернулась и снова посмотрела на наш квартал, на верхние этажи нашего дома. Все окна светились разноцветными рождественскими огоньками. Там было тепло. И смотрелось очень красиво. Я слегка вздрогнула и вместо того, чтобы идти домой, повернулась и зашагала вверх по холму к деревне.

В это время года Хэмпстед напоминал снежный шар в натуральную величину. Все деревья сверкали белыми огоньками. Мне очень нравилось ходить туда, чтобы размять ноги. От моей квартиры дорога все время идет в гору, так что с физической нагрузкой дело обстоит неплохо. После двух дней, проведенных в четырех стенах, когда я сидела в своей квартире и лопала конфеты «Ферреро Роше», было здорово полной грудью дышать холодным воздухом, чувствовать, как кровь бурлит в моих венах. Наверно, мне следовало перейти на бег, но, хотя я создана для многих вещей, бег, увы, не входит в их число.

В деревне было оживленно: уже начались распродажи, и по улицам ходили полчища любителей скидок. Я таращилась на витрины магазинов, на вещи, которые не могла себе позволить и в которых не особо нуждалась. Магазин для мамочек – любительниц йоги, легинсы стоят тут по сто фунтов. Магазины дизайнерской керамической плитки, магазины дизайнерских красок, магазин, продающий кастрюли только одной марки, зато примерно двадцати разных цветов. Я не совсем понимала Хэмпстед, но мне здесь понравилось.

Я уже собиралась направить стопы к другому концу деревни, на самую вершину холма, где воздух более разреженный, где начинается пустошь с ее каменистыми дорожками, широким простором и

футуристическим видом на остроконечные стеклянные башни на другом краю Лондона, когда вдруг обернулась. И когда я обернулась, я столкнулась лицом к лицу с мужчиной, и этим мужчиной был Роан.

На мне не было капюшона, поэтому он сразу меня узнал, и пару секунд нам обоим было немного неловко. На нем была шапка и пуховик, в руках – огромный пакет магазина «Reiss» с красной надписью «Распродажа». Он был небрит и выглядел довольно странно.

– Привет, Сафайр. Как дела? – спросил он.

– Все хорошо. Я в порядке, – ответила я. – А у вас?

Он взглянул на свой большой пакет для покупок.

– У меня все отлично. Просто хочу обменять подарок, который не подошел.

– Подарок от вашей жены? – ляпнула я, не успев подумать.

– Да, – ответил он, и я заметила, что его улыбка тотчас потускнела, застыла, как цемент. – Да. Слишком большой размер. К сожалению.

Я ободряюще кивнула и улыбнулась.

– А ты? – спросил он. – У тебя все в порядке?

– Да. Мой дедушка умер, – ответила я, пожав плечами. – Пару месяцев назад. Так что это было плохо.

– Печально слышать, Сафайр. Честное слово.

– Да ладно, – сказала я. – Это жизнь, верно? Люди умирают.

Роан кивнул.

– Да, люди умирают, это правда. Но это печально. Я искренне соболезную твоей утрате. Я знаю, насколько вы все были близки. Как ты справляешься?

– В некотором смысле теперь даже легче. Аарону больше не нужно столько готовить, ухаживать за ним и все такое прочее. Но в остальном все и вправду дерьмово, потому что наша семья сейчас стала слишком мала. Слишком мала.

Я сказала это чуть игриво, как будто в шутку, но, похоже, получилось чуть эмоциональнее, чем я планировала, потому что Роан положил руку мне на плечо, озабоченно посмотрел на меня и сказал:

– Как ты думаешь, может, тебе стоит об этом с кем-нибудь поговорить?

Я подумала: «Ха, да, верно, потому что ты так хорошо поработал, подлечив меня в прошлый раз, когда я пришла к тебе сломленной, да?»

Но я предпочла отшутиться.

– Нет, честно. Все хорошо. Просто нужно немного привыкнуть. –
Затем, помолчав, я добавила: – Как там ваша семья?

Он как-то странно скривил губы и кивнул.

– Хорошо, – сказал он. – У нас все хорошо.

А потом – и не говорите мне, что зря я это сделала, потому что уже слишком поздно, я все равно сделала это, – я пристально посмотрела ему в глаза и спросила:

– Как поживает Алисия?

Разрази меня гром! Что угодно. Он это заслужил. Он стоял там в своей пидорской шапке, с курткой в пластиковом пакете, подарком, который ему купила жена, решив по глупости, что он верный муж, а не похотливое животное.

– Извини? – переспросил он, и я увидела, как в его глазах задергалась паника, словно крошечные головастики.

– Как поживает Алисия? – повторила я и моментально ощутила прилив адреналина к сердцу. Мой мозг, наконец, понял, что только что сделали мои губы. – Ваша коллега.

Он кивнул, затем покачал головой и спросил:

– Извини. Но откуда ты знаешь Алисию? Разве ты вернулась в клинику?

Я лишь покачала головой и улыбнулась. Заметив, как он пытается что-то сказать или сделать, я решила, что сейчас самое время отойти подальше от ручной гранаты, из которой я только что выдернула чеку.

– В любом случае, было приятно увидеть вас, Роан, – сказала я. – Счастливого праздника.

Когда я уходила, он повернулся и спросил:

– Но, Сафайр... что ты имела в виду?

– Некогда разговаривать. Тороплюсь. Нужно бежать.

Я пулей проскочила последний отрезок пути по холму, наверное, со скоростью миль сто в час. Роскошные деревья, украшенные массой белых мерцающих огоньков. Рестораны, полные богатых людей. Я летела мимо художественных галерей, агентств по продаже недвижимости, маникюрных салонов с розовыми люстрами. Когда я добралась до вершины холма, уже стемнело. Я встала, подбоченилась и посмотрела вниз. Я дышала так шумно, что могла слышать лишь собственное дыхание.

Оуэн сидит в комнате с бледно-голубыми стенами, широким окном – с одной стороны и высоким и узким – с другой, с непрозрачным рельефным стеклом и тремя белыми вертикальными металлическими прутьями.

Перед ним инспектор Керри и еще один полицейский, инспектор по имени Джек Генри. На нем поверх обтягивающей белой рубашки очень красивый синий костюм. У него светлые волосы, как у инспектора Керри, и они примерно одного возраста. Вместе они выглядят странно, как парочка, которая только что заказала пиццу в сетевом ресторане «Зиззи» и теперь натужно пытается придумать, о чем им поговорить.

– Итак, Оуэн. – Инспектор Керри улыбается и перелистывает свои бумаги. – Я очень благодарна вам за то, что вы согласились приехать так срочно, и за ваше сотрудничество. Спасибо.

– Ничего страшного, – отвечает Оуэн.

– Мы постараемся сделать ваше пребывание здесь как можно короче. Я уверена, вас ждут собственные срочные дела. Но, к вашему сведению, у нас есть ордер, позволяющий нам задержать вас на сутки для проведения допроса. Поэтому, если вам нужно с кем-то поговорить, просто дайте нам знать, и мы свяжемся с ними вместо вас. Договорились?

Она снова улыбается.

Оуэн кивает.

– Итак, Оуэн, – начинает она, включив диктофон на запись. – Вернемся к вечеру четырнадцатого февраля, если не возражаете. Я знаю, мы уже о нем говорили, но сейчас нам необходимо это официально зафиксировать, так что этот разговор записывается. Значит, вы в тот вечер выходили из дома?

– Да.

– И где вы были?

– В итальянском ресторане. На Шафтсбери-авеню.

– С кем вы были?

– С женщиной по имени Диана Вурт. На свидании.

– И вы там выпили?

– Я выпил несколько бокалов.

– Можете сказать, сколько? Примерно?

– Мы выпили на двоих бутылку шампанского, затем бутылку красного вина. И по коктейлю. Я особо не пью, так что для меня это было довольно много.

– Господи! – ахает инспектор Керри. – Я бы сказала, это для любого довольно много!

Она обменивается взглядом с инспектором Генри. Тот качает головой и улыбается.

– Итак, – продолжает она. – Вы были нетрезвым, когда пришли домой?

– Да, я был изрядно пьян.

– И в какое время это было?

– Примерно в одиннадцать тридцать. Может, позже.

– А что вы делали, когда вернулись домой? Не могли бы вы еще раз рассказать нам об этом? Как вы добирались до дома?

– Я поехал на метро до Финчли-роуд. Затем пошел пешком к своему дому через Уинтерхэм-Гарденс.

– А потом?

– Я увидел фигуру в толстовке возле дома напротив. Я вошел в свою квартиру. И лег спать.

– Давайте вернемся, если не возражаете, к вашей дороге от станции метро в тот вечер.

Вспомнив женщину, ее испуганный взгляд, ее палец над иконкой экстренной помощи на экране телефона, Оуэн слегка бледнеет.

– Вы ведь наверняка видели кого-нибудь, когда шли домой?

Он качает головой.

– Да или нет? Пожалуйста, ответьте, мистер Пик.

– Нет, – говорит он. – Нет, я никого не видел.

– А что насчет этой леди?

Инспектор Керри передает ему фотографию. На ней привлекательная молодая женщина. Похоже на официальный корпоративный снимок. У нее длинные светлые волосы и красная блузка. Оуэн качает головой и нервно потирает подбородок.

– Нет, – говорит он. – Первый раз вижу.

– Но эта женщина живет через пару домов от вас. И, по ее словам, в ту ночь, о которой идет речь, вы около полуночи угрожали ей. Вы пытались преградить ей путь. Вы назвали ее «сукой». Она говорит, что вы ее очень-очень напугали, и она чуть не позвонила в полицию.

Оуэн глубоко вздыхает.

– Это не совсем так.

– Значит, вы все же помните эту женщину.

– Да, теперь вспомнил. Просто не узнал ее на фотографии. Но я помню, она была там. Она смотрела в свой телефон. Она меня не заметила. И это она встала у меня на пути. Она была со мной груба. Я лишь защищался. Отреагировал на ее грубость. Ради бога. – Он раздраженно складывает на груди руки.

– Хорошо, вы идете домой. У вас произошла ссора с этой женщиной. Вы около полуночи возле дома вашего соседа видите девушку. Можете ли вы сейчас описать ее? Любые детали, какие вам запомнились.

Оуэн вздыхает.

– Но мне больше нечего сказать. Я не знаю. Было поздно. Было темно. Я был довольно пьян. Это могло быть что угодно.

– Просто попробуйте вспомнить, Оуэн, пожалуйста.

– Я видел... – Он умолкает, силясь мысленно вернуться туда, к стенам своего дома, к холодному облачку своего дыхания. – Фигуру. В капюшоне. Стройную. Не очень высокую. Среднего роста. Сначала я подумал, что это мужчина. Он смотрел вперед, на тропинку у ворот. Он стоял, сунув руки в карманы, и его локти торчали вот так. – Оуэн изображает локтями заостренные крылья. – А потом, примерно через минуту... меньше, через полминуты... он влоборота повернулся ко мне, и я увидел, что это, скорее всего, девушка. С такими... – он подыскивает нужное слово, – пышными волосами.

– Пышными? Вы имеете в виду афро-карибский тип волос?

– Не знаю, – говорит он. – Я даже не понимаю, что это значит.

– Ладно. Итак, вы видели эту фигуру. И что случилось потом?

Оуэн осторожно качает головой, пытаясь отыскать в памяти тот момент, который последовал сразу за тем, как они с девушкой встретились взглядами. Но там ничего нет.

Он энергично трясет головой.

– Ничего не случилось. Я увидел ее и сразу вошел в дом.

– А потом?

– Лег в постель и уснул.

– Кто-нибудь видел, как вы вошли в дом?

– Нет... я не знаю.

– Мы опросили ваших соседей, и никто из них не припомнил, что в это время закрывалась дверь.

Он моргает.

– Я не понимаю... – начинает он. – Они, наверное, все спали. Почему они должны были слышать, как закрывается дверь?

– Я не знаю, мистер Пик. Но это большая тяжелая дверь. И когда ее закрывают, она очень громко хлопает.

Он снова моргает и качает головой.

– Не совсем, – говорит он.

– Что ж, – говорит инспектор Керри, – я полагаю, это вопрос спорный. – Она бросает взгляд на второго инспектора. – Хорошо, я думаю, у инспектора Генри тоже есть несколько вопросов. Вы хорошо себя чувствуете? Может, вам принести еще воды? Или горячий напиток? Что-нибудь поесть?

Оуэн качает головой.

– Нет, спасибо.

Инспектор Генри открывает свои записи. Он откашливается и говорит:

– Итак, ваши соседи через улицу, э-э-э... семья Форс?

Оуэн отрицательно качает головой.

– Кейт и Роан Форс.

– Нет, я не знаю, кто они такие.

– Хорошо. Эти люди живут в доме на другой стороне улицы, где, по вашим словам, в ночь четырнадцатого февраля вы видели чью-то фигуру.

Оуэн кивает.

– Верно. – Он знает, о ком они сейчас говорят. Эта семейка. Папаша в спортивных лайковых штанах, нервная жена, самоуверенная дочь и долговязый мальчик. – Те, у которых дети?

– Да, у них есть дети, верно. Каковы, как вы считаете, ваши отношения с ними?

– У меня нет с ними никаких отношений.

– Доктор Форс говорит, что однажды, когда он вышел на пробежку, вы пристали к нему на улице. По его словам, вы были довольно пьяны и задавали ему странные вопросы.

Оуэн ерзает на стуле.

– При чем здесь это?..

– Непосредственно ничего, мистер Пик. Но опосредованно мы формируем картину.

Оуэн резко втягивает в себя воздух. До него доходит, что происходит. Эта парочка вежливых блондинистых, безликих, стандартных созданий ведет его по темной извилистой тропе к тому, чтобы он оговорил себя.

– Знаете что, – говорит он. – Думаю, если вы не собираетесь спрашивать меня о чем-либо, связанном с настоящими уликами, с доказательствами того, что я сделал что-то дурное, а просто собираетесь поговорить о вещах, которые три недели назад я мог или не мог сказать своим соседям, тогда, наверно, мне нужен адвокат. Пожалуйста.

Светловолосые близнецы переглядываются, а затем снова смотрят на него.

– Конечно, Оуэн. Безусловно. У вас есть номер, по которому я мог бы позвонить?

– Мистер Баррингтон Блэр. Барри. Если не ошибаюсь, он работает где-то в Вест-Энде. Сохо или типа того.

– Отлично, сейчас мы попросим кого-нибудь ему позвонить. А пока, может, сделаем небольшой перерыв?

Они собирают свои бумаги. Инспектор Генри разглаживает пиджак и воротник рубашки. Инспектор Керри поправляет свою сложную прическу, возвращая на место выбившуюся прядь. Интересно, задается вопросом Оуэн, это настоящие люди или какие-то жутко сложные сверхсовременные андроиды?

– Вам принесут поесть, Оуэн. Просто держите себя в руках.

И тогда Оуэн остается один. Он вытягивает ноги и скрещивает их в щиколотках. Он соскребает с манжеты своего джемпера корочку засохшей еды. Он внезапно думает, что по ту сторону зеркала сидит ряд полицейских и наблюдает за ним, и решает двигаться как можно меньше.

Мгновение спустя входит молодой полицейский в форме с парой сэндвичей и бумажным стаканом чая.

– Тунец, – говорит он. – Или хотите с курицей и салатом «Цезарь»?

– Я не голоден, – отвечает Оуэн.

– Я оставлю вам оба, – говорит полицейский. Затем ставит перед ним чай и выходит из комнаты.

– Как долго мне оставаться здесь? – кричит ему вслед Оуэн сквозь щель в двери. Молодой полицейский появляется снова.

– Понятия не имею, – бодро говорит он. – Извините.

В этой комнате смотреть не на что. Тут не на чем задержать взгляд. Оуэн смотрит на свои ногти, теребит волосы, пытается поправить свою дурацкую асимметричную челку. Трогает подсохшую ранку на лбу. Скрещивает и разводит ноги. Время перетекает в длинные, пустые мгновения, растянутые вне всякой формы странностью происходящего.

Он берет один из сэндвичей. Тунец с майонезом и огурцами. Он терпеть не может тунца и не любит огурцы, а также черный хлеб, который никогда не ест. Он даже не смотрит на другой сэндвич. Оуэн знает: тот тоже ему не понравится.

Он осторожно потягивает обжигающий чай. При мысли о том, что полиция будет обыскивать его спальню и найдет таблетки в ящике для носков, сердце вновь больно екает. Оуэн пытается придумать, что сказать о таблетках, когда их неизбежно найдут. Как он объяснит поведение Бриана? Как он объяснит свое знакомство с безумным инцелом, который призывает к массовым изнасилованиям женщин?

Оуэн барабанит пальцами по столешнице и пытается контролировать дыхание. Красный шар паники стремительно летит к нему, угрожая поглотить целиком. Оуэн вновь представляет себе полицейских за стеклом. Ему нельзя психовать, нельзя. Скоро здесь будет Барри. Барри скажет ему, что делать.

Оуэн делает еще один глоток чая, слишком поспешно, чувствует, как тот обжигает ему рот. Оуэн морщится и тихонько чертыхается.

Наконец дверь снова открывается, и инспекторы возвращаются.

– Мы связались с мистером Блэром, – говорит женщина. – Он едет. Мы тем временем, пока ждем его, можем продолжить наш

разговор... это поможет вам быстрее вернуться домой. Или вы можете подождать, когда он придет. Вам решать.

Он снова думает о таблетках в ящике с нижним бельем.

– Пожалуй, я подожду, – говорит Оуэн.

В тот вечер Роан возвращается с работы рано. И сразу идет в кухню. Кейт отрывает взгляд от экрана своего ноутбука и смотрит на него.

– О! – говорит она. – Ты сегодня рано.

Роан проходит мимо нее, прямо к холодильнику и, даже не сняв куртки, достает вино и наливает себе бокал. Затем поднимает бутылку и спрашивает:

– Хочешь?

Еще даже нет шести часов вечера, но Кейт кивает.

– Как прошел твой день? – спрашивает она.

– Довольно хреново, – говорит Роан, расстегивая куртку и снимая ее. – Чертовски хреново.

Кейт знает: бесполезно ожидать, что он добавит что-то еще. Обычно это означает пациента со склонностью к суициду, или какое-то насилие, или что-то ужасное, связанное с жидкостями организма. Иногда это означает стычку с коллегой или начальником. Что бы это ни было в данном случае, Кейт не спрашивает. Просто поднимает свой бокал, чтобы Роан налил ей вина, и говорит:

– За вечер пятницы.

Роан сухо отвечает на ее жест, достает телефон и начинает что-то прокручивать на экране. Затем поворачивает его к ней.

– Ты видела это?

Она берет телефон, надевает очки для чтения и смотрит на экран.

– О господи!

Это фотография типа из дома напротив. Его рот открыт, видны пломбы в зубах и серый язык. У него на лбу запеклась кровь, волосы жирные и торчат во все стороны. Жутковатый снимок. Заголовок над ним гласит: «Это убийца Сафайр? Мужчина доставлен на допрос после того, как рядом с его домом были обнаружены следы крови и чехол от телефона».

– Ты видела, как это было? – спрашивает Роан.

– Я – нет. Но Джорджия видела.

– Ты слышала про следы крови, которые нашли полицейские?

– Да. Нам сообщил журналист. А кто сказал тебе? – спрашивает она.

– Коллега. Вообще-то многие коллеги. Сегодня об этом только и говорят. Это... черт побери. Это просто какой-то кошмар.

Она вновь смотрит на страницу на телефоне Роана и представляет миллион телефонов в миллионе рук, миллион людей, смотрящих в данный момент в лицо этого человека. Того, который живет через дорогу от нее.

Она читает то, что написано ниже:

«Сегодня, несколько часов назад, Оуэн Пик, 33-летний преподаватель колледжа, был доставлен полицией Северного Лондона для допроса по поводу исчезновения 17-летней Сафайр Мэддокс. Пик, проживающий в Хэмпстеде со своей теткой, Тессой Макдональд, недавно был отстранен от работы преподавателя информатики в колледже Илинга после того, как несколько студенток обвинили его в сексуальных домогательствах. Одна из них, Мейзи Дрисколл, сообщила репортерам, что среди студенток колледжа Пик пользовался репутацией “извращенца”. Она сказала, что на вечеринке в колледже он несколько раз гладил ее по волосам и стряхивал ей на лицо свой пот. В колледже отказались комментировать работу мистера Пика.

Соседи на Хэмпстед-авеню описывают мистера Пика как “странного типа”, “нелюдимого одиночку”, а одна женщина, 25-летняя Нэнси Уэйд, вспоминает, как в ночь исчезновения Сафайр Мэддокс он незадолго до полуночи пристал к ней на улице. Она сказала репортерам: “Мистер Пик намеренно преградил мне дорогу. Когда я попросила его дать мне пройти, он обиделся и словесно оскорбил меня. Я искренне опасалась за мою жизнь”.

73-летний Эрнесто Бьянко, проживающий этажом выше над квартирой Пика и мисс Макдональд, сообщил репортерам, что за последние недели Пика несколько раз допрашивала полиция. По словам мистера Бьянко, ранее полиция навещала мистера Пика в связи с серией серьезных сексуальных посягательств в этом районе, в том числе двух случаев в непосредственной близости от его дома. Никто пока не был найден или обвинен в этих нападениях. По всей видимости, об этих событиях его тоже допросят.

По неподтвержденным данным, при обыске под окном спальни Пика полицейские обнаружили вещи, в том числе чехол для телефона,

которые предположительно принадлежали пропавшему подростку. Также считается, что на кирпичной кладке рядом со спальней Пика и в траве внизу были обнаружены пятна крови. Судебно-медицинские эксперты все еще находятся на месте, и расследование продолжается. Тело пока не найдено, и поиски Сафайр Мэддокс продолжаются».

Кейт возвращает телефон Роану. Она вспоминает, как ей было стыдно, когда несколькими неделями ранее она послала полицию к двери Оуэна Пика. «Но я была права, – думает она теперь, – я следовала своим инстинктам, и инстинкты оказались абсолютно точны».

– Ты это читал? – спрашивает она. – О его приставании к студенткам на работе. По-моему, тут все ясно, верно? Это он.

Роан берет из ее руки телефон.

– Похоже на то. Да.

Кейт делает глоток вина и задумчиво смотрит на Роана.

– Но все же это так странно, правда? Что она была здесь? На нашей улице? Я имею в виду, почему здесь? Из всех мест? А почему он и почему она? Это просто... – Она вздрагивает. – Это пугает.

Роан пожимает плечами.

– Думаю, она жила недалеко отсюда. И это одна из улиц, по которой можно пройти в деревню. Может, в конце концов, все не так уж и странно.

– Но тогда куда она шла? Пока никто не сказал, что они договорились о встрече?

– Я не знаю, – говорит Роан и разводит руками. – Я ничего не знаю о ней и о ее личной жизни.

Кейт вздыхает.

– Подумать только, – говорит она, – он выслеживал Джорджию в прошлом месяце...

– Что ж, слава богу, у нее хватило здравого смысла позвонить тебе.

– Да. Абсолютно. Не могу даже...

– Нет, – говорит Роан, мягко качая головой. – Нет. Я тоже не могу.

В тот вечер Кейт наблюдает из окна спальни за домом напротив. Ей хочется узнать, не привезет ли полиция Оуэна Пика домой. Но на улице тихо. С черного, затянутого облаками неба сыплет мелкая морось. Сквозь желтый свет уличных фонарей Кейт видны шелковистые волокна этого мелкого дождя. Полицейская лента ограждения исчезла с дороги, но все еще прилеплена к воротам строительной площадки. Завтра выходные. Интересно, проводит ли полиция судебно-медицинский осмотр места преступления по выходным? Кейт понятия не имеет. Она слышит звук у себя за спиной и оборачивается, ожидая увидеть Роана, но это не он, это Джош.

– Что ты делаешь? – спрашивает он.

– Просто смотрю, что там происходит.

Он кладет руку ей на плечо, и Кейт накрывает ее своей.

– Мне его жаль, – говорит он.

Кейт поворачивается и смотрит на сына.

– Кого?

– Его, – говорит он. – Мужика из того дома. У меня гадкое чувство. Все будут думать, что он это сделал, даже если это не он.

– Почему ты считаешь, что это не он?

– Я этого не говорил, – отвечает Джош. – Просто человек невиновен, пока его вина не доказана, и все дела. Но людям нравится, когда кого-то обвиняют. Им нравится знать, кто он, этот мерзавец. В кого кидать тухлые яйца. Камни. Мне его жаль.

Кейт поворачивается и смотрит на сына. Она берет его щеки в ладони и ощущает на них трехдневный юношеский пушок, мягкий, как летняя трава.

– Ты такой милый мальчик, – говорит Кейт. – Такой милый мальчик.

Джош улыбается и трется лицом о ее ладонь, затем притягивает мать к себе, чтобы обнять. Она чувствует все его кости и сухожилия. От него пахнет кондиционером для белья, которым она пользуется при стирке. И еще чем-то, слегка похожим на табачный дым. Кейт задается вопросом, курит ли он. И если курит, то как ей к этому относиться? Она сама курила в четырнадцать. В полях и у железнодорожных путей, за стенами и живыми изгородями. Она курила «Силк катс». Она таскала их у своей матери, а когда та узнала об этом и начала прятать

свои сигареты, стала курить самокрутки. Может ли Кейт сердиться на него за то, что когда-то делала сама?

Ей кажется, что в нынешней атмосфере убийства и крови она даже не возражает против того, что ее сын, возможно, курит. Может, позже она будет возражать. Она отпускает Джоша и улыбается.

– Я уверена, что справедливость восторжествует, – успокаивающе говорит она. – Я уверена, что настоящий виновник будет наказан.

Уже почти полночь. Оуэн все еще сидит в бледно-голубой комнате с длинным узким окном и двусторонним зеркалом. Инспекторы Керри и Генри все еще сидят напротив него. На столе перед ними два пустых бумажных стаканчика, упаковки от трех батончиков «Кит-кат», четыре пустых пакетика из-под сахара и три деревянные ложечки-мешалки. Оуэн проводит пальцем по краям небольшой лужицы пролитого чая и вытягивает из нее подобие щупальца осьминога. Он делает это еще семь раз, и, наконец, осьминог готов.

Судя по всему, они ждут отчета от полицейских, которые весь день обыскивали его спальню. Барри сидит рядом с Оуэном, ковыряя кутикулы ногтей. На его манжетах запонки с зелеными камнями и рубашка в лилово-зеленую клетку. В этой комнате с похожими на фотороботов полицейскими и облупившимися стенами Барри смотрится инородным телом. Особенно по контрасту с самим Оуэном, от которого уже начинает попахивать потом.

Оуэн не сказал Барри о рогипноле в ящике для носков. Когда Барри четыре часа назад вошел в эту комнату, Оуэн бросил на него всего один взгляд и понял: единственная причина, почему Барри здесь, – это перспектива получить гонорар. Ни улыбки узнавания или сочувствия, ни малейших намеков на то, что Барри когда-либо раньше видел Оуэна. Сухой, неулыбчивый, резкий до жестокости.

Дверь открывается, и входят еще двое полицейских. Они странно смотрят на Оуэна, и его живот скручивается узлом. Он знает, что означает этот взгляд.

Они на несколько минут выводят инспектора Керри из комнаты. Затем она возвращается. Она раскладывает перед собой новые документы, откашливается, что-то шепчет на ухо инспектору Генри, смотрит прямо на Оуэна и говорит:

– Итак, мистер Пик. Я думаю... – Она снова перебирает документы. Она явно обдумывает свой следующий ход, хочет убедиться, что сделает его правильно. – Я думаю, нам следует немного отступить назад. Думаю, нам стоит обсудить ваши поступки за последние несколько недель... а именно с даты вашего отстранения от

работы в колледже Илинга. Вы можете сказать, мистер Пик, что это событие как-то изменило вас? Заставило по-другому взглянуть на жизнь?

Барри наклоняется вперед, проводит пальцем по своему изысканному шелковому галстуку и говорит:

– Не отвечайте на это, Оуэн. Это смехотворный вопрос.

Оуэн закрывает рот.

Инспектор Керри шумно вдыхает и начинает снова.

– Мистер Пик, мы изучили историю просмотров вашего ноутбука. Мы обнаружили несколько весьма тревожных записей на некоторых форумах, известных как форумы *инцелов*. Мистер Блэр, вы знаете, что такое форум инцелов?

– Разумеется, – говорит Барри, чем застаёт Оуэна врасплох. Барри выглядит так, будто перенесся сюда напрямик из 1960 года. Оуэн не может представить, что у Барри есть компьютер, не говоря уже о том, что он знает, что такое форум инцелов.

– В последнее время вы довольно часто посещаете эти форумы, мистер Пик, что скажете?

Он пожимает плечами.

– Нет. Я бы так не сказал.

– Что ж, в таком случае я могу точно сказать, сколько времени вы проводили, посещая эти форумы, мистер Пик, потому что у нас есть данные. Вот они. Начиная с четверга семнадцатого января, когда вас отстранили от работы в колледже Илинга, вы проводите на этих форумах примерно четыре часа в день.

– Оуэн, вы можете не отвечать. Все это полная чушь.

– Оуэн, вы говорили на этих форумах ужасные вещи. Вы участвовали в дискуссиях о том, как насиловать женщин, какие женщины заслуживают изнасилования и почему. И вы так унижительно отзывались о женщинах, что я с трудом могу заставить себя повторить ваши слова. Вы сидите здесь, этакий тихоня с большими грустными глазами, и при этом думаете такое, выбираете самые гнусные, самые мерзкие слова в адрес женщин.

Ее голос срывается на крик, глаза сверкают. Впервые с тех пор, как Оуэн увидел Анджелу Керри, она дала выход своим эмоциям. Она переворачивает бумаги, чтобы он мог видеть слова, которые печатал в

безумной эйфории, найдя, наконец, тех, кто способен его понять. Слова плывут перед его глазами.

... Шлюха... Рот...

... Кулак...

... Шлюха... Жестко... Лицо...

... Шлюха...

... Сука... Кровотечение... Дырка...

Он закрывает глаза.

Он не имел в виду ни одного из этих слов.

Он только что присоединился в сообществу. Новичок. Заигравшийся новичок.

– Вы можете подтвердить, что эти слова были написаны вами?

Оуэн смотрит на Барри.

Барри просто моргает. Ему противно. Оуэн кивает головой.

– Пожалуйста, подтвердите устно, мистер Пик.

– Да. Я написал эти слова. Но я не имел их в виду.

– Вы не имели их в виду?

– Нет. Не совсем. Просто я был зол на многие вещи. Я был зол, что меня преследовали за то, чего я не делал на работе...

– Не делали?

– Делал, но не так, как говорили те девушки.

– Вы имеете в виду, что они неправильно истолковали ваши намерения?

– Да. Нет. Да. Девочки-подростки меня совершенно не интересуют. Ну, вы понимаете, о чем я. Мне они кажутся детьми. И что бы они ни подумали обо мне, если я что-то и сделал, то совершенно невинно, без всякой задней мысли.

Инспектор Керри кивает.

– Значит, вы были так злы, что ходили на эти сайты в интернете, – она тычет пальцем в лист бумаги, – и писали отвратительные, жестокие вещи о женщинах, потому что были сердиты на них?

Оуэн кивает.

– Да. Верно. Но я не имел в виду ничего из этого.

– Точно так же, как вы не хотели брызгать потом на этих девушек и не спрашивали их, кого они предпочитают, девочек или мальчиков?

– Что? Я этого не говорил...

– Они утверждают, что говорили, мистер Пик. По словам Нэнси Уэйд, вы заставили ее опасаться за жизнь, пока она шла одна в темноте. Ваши соседи определили вас как потенциальную сексуальную угрозу, когда в прошлом месяце подруга их дочери сказала, что вы приставали к ней недалеко от их дома. К вам даже был отправлен полицейский, чтобы расспросить вас об этом случае. Вы проводили десятки часов в чатах и на форумах, обсуждая лучший способ изнасилования женщин. Мы обнаружили на стене и в траве под окном вашей спальни следы крови Сафайр Мэддокс и чехол от ее телефона – также под окном вашей спальни. И вот теперь, мистер Пик, нам сообщили о наличии в одном из ящиков вашей спальни большого количества запрещенного препарата, рогипнола. Рогипнол, как всем хорошо известно, это так называемый наркотик для изнасилования на свидании.

– Сейчас двенадцать часов три минуты пополудни, суббота, двадцать третье февраля. Оуэн Майкл Пик, я вынуждена арестовать вас за похищение Сафайр Мэддокс. Вам не нужно ничего говорить, но если вы не упомянете во время допроса то, на что впоследствии будете ссылаться в суде, то это может навредить вашей защите. Вы понимаете?

Оуэн смотрит на Барри, как будто тот должен что-то сказать или сделать, чтобы это могло закончиться.

Но Барри лишь закрывает глаза и кивает.

За несколько дней до Нового года я, выйдя из лифта, встретила у дверей нашей квартиры Аарона. Он стоял весь какой-то взволнованный и как будто пританцовывал на месте.

– Что с тобой? – спросила я.

– У меня для тебя сюрприз.

Я подозрительно улыбнулась.

– Неужели?

– Снимай куртку, – сказал он. Он забрал ее у меня, когда я вытащила руки из рукавов, и повесил ее. – Проходи. Только ничего не говори. Ладно? Снимай обувь.

Я скинула кроссовки, недоуменно посмотрела на него и прошла за ним в гостиную. Аарон подвел меня к елке и сказал:

– Смотри! Под елкой есть еще один подарок! Санта, должно быть, вернулся, потому что ты была такой хорошей девочкой!

Я нахмурилась и опустилась на колени рядом со свертком. Вернее, он был больше похож на коробку, блестящую красную коробку с крышкой и золотым бантом.

– Может, ты все-таки откроешь, как думаешь?

Я медленно подняла крышку и заглянула внутрь. И тотчас ахнула и, прижав руки ко рту, посмотрела на Аарона.

– Нет! – воскликнула я.

– Вообще-то да, – улыбнулся он.

Внутри коробки был крошечный кремовый котенок. Снимки таких милашек обычно выкладывают в Инстаграме: огромные голубые глаза, и весь такой пушистый. Он открыл рот, как лев, собирающийся зарычать, и издал короткий, жалобный писк. Я засмеялась и сунула руки в коробку, чтобы вытащить котенка. Он почти ничего не весил. Сплошной пух и никакой физической массы, крошечный и легкий, как перышко.

– Он наш? – спросила я Аарона.

Он покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Он твой. Это твой кот.

Я издала странный звук, что-то среднее между писком и стоном. Всю жизнь, всю свою жизнь я просила домашнего питомца, и всю жизнь мне отказывали, говорили, что это слишком хлопотно, что у нас мало места, что у бабушки аллергия, что это слишком дорого. И я, наконец, пару лет назад перестала просить, а вот теперь у меня есть мой питомец. Вот он. В моих руках. Я поцеловала его в макушку и спросила:

– В самом деле?

– Да. Серьезно, – ответил Аарон.

– О господи! О, мой истинный Бог. Не могу в это поверить. Я действительно не могу в это поверить.

Я поставила котенка на пол и дала ему осмотреться. Котенок встал на задние лапки и стал трогать низко висящий елочный шар. Мы с Аароном переглянулись и рассмеялись.

– Как ты его назовешь? – спросил Аарон.

– Блин, я не знаю. Что ты думаешь?

– Понятия не имею. У него голубые глаза... может, Фрэнк Синатра?

– Кто-кто?

– Фрэнк Синатра. Певец из старых деньков. Его еще звали «голубоглазый». Из-за голубых глаз. Как можно такое не знать?

– Почему я должна это знать? Я молодая. Я не такая старая, как ты.

– Но, согласись, Фрэнк было бы для него классным именем?

Я взяла котенка и посмотрела в его большие голубые глаза. Он снова издал этот тихий писк. Я подумала: нет, он не похож на Фрэнка.

– Он похож на ангела, – сказала я. – Анджело. Я назову его Анджело.

* * *

Я знаю, почему Аарон купил мне котенка. Я не глупая, и это было очевидно. Он купил котенка, чтобы мне хотелось оставаться дома. Я знала, ему не нравится, что я столько времени провожу на улице, и он

не дурак. Это было по-своему гениально. Потому что как я могла шляться по улице одна-одинешенька – в темноте, на холоде, по мокрой улице, – когда меня можно привязать к дому с помощью Анджело, котенка моей мечты?

Но на самом деле это не сработало. Это было как в пословице – с глаз долой, из сердца вон. Когда я была дома с Анджело, я была от него без ума. Я любовалась им. Я смотрела на него так, будто он был лучшим телешоу во всем мире. Все, что он делал, меня очаровывало. По утрам он будил меня, проходя по моему лицу своими маленькими лапками с острыми коготками, и я даже не возражала. От него пахло облаком, лужей пресной воды, вершиной горы. Иногда я брала его на руки, чтобы понюхать. Я обожала его запах. Я всей душой любила его. Но этого было недостаточно, недостаточно для того, чтобы мне не хотелось выйти на улицу, натянуть капюшон и исчезнуть у всех на виду.

* * *

Впервые я провела всю ночь на свежем воздухе в канун Нового года. Аарону я сказала, что собираюсь на вечеринку к Жасмин и заночую у нее дома. У Аарона была ночная работа в баре в Килберне, двойная почасовая оплата и огромные чаевые. Он делал так каждый год и обычно приходил домой с парой сотен фунтов за ночь. Я сказала ему, что в Новый год вернусь домой рано, чтобы позаботиться об Анджело, и Аарон сказал, что, если я не против, он сводит меня в кафе португальско-африканской кухни «Нандос».

Я собрала сумку с вещами и достала из верхнего отделения гардероба спальный мешок. (Куплен и ни разу не использовался с тех пор, как я училась в шестом классе, для учебно-образовательной поездки от турфирмы «Пи-Джи-Эл». Ярко-розовый, с сердечками.) Я взяла немного еды, чуток мяса для лиса, грелку в меховом чехле, зарядное устройство для телефона, рулон туалетной бумаги и дезинфицирующее средство для рук. Я надела на себя побольше одежды, хотя было не так уж холодно. Я взяла на руки Анджело, поцеловала его, осторожно вытащила его коготки из своей одежды,

понюхала его и оставила на кухне с газетами и сухим кормом в его маленькой миске.

Последнее, что я слышала перед тем, как закрыть дверь, – это хруст корма.

* * *

Я действительно пришла к Жасмин. У нее было то, что она то и дело называла «суаре». И при этом грассировала. Су-ар-р-р-ре. Даже не знаю, откуда она взяла это слово. Когда я сняла куртку и Жасмин увидела, что я вся в толстовках, флисах и самых затрапезных кроссовках, она оторопела.

– Ты что, еще пытаешься? – спросила она.

– У меня есть планы, – сказала я. – Не хочу замерзнуть.

– Скажи мне, что у тебя под всем этим симпатичный маленький бюстгальтер.

– Нет, – ответила я. – Я выгляжу дерьмо дерьмом. Смирись с этим.

Я пробыла у Жасмин примерно до одиннадцати часов. Там было прикольно. Там были девчонки из нашей школы, парочка их парней. Я выпила бокал красного вина. Подумала, что это поможет мне уснуть. Играла музыка, все болтали без умолку, а потом из паба пришли пьяненькие тетушки Жасмин, очень шумные и веселые, а потом включили более громкую музыку, и народ стал танцевать, и это было весело. Я знала: если сказать им, что я ухожу до полуночи, все поднимут шум и будут уговаривать меня остаться. Поэтому я не сказала, что ухожу. Просто взяла свой рюкзак и бутылку с остатком вина и ушла.

* * *

Я заглянула с улицы в окна Роана. Они были слегка запотевшими, поэтому я решила, что они дома. Меня мучил вопрос, чем занимаются такие люди, как Роан и его жена, в канун Нового года? Может, они ходили куда-нибудь на шикарный ужин? Или напились и

натанцевались в гостях у знакомых? Или просто сидели на диване и пили вино?

Я перелезла через стену на пустой участок и устроила позади экскаватора свое маленькое лежбище. Даже если сюда кто-то случайно забредет, меня там никто не увидит. Заодно я была хорошо защищена от ветра. Убрав несколько камешков, я положила на землю одеяло. Затем сняла верхнюю толстовку с капюшоном и свернула ее, придав форму подушки. Потом снова надела пуховик и натянула на уши шапку. Я села, прислонившись спиной к экскаватору, и стала пить вино из горлышка. Я никогда раньше не пила больше одного бокала вина и была приятно удивлена тем, насколько это хорошо и приятно. Все как будто стало другим. Я посмотрела на свой телефон: Жасмин выкладывала бесконечные видосы, где все танцевали, визжали и строили рожи в камеру. Я не чувствовала, будто я что-то упускаю. Я была там, где хотела быть.

Я проверила время: 23:28. Я написала Жасмин, сказала, что очень устала и потому ушла домой, и пожелала ей счастливого Нового года, но она не ответила, что означало, что она все еще веселится. Я не хотела, чтобы она обо мне беспокоилась.

Я допила вино и тотчас ощутила, как меня окутывает липкий кокон опьянения.

В полночь небо расцвело фейерверками. Я подумала про Аарона за барной стойкой в Килберне, представила, как он среди толп пьяных людей загружает в посудомоечную машину стаканы. Я подумала о дедушке на небесах, занятом тем, чем мертвые люди бывают заняты на небесах.

А потом я услышала, как дверь открылась и закрылась, и кто-то кашлянул. Я подошла к передней стене, выглянула сквозь деревья и увидела, как Роан, натягивая на ходу куртку, вышел из дома. На цыпочках обойдя периметр, я увидела, как он свернул за угол и вытащил из кармана телефон.

– Привет, – услышала я его голос. – Это я. С Новым годом.

Потом я услышала на заднем плане металлический женский голос.

– Как ты там? Ты?.. Ох, хорошо. Да. Хорошо. Нет, я не могу долго говорить. Я просто сказал, что пошел выбросить мусор. Да, мы все просто тусуемся. Пьем шампанское. Ничего особенного. Сама

понимаешь. Нет. Ничего подобного. Довольно тихо. Да. Я знаю, я тоже этого хочу. Черт, да, конечно, хочу. Ты знаешь, что я хочу. Ты даже не представляешь, как, Алисия. Черт, я так сильно тебя люблю. Да. Да. Клянусь, в это время в следующем году. Клянусь. В это время в следующем году мы будем вместе. Мальдивы или Сейшелы, да! Вкусная еда! Боже, да! Только мы. Я обещаю. Клянусь тебе. Я так люблю тебя. Я так люблю тебя. Черт возьми, Алисия. Мне нужно возвращаться. Просто верь мне, моя прекрасная девочка. Просто верь. Да. Да. Ты тоже. С Новым годом тебя. Увидимся через три дня! Я тебя люблю. Я люблю тебя. Пока. До свидания.

А потом тишина.

Я вернулась к переднему краю пустыря и посмотрела на дом Роана. Его жена стояла в дверном проеме в блестящем джемпере и джинсах, в носках, с бокалом шампанского в руке.

– Где ты был? – крикнула она Роану, когда тот появился из-за угла.

– Нигде, – сказал он. – Просто мне показалось, будто я что-то услышал.

– Что-то услышал?

– Да. Какие-то крики. Мне просто стало любопытно. Думаю, это были какие-то гуляки.

Я не слышала, что жена сказала в ответ, потому что грянул очередной залп фейерверков. Мое сердце бешено колотилось. Роан Форс, человек, с которым я более трех лет каждую неделю сидела в комнате, пока он так нежно и умело очищал слои моей психики: вот он, строит планы оставить свою семью ради соблазнительницы с тициановскими волосами. В это время в следующем году.

В это время в следующем году его тощая жена будет жить где-нибудь в дерьмовой квартирке, потому что это будет все, что она сможет себе позволить. Его детям придется курсировать между двумя дерьмовыми квартирами, сидеть, неловко разговаривать с Алисией и заботиться о своей матери, потому что ее сердце будет разбито, и она больше не будет той мамой, которую они знали. Она будет новой мамой, и их детство будет разрушено и изгажено. И откуда я все это узнала? Просто поняла. Поняла по тому, как прячется по пустырям с «косяком» в зубах и с лисом его сын, который уже знал, что жизнь будет не подарок, поняла по самоуверенным замашкам его ширококостной дочери с ее зычным голосом, которая считала, что

жизнь всегда будет проста и приятна. Поняла по тому, как нервно потирала локти его жена, которая построила свою жизнь вокруг мужчины, и тот, как она полагала, никогда ее не предаст, хотя она все время знала, что рано или поздно он это сделает. Я знала это, потому что видела. Видела своими глазами. Потому что, как я вам постоянно говорю, я не дура.

Я почувствовала, как красное вино закисает у меня в желудке. А затем, услышав стук входной двери, которая вновь открылась и закрылась, я отступила назад, в тень. Ко мне приближались мягкие шаги, которые затем свернули за угол.

– Флинн. Приятель. Я здесь, – раздался мужской голос.

– Привет.

– С Новым годом и все такое прочее.

– Ага.

– С две тыщи девятнадцатым.

– Блин. Да.

– Надеюсь, он будет не таким дерьмовым, как 2018 год.

– Все годы – дерьмо.

– Верно. В самую точку.

Я разглядела темные силуэты двух мальчиков, толкавших друг друга сквозь живую изгородь. Затем я увидела, как они свернули за угол и направились к дырке между деревьями. Я забила в самый дальний угол. Взорвался очередной фейерверк. Я воспользовалась его грохотом, чтобы забиться как можно глубже в заросли.

– Ого, – сказал один из мальчиков. – Глянь. Лежбище бродяг.

Я увидела, как по моему маленькому пристанищу скользнул луч света от телефона.

Я была отнюдь не в восторге от того, что кто-то вторгся на мою территорию. Меня так и подмывало броситься к ним и сказать, чтобы они валили отсюда и оставили мои вещи в покое.

– Интересно, кто это? – спросил один из мальчиков.

– Похоже на девушку, – сказал другой. – Глянь. Розовый спальный мешок.

– Черт, это так печально. Ты только представь: девушке спать под открытым небом.

– Зато тут есть вино, – сказал второй, взяв в руки мою пустую бутылку.

Я видела, как они оба застыли на месте и огляделись по сторонам. И, как только убедились, что таинственный бродяга не собирается нападать на них, сели и скрутили себе «косяк».

Я притаилась рядом с окном спальни Клайва, в своем укромном уголке. Я взглянула на приглушенный свет, просачивающийся сквозь его шторы, и подумала, интересно, чем он там занят? Бедный старина Клайв и его нейлоновое покрывало!

Спустя минуту до меня донесся запах «травки». А вместе с выдыхаемым дымом и их приглушенные голоса.

– В этом году все будет по-другому.

Я не могла сказать, который из мальчиков сейчас говорит; оба голоса звучали для меня одинаково.

– Это да. Ты хочешь сказать?..

– Да. Маска сползает.

Один из них засмеялся. Затем к нему присоединился другой.

– Мистера Обаяшки больше нет?

– Да, мистера Обаяшки больше нет. К черту. Да пошел он.

Снова смех.

– В это время в следующем году.

– Да, в это время в следующем году.

– Может, мы прославимся.

– Дурной славой.

– Точняк...

Остальную часть их разговора заглушил треск нового фейерверка. Через несколько минут они собрали свои вещи и поднялись на ноги.

– Сегодня без лиса? – сказал один из них.

– Наверное, испугался фейерверка, – сказал другой. Они оба остановились и посмотрели на кучку моих вещей.

– Интересно, появится ли бездомная девушка?

– Может, она уже здесь.

– О-о-о-о, жуть!

– Может, мы ей что-нибудь оставим?

– Что, например?

– Понятия не имею. Остатки шампанского?

Только тогда я заметила, что один из них держит за горлышко бутылку.

– Ага. Почему бы и нет, в меня больше не лезет.

Они осторожно поставили бутылку на землю рядом с моими вещами, а потом один из них сказал:

– С Новым годом, бездомная девочка.

А второй добавил:

– Надеюсь, твой Новый год будет лучше, чем старый, бездомная девочка.

А потом они снова исчезли.

Я проследила за тем, как они вышли на улицу и разошлись в разные стороны. Джошуа медленно перешел улицу к своему дому, а его такой же долговязый друг отправился в другую сторону, вниз с холма.

А потом фейерверки прекратились. Небо прояснилось. Стало тихо. Я сняла кроссовки, надела большие пушистые носки, которые захватила с собой, и забралась в спальный мешок. Я понюхала горлышко недопитой бутылки шампанского и передумала пить. Я включила телефон и ответила на несколько сообщений, в том числе на эсэмэску Аарона. В ней говорилось, что он едет домой и увидит меня утром. Я смотрела на небо, на свежее небо 2019 года. Черное, новое, на котором не было ничего написано.

В воскресенье Кейт идет посмотреть свой дом в Килберне. Ей не нравится бывать там в будние дни, когда работают строители, ведь она будет мешать, а они будут с любопытством таращиться на нее, как будто она застукала их за каким-то нехорошим делом.

Она выходит из дома рано. Дети еще спят. Роан, откинувшись на подушки, лежит в постели со своим ноутбуком, пытается сделать работу, которую не успел завершить на неделе. Кейт решает идти пешком. Это займет минут тридцать, а сегодня приятное утро. Она переходит улицу и смотрит сквозь листву на пустырь. «Никогда не подумаешь, – размышляет Кейт, – никогда не подумаешь, что недавно тут были детективы, полицейские машины и вертолеты; как будто ничего этого не было». Затем она проходит мимо дома Оуэна Пика, впервые даже не пытаясь обойти его. В доме тихо. Шторы задернуты. Утро едва-едва наступило.

* * *

В пустом доме в Килберне ей виден легкий парок собственного дыхания. Звук ее шагов отлетает эхом от голых половиц. Скоро сюда привезут ковры, кафельную плитку, занавески, мебель, обои и подушки. Голые кости дома теперь на месте, и она почти может представить его семейным гнездышком. Кейт смотрит из окна мезонина на их обезображенный сад на заднем дворе. Там высятся груды мешков с цементом и обрезки досок, а трава завалена строительным мусором. Кейт представляет себя там через несколько месяцев: будет разгар лета, небо будет кислотно-синим, у них будет хорошая, новая садовая мебель – она уже выбрала то, что нужно, из каталога «Икеа», – и, может быть, там будет гриль для барбекю. Ей больше не придется каждый раз, выходя на улицу, видеть дом Оуэна Пика. Больше не придется проходить мимо жутковатого пустыря с тьявкующими лисицами.

Кейт глубоко вздыхает и цепляется за охвативший ее тихий трепет, предвкушение всего этого. Она поднимается по лестнице в комнату, которая в скором времени снова станет ее спальней. Ее окна выходят на улицу, на ряд безобидных домов, таких же, как и ее собственный. Никаких зловещих пустырей, никаких старых скрипящих деревьев, отбрасывающих тени на кровать, никаких сексуальных маньяков, прячущихся за тяжелыми дверями и нестираными шторами. Просто нормальные дома, в которых живут нормальные люди. Кейт никогда больше не будет принимать Килберн как должное.

Она делает несколько снимков строительных работ, чтобы Роан мог посмотреть на них позже. Затем запирает за собой дверь, нежно прижимает ладонь к внешней стене дома и возвращается в ненавистную квартиру.

* * *

Когда она входит на кухню, Роан готовит тосты.
– Хочешь? Положить тебе еще кусок? – предлагает он.
– Нет, спасибо, я уже позавтракала, – отвечает она.
Он как-то подозрительно бодр, думает Кейт. Слишком весел.
– Ты видела это? – говорит он, указывая на экран своего ноутбука.
Она прикасается к нему и видит главную страницу корпорации Би-би-си. Заголовок гласит: «Преподаватель колледжа арестован за похищение Сафайр Мэддокс».
– Боже мой, – говорит Кейт. – Они арестовали его!
– Я знаю, – говорит Роан. – Я так рад.
Она отрывает взгляд от экрана.
– Рад?
Выбор этого слова кажется ей странным.
– Да, – говорит Роан. – Теперь, возможно, мы узнаем, где она.
Она снова опускает глаза и читает:
«Тридцатитрехлетний бывший преподаватель колледжа Оуэн Пик официально взят под арест и содержится в полицейском участке одного из городов Кента по обвинению в похищении пропавшего подростка Сафайр Мэддокс. Семнадцатилетнюю мисс Мэддокс

последний раз видели десять дней назад в День святого Валентина, когда она направлялась в деревню Хэмпстед, сообщив семье, что собирается встретиться с подругой. Источники в полиции утверждают, что неженатый Пик, который живет со своей теткой в ее квартире в Хэмпстеде, не предоставил никаких объяснений по поводу следов крови, обнаруженных рядом с его домом. Также выяснилось, что он активно участвовал в так называемых “форумах инцелов”, на которых мужчины, идентифицирующие себя как “невольно соблюдающие целибат”, неспособные вступать в сексуальные отношения с женщинами несмотря на свое желание, собираются, чтобы поделиться своими переживаниями. Предполагается, что похищение Сафайр Мэддокс могло быть результатом радикализации Пика под влиянием других участников форума. Многие недавние массовые расстрелы в США объясняются влиянием радикальных элементов с таких сайтов.

Семья Пика недоступна для комментариев. Считается, что залог был установлен в размере одного миллиона фунтов стерлингов».

– Форумы инцелов? – спрашивает Кейт. При этой мысли ее желудок скручивает узлом. Однажды она смотрела документальный фильм об инцелах, и он ужаснул ее до глубины души. Ненависть, желчь и озлобленность. – Боже.

– Я знаю, – говорит Роан. – Это вроде как складывается, верно? Стоит посмотреть на него, увидеть, где он живет. Я имею в виду, с первого взгляда можно сказать, что он на фиг никому не нужен.

– У тебя бывали такие пациенты? – спрашивает Кейт мгновение спустя. – Ну, такие, которые ненавидели девушек, потому что сами они им не нравятся?

– Боже, да, – говорит Роан. – Маленькие мальчики, которые, когда вырастут, станут завсегдатаями форумов инцелов и будут обсуждать лучшие способы изнасилования женщин. Конечно, были. Несколько лет назад у меня был одиннадцатилетний мальчишка. Его поймали в школе за написанием жутких и крайне жестоких фантазий об изнасилованиях.

Кейт медленно качает головой, не в первый раз задаваясь вопросом о том, какая изнурительная у мужа работа.

– Разве тебе это никогда не надоедает? Иметь дело с такими детьми?

Он перестает намазывать тосты маслом и поворачивается к Кейт.

– Конечно, надоедает, – говорит он. – Боже. Еще как надоедает.

* * *

Это последнее воскресенье перед тем, как дети вернутся в школу после февральских каникул, а это значит, что Джорджия проведет весь день в пижаме, сердито доделывая домашнее задание, жалуясь, как сильно она ненавидит школу, ненавидит экзамены, ненавидит Кейт за то, что та заставляет ее ходить в школу, ненавидит правительство за то, что оно заставляет ее ходить в школу, ненавидит жизнь, ненавидит всех, и вообще, ей наплевать, какой будет у нее аттестат. Так будет до тех пор, пока, наконец, домашнее задание не будет сделано и она не приготовит себе что-нибудь сладкое, не поставит это сладкое перед телевизором и не почувствует себя так, будто выложились на все сто, заслужила покой и получает от этого еще больше удовольствия. Это будет день кипящих страстей, изнуряющий день, и Кейт готова к нему с того момента, как слышит, как в одиннадцать тридцать открывается дверь спальни Джорджии.

– Привет, ангел.

– Угу, – отвечает Джорджия. – Я проснулась где-то в восемь и не могла снова заснуть.

– Что ж, – говорит Кейт, – я заглянула к тебе примерно в десять тридцать, а ты даже не услышала, так крепко спала.

– Да, я то засыпала, то просыпалась.

– Хочешь что-нибудь поесть?

Джорджия зевает и качает головой.

– Скоро уже обед. Я подожду.

– Я съездила посмотреть дом, – говорит Кейт и, включив телефон, показывает Джорджии фотографии.

– Ой, здорово! – оживляется Джорджия. – Дом! Наш дом! Дайте-ка посмотрю!

Кейт показывает одну за другой фотографии, а затем идет по коридору в спальню Джоша, чтобы проверить, как он там. Обычно он встает раньше Джорджии. Кейт уже слышала бы, как сквозь стену звучит музыка на его телефоне, который он обычно прислоняет к

кружке с зубными щетками, как шумит душ. Но ничего такого сейчас не слышно.

Кейт осторожно стучит.

– Джоши?

Нет ответа.

– Джош?

Она распахивает дверь.

Кровать Джоша пуста. Кейт идет в ванную и находит там Роана. Он сидит на унитазе, спустив брюки до лодыжек, и играет на своем телефоне в «Candy Crush».

– Ты видел Джоша?

– Нет, – отвечает Роан. – Он все еще в постели, разве нет?

– Нет, – говорит Кейт. – Джоша там нет. Он, должно быть, куда-то ушел.

Она возвращается в кухню и забирает у Джорджии телефон.

– Ты знаешь, где Джош? – спрашивает Кейт.

Джорджия качает головой.

– Кажется, полчаса назад я слышала, как открылась входная дверь.

Кейт пишет текстовое сообщение Джошу и отправляет его. «Где ты?» Галочка на экране удваивается, но не синее. Кейт вздыхает.

Галочки остаются серыми еще час. Она звонит сыну. Звонок переходит на голосовую почту. Она оставляет Джошу сообщение. Все садятся обедать – спагетти с перцем чили, чесноком и креветками. Она кладет последнюю порцию в тарелку, накрывает пищевой пленкой и ставит в холодильник.

В два часа Джорджия наконец усаживается за кухонный стол и начинает делать уроки. Роан и Кейт сидят бок о бок в гостиной и пытаются смотреть по телевизору фильм, но Кейт никак не может сосредоточиться. В комнате темнеет, солнце начинает опускаться за горизонт, и Кейт каждые тридцать секунд проверяет свой телефон. Она отправляет Джошу еще пять сообщений и еще три раза звонит ему. Как только фильм заканчивается и начинаются титры, она поворачивается к Роану и говорит:

– Думаю, нам следует позвонить в полицию.

– Что?

– Уже почти четыре часа. Его нет около пяти часов.

– Кейт. Ему четырнадцать лет. Сейчас еще день-деньской.

– Знаю, – отвечает она. – Но он не из тех трудных подростков... не такой, чтобы взять и просто исчезнуть. Он всегда говорит мне, когда куда-то идет. И почему он не отвечает на телефонные звонки?

– Наверно, телефон разрядился, или сейчас он в метро.

– Джош не ездит на метро, – раздраженно отвечает она. Иногда ей кажется, что Роан вообще не знает своих детей. – У него случаются приступы паники, помнишь?

– В любом случае, звонить в полицию – это перебор.

– Но как долго нам еще ждать?

– Может, до ужина? – спрашивает Роан. – Но даже тогда не пройдет и двенадцати часов. – Он встает и потягивается. – Я думаю, – говорит он, – не сходить ли мне на пробежку. Могу заодно посмотреть по сторонам, не появится ли Джош.

– Да, – говорит Кейт. – Точно. Блестящая идея. Иди на пробежку. А я пока попытаюсь найти номер Флинна.

Флинн – единственный известный ей друг Джоша.

Он никогда не был у них дома. Обычно он ждет Джоша на улице и пишет ему текстовые сообщения, если они собираются погулять вместе. Кейт знает лишь то, что его зовут Флинн и у него рыжие волосы.

– Джорджия, – говорит она, заходя в кухню. – У тебя случайно нет номера Флинна?

– Флинна?

– Ну да. Это друг Джоша. С рыжими волосами.

– С какого перепугу у меня может быть номер *Флинна*?

– Не знаю, дорогая. Я просто подумала, может, ты его знаешь.

Вдруг вы с ним общаетесь в социальных сетях?

– Боже упаси. Этого мне только не хватало.

– Ты знаешь его фамилию?

– Боже мой, нет. Конечно, нет. Я его вообще не знаю. Он просто... он просто друг Джоша. Он не имеет ко мне никакого отношения.

– Ты?.. – осторожно начинает Кейт. – У тебя есть мысли о том, где может быть Джош? Он не отвечает на мои звонки.

Джорджия шумно выдыхает.

– Мам, – говорит она, – я пытаюсь делать уроки, а ты прямо сейчас мне мешаешь.

– Нет-нет, извини. Ты права. Но я волнуюсь за него... уже темнеет...

– Ему четырнадцать, мама. С ним все в порядке. Попробуй заглянуть на стройку на другой стороне улицы.

Кейт застывает как вкопанная.

– Что?

– На заброшенный участок. Сама знаешь. Там, где была полиция. Прошлым летом он постоянно там тусовался. Иногда вместе с Флинном.

– Они тусовались там... и чем занимались?

– Откуда мне знать? Ты думаешь, меня это волнует?

– Нет. Но...

– Послушай, это твой сын. Попробуй догадаться сама. Для меня он – загадка. Все, что я знаю, так это что он иногда торчал там, через дорогу.

– Но как он забирался туда?

– Там есть лаз, – отмахивается Джорджия, как будто все должны быть в курсе этого лаза. – За углом. Где стена низкая.

Джорджия снова утыкается в стоящий перед ней учебник, и Кейт выходит в коридор. Берет куртку и ключи и выходит на улицу.

Небо превращается из серого в почти черное. Кейт включает на телефоне фонарик и на ощупь сворачивает за угол, пока не находит место, где между деревьями достаточно широкое расстояние, сквозь которое можно протиснуться внутрь. Она оказывается на другой стороне, на чахлой траве. Пустырь с этого ракурса кажется огромным. Кейт светит телефоном вперед, через весь пустырь.

– Джош! – кричит она. – Джош?

Она освещает телефоном углы и места позади припаркованной техники. Там никого нет.

Кейт смотрит сквозь деревья на дальний край пустыря, на сад за домом Оуэна Пика. В сад выходит окно с задернутыми шторами. Его спальня. Кейт представляет себе его лицо, освещенное светом ноутбука. Он пишет на форумах инцелов всякие гадкие и развратные вещи, замышляет похищение красивой, но неуравновешенной молодой девушки, фантазирует о том, что будет с ней делать, когда она, наконец, окажется в его омерзительных объятиях.

Кейт озирается по сторонам, как будто Сафайр Мэддокс где-то здесь, как будто дюжина полицейских, которые три дня прочесывали каждый дюйм этого пространства, просто ее не заметили, и теперь эта Сафайр может подняться с земли и подойти к ней.

Кейт чувствует, как телефон в ее руке начинает вибрировать, и включает его. Пришло сообщение от Джоша.

«Иду домой, мам. Скоро увидимся».

«Где ты был?» – поспешно отвечает она.

«В кино, – отвечает он. – Телефон был на беззвучном режиме. Извини».

Она выключает телефон и, прижав его к сердцу, смотрит вверх на серое небо. *«Иду домой».* С ее души как будто свалился камень. Ее дыхание успокаивается. Кино. Ее маленький мальчик был в кино.

Она пролезает обратно через лаз между деревьями и оказывается перед удивленной женщиной, выгуливающей собаку.

– Ой, – испуганно говорит женщина, хватаясь за сердце.

– Извините, – говорит Кейт. – Я искала своего сына. Но теперь я его нашла.

Женщина с собакой смотрит ей за спину, как будто оттуда вот-вот должен появиться сын.

– Он был в кино, – говорит Кейт, чуть задыхаясь. – А не там.

Женщина кивает и идет дальше. Собачонка несется следом за ней, бросив на Кейт поверх своего хвоста несколько озадаченных взглядов.

* * *

– Что ты смотрел? – спрашивает она Джоша, когда через несколько минут сын входит в дом, раздумавшийся от вечернего холода.

– Один фильмец с Дуэйном Джонсоном, – говорит Джош. – О борцах. Не могу вспомнить, как он называется.

– Понятно, – говорит она, удивляясь, какой фильм выбрал ее сын. – Тебе понравилось?

Джош пожимает плечами.

– Да так, ничего. Могу я что-нибудь поесть?

Она достает из холодильника тарелку со спагетти и ставит ее в микроволновку.

– Почему ты мне не сказал? – спрашивает Кейт. – Что ты ходил в кино? Почему ты просто исчез?

Джош пожимает плечами.

– Решил сходить в последнюю минуту.

– Но я была здесь. Стояла буквально на этом месте. – Она указывает на пол кухни. – Ты мог бы просто сунуть в дверь голову и попрощаться.

Он снова пожимает плечами.

– Извини, мам. Я не подумал.

Разговаривая с ним, она гуглит с помощью телефона фильм, который, по словам сына, он только что ходил смотреть.

Она находит нечто под названием «Борьба с семьей», поворачивает к нему экран телефона и показывает картинку.

– Этот? – говорит Кейт. – Ты смотрел этот фильм?

Джош кивает.

– Ты был на свидании? – спрашивает она, и на ее губах играет улыбка. Ее согревает мысль о том, что ее забавный одинокий мальчик сидит в заднем ряду кинотеатра и смотрит дурацкую комедию про женщин-борцов, обнимая при этом девушку.

– Нет, – отвечает он.

Кейт кажется, что он лжет.

Будь перед ней Джорджия, которая откровенно лгала, Кейт бы тотчас же высказала ей свои сомнения.

– Чушь, – сказала бы она, – расскажи мне, что на самом деле произошло. – И Джорджия, улыбаясь той улыбкой, какой ее дочь всегда улыбается, когда понимает, что ее загнали в угол, рассказала бы ей правду.

Но Кейт ненавистна даже мысль о том, чтобы поймать на лжи сына. Он будет вынужден отпираться, ей же не хочется причинять ему страдания. Он не будет улыбаться. А лишь будет стоять перед ней с несчастным видом.

– Хорошо, – говорит она и достает из микроволновки оставленную ему порцию спагетти.

– К вам посетитель.

Оуэн вздрагивает. После его последней беседы с инспекторами прошло три часа, и он сидит в своей камере, не понимая, что будет дальше. В камере ему дали обед: мясо, обваленное в сухарях, с картошкой и стручковой фасолью. А потом бежевый пудинг с соусом из джема. Оуэн почти устыдился того, насколько ему все понравилось. Это та еда, какую готовила для него мать, – простая, солоноватая, безопасная. Он вернул свой поднос абсолютно чистым.

– Кто это? – спрашивает Оуэн.

– Понятия не имею, – сухо отвечает полицейский.

– Так мне идти к ним, или?..

– Я провожу вас в комнату для допросов. Не могли бы вы отойти от двери?

Оуэн отходит от двери камеры, офицер открывает ее и ведет через три пары запертых ворот в маленькую голубую комнату. Там сидит Тесси в зеленой бархатной накидке на плечах и с огромными серебряными серьгами в ушах с зелеными камнями в тон. Ее губы неодобрительно поджаты.

Она начинает говорить еще до того, как Оуэн успевает сесть.

– Я ненадолго, Оуэн. Но я принесла тебе кое-что. Твой телефон. Хотя тебе, наверное, не позволено. И немного нижнего белья и сменную одежду. Все новое, только что купила. Я не хотела рыться в твоих вещах. Особенно после того, что полиция нашла в твоих ящиках. Боже правый, Оуэн. И эта девушка, Оуэн! Что, ответь мне, случилось с этой прекрасной девушкой?

Тесси закрывает лицо руками, и разномастные кольца на ее пальцах накладываются друг на друга, образуя некое подобие брони. Она несколько мгновений смотрит вниз, на стол, затем поднимает голову, и Оуэн видит, что ее глаза полны слез.

– Оуэн. Пожалуйста. Ты можешь сказать мне. Где она? Что ты с ней сделал?

Оуэн улыбается. Он ничего не может с собой поделать. Это просто смешно.

– Тесси, – говорит он, цепляясь руками за край стола. – Ты серьезно? Ты и правда думаешь, что я имею к этому какое-то отношение?

– Что еще, скажи на милость, я должна подумать? Ее кровь! На стене! Чехол для телефона под окном твоей спальни. Наркотик для изнасилования в твоём ящике для носков. И все те ужасные вещи, которые ты писал в интернете. Боже мой, Оуэн. Не надо быть мисс Марпл, чтобы разрешить эту загадку. Но ради семьи этой бедной девушки ты должен рассказать полиции о том, что произошло.

– Боже мой! – Оуэн теревит волосы и стучит ладонями по столу. – Я ничего не сделал этой девушке! Я даже не уверен, что видел именно ее! Я лишь видел какую-то девушку! Это могла быть вообще не девушка! Это мог был парень. И единственная причина, в буквальном смысле, единственная причина, почему я что-то сказал, состоит в том, что я пытался оказать помощь. Честное слово, Тесси, серьезно, если бы я убил эту девушку или сделал бы с ней что-то ужасное, с какой стати я стал бы говорить полиции, что я ее видел? Зачем? Подумай сама, ради бога. Просто подумай об этом. В этом нет никакого смысла!

Тесси выпячивает нижнюю губу и пожимает плечами.

– Пожалуй, – говорит она. – В этом нет никакого смысла. Но тогда, Оуэн, в тебе самом все не имеет смысла. От слова «совсем». Ведь тебе уже тридцать четыре?..

Оуэн вздыхает.

– Мне тридцать три года, Тесси. Тридцать три.

– Тебе тридцать три, – продолжает она, – а у тебя никогда не было девушки. Ты редко выходишь из дома. Ты одеваешься, как... – Она неопределенно показывает на него. – Ты одеваешься очень странно для мужчины твоего возраста. Ты ешь только легкую пищу. Я это к тому, Оуэн, давай посмотрим правде в глаза, ты очень странный.

– И это значит, что я убил ту девочку-подростка, да?

Тесси, прищурившись, смотрит на него, но не отвечает. Вместо этого она говорит:

– Я говорила с твоим отцом. Он очень переживает.

Оуэн закатывает глаза.

– Ничуть не сомневаюсь.

– Да, – твердо говорит она. – Переживает. Я предложила ему приехать к тебе, но его нужно уговорить, он... еще не оправился от

шока.

– Не надо, Тесси, прошу тебя, пожалуйста. У меня нет никакого желания видеть его. Тем более при таких обстоятельствах. – Оуэн опускает голову так, что его взгляд устремлен между коленей на потертый линолеум на полу. Оуэн устал. Он провел две ночи на ужасной койке в камере. Он провел долгие часы в комнате для допросов с чередующейся группой полицейских, изо всех сил пытавшихся заставить его признаться, где находится Сафайр Мэддокс. Оуэн видел много полицейских фильмов и потому знает, как работают эти вещи: к человеку применяют разные подходы, и вскоре он не способен отличить, где право, где лево. Но, как бы сильно они ни пытались надавить на него и запутать, одну, всего одну вещь он знает наверняка – он не имеет ровным счетом никакого отношения к Сафайр Мэддокс или к ее исчезновению.

Барри вчера рассказал ему кое-что интересное.

Очевидно, Сафайр Мэддокс когда-то была пациенткой мужчины из дома через дорогу, того самого бегуна. Судя по всему, тот тип в лайкровых легинсах работает детским психологом в Портман-центре. По-видимому, Сафайр Мэддокс наблюдалась у него более трех лет, и, очевидно, у бегуна есть твердое алиби. Он был в постели со своей женой.

Оуэн с трудом верит, что полиция примет такое шаткое алиби за чистую монету. С другой стороны, оно, конечно же, типично – доверять женатым людям, считать, что, конечно же, супруги вместе лягут спать в День святого Валентина, что у женатых людей не будет причин лгать о своем местонахождении.

Вчера он рассказал полиции о Брине. Оуэн не смог придумать никакого другого разумного объяснения присутствия рогипнола в своей спальне.

– Брин? А по фамилии? – спросили они.

– Я не знаю его фамилии.

– Адрес?

– Я не знаю точно, где он живет. Где-то недалеко от Лондона. Его поезд прибывает на вокзал Юстон, это все, что я знаю. И что ему тридцать три. Как и мне. Ой. У него есть сайт! Адрес... www.yourloss.net.

– Некий Брин. Недалеко от Лондона. Тридцать три. Есть веб-сайт.

Сказать, что его слова были восприняты со скепсисом, было бы явным преуменьшением. Но они ушли, провели поиск Брина, вернулись к Оуэну сегодня утром и сказали, что такого человека не существует. Что никакого веб-сайта нет и не было, а тридцатитрехлетние мужчины в Великобритании по имени Брин живут в Честере, Абердине, Кардигане, Кардиффе, Лондоне, Бангоре, Ньюпорте и Дартмуте. Из чего следует, что в соседних с Лондоном графствах не было никого по имени Брин, кому на данный момент исполнилось тридцать три года.

– Я не удивлен, – сказал Оуэн. – Спасибо британской прессе и моему лицу во всех газетах. Он успел уйти в подполье. Но он есть, на всех форумах, на которых вы встречали меня. Запустите поиски человека с ником YourLoss. И вы увидите. Он лидер. Умеет влиять на умы. Люди смотрят ему в рот.

– А вы? – спросил инспектор, чье имя Оуэн не разобрал. – Вы смотрели ему в рот?

– Да, – ответил он. – В каком-то смысле. То есть нет, – быстро поправился он, – не в этом смысле. Когда он дал мне эти наркотики, когда сказал, чтобы я делал то, что он хотел, чтобы мы все делали...

– Все мы?

– Да, мы, на форумах.

– На форумах инцелов, вы хотите сказать?

Инцелы. Это слово режет ему слух. Оно делает их похожими на масонов, на ку-клукс-клан, на жирафов или даже на что-то еще. Что-то не совсем человеческое.

– Значит, вы бы назвали себя инцелом, мы правы, Оуэн?

Он покачал головой.

– Нет, – твердо сказал он. – Нет. Посещение тех форумов – это просто эпизод. Реакция на то, что случилось с моей работой. Я был зол и расстроен. Я чувствовал себя бессильным. Мне требовалась отдушина, и форумы дали мне такую возможность. Но я никогда не думал, что я один из них. Я никогда не считал, что принадлежу к их числу. И Брин...

– Да, расскажите нам о *Брине*. – Они произнесли его имя так, словно оно было выделено курсивом, а сам он был персонажем в книге.

– Думаю, Брин был просто забавным типом. Многие на тех форумах были озлоблены и лишены юмора, воспринимали все чересчур серьезно. Брин же был забавный. И харизматичный. Он нравился людям. Он нравился мне. Но потом, когда я, наконец, встретился с ним лично, я увидел его таким, каким он был на самом деле.

– И каким именно, Оуэн?

– Как вам сказать, – произнес он после минутного размышления. – Чокнутым, как мне кажется.

Но теперь, когда он сидит напротив своей тети и думает о жестоких несправедливостях, направленных против него, холостого, одинокого мужчины, «странного», без семьи и друзей, который явно недостаточно порядочен или честен, чтобы найти себе пару и иметь алиби, чтобы его не обвиняли в чудовищных преступлениях против молодых девушек, он чувствует, как ему не хватает Брины, его взгляда на мир. Нет, не его слов о том, как оплодотворять женщин против их воли, а о том, насколько несбалансирован мир, как все в нем заточено на предпочтении не тем людям и по не тем причинам. Оуэн хотел бы обсудить это сейчас с кем-то, кто зрит правду. Но Брин исчез... Брин, или как там его зовут на самом деле. Он исчез, как плюшевый кролик в ловких руках фокусника. Оп-па! И теперь никто не поверит, откуда в ящике с носками оказались наркотики для изнасилования на свидании и что у Оуэна и в мыслях не было ими воспользоваться.

Он снова смотрит на Тесси. Ее взгляд устремлен на его макушку.

– Тебе разрешают здесь мыться? – спрашивает она.

Он кивает.

– Принести тебе мыла? Или какой-нибудь хороший шампунь?

Он снова кивает.

– Да, – едва слышно отвечает он. – Будь добра. И, послушай, Тесси, ты не могла бы сделать для меня кое-что еще? Пожалуйста. Свяжись с одним человеком от моего имени, хорошо? С женщиной, с которой я встречался в День святого Валентина? С тех пор мы с ней часто болтали. Обменивались сообщениями. И на следующей неделе мы должны были снова пойти куда-нибудь. Не хочу, чтобы она подумала, будто я забыл о ней.

– Оуэн. Милый мой Оуэн. Ты во всех газетах, во всех новостях. Могу гарантировать, что она отлично знает, почему ты не вышел на

связь.

Он подавляет в себе очередную вспышку гнева, закрывает глаза и вновь медленно их открывает.

– Ну, пожалуйста, Тесси. Тебе ведь не сложно? Знает она, где я, или не знает, это неважно, но я бы хотел, чтобы она знала, что я думаю о ней. Что я хочу... я хотел бы, чтобы меня здесь не было, чтобы этого не происходило, чтобы все было просто... сама знаешь. Пожалуйста, Тесси.

Она закатывает глаза и достает из сумки блокнот и ручку.

Он диктует ей адрес электронной почты Дианы – это единственное из ее контактных данных, что он помнит наизусть.

– Скажи ей, что, по-моему, она просто чудо, пожалуйста, Тесси, скажи. Скажи ей, что я не тот человек, о котором пишут в газетах. Скажи ей, что если она придет ко мне, то я все объясню. Скажи ей, чтобы она пришла ко мне, Тесси. Пожалуйста. Тебе больше ничего не надо делать. Только это. Хорошо?

Он видит, как она закрывает глаза, видит, как она втягивает щеки и слегка раздувает их снова.

– Хорошо, – говорит она. – Уговорил. Хотя я не стану лгать от твоего имени, Оуэн. Я не буду говорить ничего, что, как мне кажется, не является правдой.

– Нет. – Он качает головой. – Ничего не говори, кроме того, что я сказал. Обещай мне.

Она вздыхает и говорит:

– Да. Да, хорошо, обещаю. – Затем она смотрит на наручные часы и снова вздыхает. – Мне нужно идти. Сегодня мой день в магазине. Боже правый, – она вскакивает и скрежещет зубами, – что, черт возьми, я скажу людям? Потому что они спросят, Оуэн, они спросят.

Тесси дежурит один раз в неделю после обеда в деревенском книжном магазине организации «Оксфам». Это помогает ей чувствовать себя хорошим человеком. Она идет к двери, и Оуэн провожает ее взглядом. Она не прикасается к нему, не пытается попрощаться. Она просто уходит.

Офицер полиции, стоящий в углу, открывает дверь и выводит ее. Другой полицейский, женщина, сидящая в конце стола, откашливается.

– Готовы? – говорит она Оуэну.

Он встает и следует за ней до двери.

В комнате все еще пахнет Тесси, пыльным бархатом, дешевым кондиционером для белья и ароматом духов «Ирис Пенхалигонс».

Первого января, в первый день нового года, я пришла домой в шесть утра. Аарон спал, а Анджело лежал в маленькой кроватке, которую я держала рядом со своей. Увидев, что я вошла, он лениво встал. Я взяла его на руки, понюхала и усадила на кровать рядом с собой. Я чувствовала себя совершенно измотанной. Опустошенной. Было так тихо. Всю ночь я то и дело просыпалась от криков гуляк, воя ветра в высоких ветвях деревьев, шума машин, проезжающих каждые несколько минут, скрипа ворот, ведущих на стройку, чирикания птиц. Каждый раз, когда я засыпала, мне снилось, что там была лиса, которая лизала мне лицо, дышала мне в ухо. Я просыпалась и обнаруживала, что я одна. Было шумно. Было холодно. Я жила посреди ночной темноты.

Теперь я смотрела на грязно-белый потолок своей спальни, на розовый бумажный абажур с вырезанными сердечками, который я выбрала, когда мне было восемь лет, в «Homebase». К нему прилагался комплект пуховых одеял и настольная лампа. Я не знала, кем был этот ребенок или кем она могла стать, если бы Харрисон Джон не сделал того, что он сделал с ней, когда ей было десять лет.

Было тихо, если не считать звуков спящего дома. Я думала, что мне здесь не место. Я принадлежу улице. И вновь другая часть меня, та часть, которая прилежно выполняет домашние задания, красит ногти и смотрит телепрограмму «Лучший пекарь Британии», эта часть меня прошептала мне на ухо:

– Ты уверена, что у тебя не едет крыша?

Но я знала, что нет, не едет. Я знала, что просто меняюсь. Становлюсь другой. Развертываюсь. Совершенствуюсь.

В ту ночь я снова взяла свои вещи и легла спать на другой стороне улицы напротив дома Роана Форса. Я сказала Аарону, что ночую у Жасмин. Взгляд, которым он посмотрел на меня, говорил: «Я вообще-

то не верю тебе, но ты почти взрослая и скоро упорхнешь отсюда, и я не хочу быть тем, кто подтолкнет тебя к краю».

Следующей ночью я спала дома, только ради Аарона, а не ради себя, но моя душа болела, пойманная в ловушку квартиры. Я чувствовала себя поглощенной матрасом, одеялом, окружившим меня теплым воздухом. Я испытывала клаустрофобию, тревогу. Когда на следующее утро я проснулась, простыни обмотались вокруг моих ног, и на минуту я испугалась, что меня парализовало. Откуда-то из глубин живота на меня накатил приступ паники. Я раскрутила простыни и, тяжело дыша, села. Я знала, что не смогу провести еще одну ночь в помещении. Я знала, что изменения во мне почти завершились. Вечером я дождусь, когда Аарон уснет, а потом уйду.

В те ночи я не спала. Почти не спала. Я просто лежала в темноте, чувствуя, как моя душа наполняется, моя голова вибрирует, моя кровь течет по жилам, теплая и полная жизни. Мне не нужно было спать. Я существовала на каком-то другом уровне, используя некую странную энергию, закачанную в меня из луны надо мной, из земли подо мной.

На рассвете я возвращалась домой и собиралась в школу. Аарон понятия не имел, а если и знал, то ни разу ничего не сказал. Возможно, он думал, что у меня появился парень. Он обращался со мной как со стеклянной вазой, как будто ничего не мог мне сказать. Это срабатывало в мою пользу.

Затем, в середине января, случилось ЭТО. Тот самый момент, который, как я знала, рано или поздно наступит. Момент, который с десяти лет всегда присутствовал на краю моего поля зрения. Потому что в любой части города, даже в той, что расположена по соседству с главной транспортной развязкой, где шесть полос движения громяхают утром, днем и ночью, среди двухэтажных автобусов, высотных зданий, рекламных щитов и банков, всегда на маленьких улочках существует маленький мирок, где пути людей пересекаются, сходятся, расходятся и снова пересекаются. Где вы узнаете людей по школе, в которую они ходили, по магазинам, где их матери делают покупки, по маршрутам, которыми они ходят в одно и то же место в одно и то же время, и вы знаете, что даже в такой части города, как моя, в какой-то момент вы увидите человека, который засунул в вас пальцы, когда вам было десять лет. Непременно увидите.

И вот он, в холодной пелене раннего рассвета, как только я свернула с улицы, где стоит дом Роана, на Финчли-роуд. Вот он, весь в черном, с поднятым капюшоном, как и я, в куртке «Пуффа», как и я, с сумкой через плечо, как и я. Вокруг не было ни души. Натриевый свет фонаря между нами сверкал в капельках утреннего тумана. Сначала я занервничала, потому что мужчина, потому что темно и вокруг больше никого. Но потом я узнала черты его лица, тяжелый лоб, небольшую вмятину на носу, как будто кто-то вдавил ее большим пальцем.

Харрисон Джон.

Тот самый, что раздавил девочку с розовым абажуром. Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него. Я видела, что он узнал меня. Он улыбнулся и сказал:

– Сафайр Мэддокс.

Я не ответила. Я быстро прошла мимо него, зашагала прямо на яркие фары машин, что ехали ранним утром по Финчли-роуд.

– Сафайр Мэддокс! – крикнул он мне вслед. – Не собираешься даже поздороваться?

Я хотела повернуться и пойти обратно на холм, шагнуть к нему,дохнуть ему в лицо, сказать: *«Ты – гнусный, мерзкий кусок дерьма, надеюсь, ты умрешь»*.

Но я этого не сделала. Я зашагала дальше. Вперед и вперед. Мое сердце стучало как бешеное. У меня в животе все переворачивалось.

Я вернулась домой и стала рыться в кухонных ящиках, пока не нашла скрепку. Я раскрутила ее, сделала небольшой крючок и скатала вниз носки. Я коснулась кончиком крючка своей кожи. Я водила им взад и вперед, пока, наконец, не появилась красная бусинка, затем еще и еще, пока я не почувствовала нечто более сильное, чем сила Харрисона Джона.

Февральские каникулы закончились. В квартире стоит тишина. Не та тишина, какая бывает по утрам, когда дети еще спят, напряженная тишина закрытых дверей, которые вот-вот распахнутся, и ее взорвут звуки завтрака и шум включенного душа, а истинная, чистая тишина пустого дома. Куртки сняты с вешалки, сумки взяты со стульев, пустые кровати, мокрые коврики в ванной, дети в школе, Роан на работе, весь день впереди, нет ничего, кроме нее.

По идее, Кейт должна работать, но ее внимание рассеяно.

Накануне произошло еще одно нападение сексуального характера. О нем передавали в новостях. Полиция даже приняла меры и выпустила для женщин рекомендации по безопасности в этом районе. На этот раз жертвой стала женщина средних лет, которая в сумерках возвращалась домой после ужина в обществе друзей на Вест-Эндрейн. Незнакомый затащил ее за здание агентства недвижимости недалеко от главной дороги, где она «подверглась серьезному сексуальному насилию». Нападавший, согласно описанию полиции, был белый, худощавый, в возрасте от двадцати до сорока лет, большая часть его лица была закрыта трикотажной черной маской, которую мотоциклисты носят под шлемом. Во время нападения преступник не проронил ни единого слова и бросил женщину, которой потом потребовалась медицинская помощь.

Сумерки.

Это слово в новостной статье бросилось Кейт в глаза. Очень точное слово для такой скоротечной части дня. Кейт сразу же вспомнились вчерашние сумерки, когда она бродила по строительному участку с зажженным фонариком в поисках пропавшего сына. Ее пропавшего сына, который вернулся через несколько мгновений, голодный, с рассказом о том, как смотрел фильм с участием Дуэйна Джонсона.

Сумерки.

Она идет к спальне сына. Ее рука сжимает дверную ручку. Кейт толкает дверь. Шторы задернуты, кровать застелена, пижама сложена на подушке. Кейт раздвигает шторы и впускает слабый утренний свет.

Затем включает электричество. Вы бы ни за что не подумали, что в этой комнате кто-то живет. У Джоша нет вещей. В то время, как у Джорджии на прикроватной тумбочке всегда стоят три чашки, наполовину наполненные несвежей водой, а рядом – пригоршня украшений, пара книг, многочисленные зарядные устройства с запутанными шнурами, носок, скомканный бумажный носовой платок, гигиеническая помада с отсутствующей крышкой и горстка монет. На прикроватной тумбочке Джоша ничего нет. Лишь модель каботажного судна.

Сумерки...

Кейт опускается на колени и заглядывает под кровать. Вот его ноутбук, подключен к розетке, все провода аккуратно спрятаны. Кейт вытаскивает его и ставит к себе на колени. Она не садится на кровать, потому что боится, что не сможет заправить покрывало так же аккуратно, как он его оставил, и сын поймет, что она была здесь.

Кейт открывает ноутбук и включает. Она уже знает: пароль, которым он пользовался, когда был младше и ей было разрешено его знать (donkey321), вряд ли будет его нынешним паролем, и ей придется найти другой способ получить доступ в его компьютер. Но в прошлом году, когда она подумала, что у Роана роман, она неплохо научилась взламывать коды. Ей даже удалось получить доступ к его рабочему логину. Она ждет, пока экран проснется, а затем набирает donkey321. Она ждет сообщения об ошибке, но вместо этого экран компьютера оживает, и она входит в систему.

Кейт пару секунд растерянно моргает, не веря своим глазам, и с облегчением выдыхает. Будь на компьютере Джоша что-то такое, что он хотел бы скрыть от других, он бы наверняка сменил старый пароль на новый, который мама не знает.

Она щелкает по его окнам. Задания по математике, iTunes, эссе по повести «Скотный двор» и браузер с десятью открытыми вкладками, почти все – школьные задания. Последняя вкладка показывает фильмы, которые сейчас идут в кинотеатре на Финчли-роуд.

Кейт чувствует, как ее сердечные струны слегка расслабляются.

Ага, думает она, ага. Как он и сказал. Ушел в кино.

Она прокручивает тайминги. «Сражение с семьей». Три двадцать пополудни. Сеанс закончился после наступления сумерек.

Затем она нажимает на его историю выходов в Сеть. (Год назад или около того она однажды сделала то же самое на ноутбуке Джорджии и пришла в ужас от эклектичного диапазона порнографии, которую смотрела ее четырнадцатилетняя дочь.)

Самый свежий поисковый запрос – «Финчли-роуд фильмы сегодня». Она смутно отмечает тот факт, что со вчерашнего утра Джош не пользовался ноутбуком для выхода в интернет. Поиск перед этим – «Оуэн Пик арест».

Предыдущий поиск – «Пик Оуэн».

Поиск до этого – «Оуэн Пик, Сафайр Мэддокс».

Предыдущий поиск: «Сафайр Мэддокс пропала».

Поиск перед этим – «Сафайр Мэддокс пропал без вести подросток».

Что ж, ничего удивительного.

Кейт сама одержима историей Сафайр Мэддокс с тех пор, как все это началось. Ничего удивительного, учитывая, что Сафайр – бывшая пациентка Роана, а человек, который похитил ее, живет через дорогу от них. Ни в малейшей степени не следует удивляться тому, что сын проявляет такой пристальный интерес к этой истории. Ее собственная текущая история просмотров будет очень похожа на его.

Кейт закрывает ноутбук и осторожно возвращает его на место. Затем идет к его шкафу. Вся одежда Джоша сложена аккуратными стопками. Здесь же сын хранит школьные вещи, которые ему не нужно брать с собой в школу, а также ручки и канцелярские принадлежности для выполнения домашних заданий. У Джоша есть стол, который, когда им не пользуются, крепится к стене. Кейт отказывается понять, зачем ему каждый день убирать рабочий стол, прикреплять его к стене и складывать все обратно в шкаф. В этом отношении Джош – ребенок Роана, а не ее. Внизу – корзина для белья. Пока она здесь, Кейт решает опорожнить ее. Она вытаскивает корзину из шкафа и видит спрятанную за ней сумку.

Скомканный, завязанный под горло мешок – не та вещь, которую можно найти во «владениях» Джоша, поэтому она достает его, развязывает узел и заглядывает внутрь. Старый спортивный костюм. Неприятный запах сырости и чего-то противнее сырости. Не совсем пот, но что-то такое же органическое, как и пот. Кейт достает легинсы из лайкры: это вещь Роана. Затем блестящую футболку с длинными

рукавами и неоновыми оранжевыми полосами на рукавах. Это тоже вещь Роана.

Она достает пару черных носков и пару спортивных перчаток. И наконец вытаскивает черную трикотажную штучковину, которую в первый момент не может даже идентифицировать. Кейт держит ее в руках, вертит так и эдак, растягивает и просовывает руку в отверстие посередине.

И наконец до нее доходит, что это такое.

Это балаклава.

В теле Оуэна болит каждая косточка. Матрасу, на котором он спит у Тесси, лет сто. В нем нет пружин, он продавлен посередине, он мягкий и дряблый, но его тело с годами приспособилось к нему. Кровать в камере – это просто бетонная плита с тонким матрасом поверх нее. Он чувствует, как его тазобедренные кости вжимаются в него, даже когда он спит.

Он не может вспомнить свою кровать, в квартире, в которой он жил с матерью до ее смерти. Он не помнит, какой та была, мягкой или твердой. В его памяти всплыло лишь то, что это была односпальная кровать в отдельной комнате в крошечной квартирке. Это все, что осталось от семейного дома, в котором он жил со своими родителями до одиннадцати лет, когда тот был продан и разделен на две части. Квартирка была в Мэнор-Хаусе, на севере Лондона, на линии метро Пиккадилли, в районе, который никогда не войдет в программу реновации. Мать приложила все усилия к тому, чтобы придать этой убогой квартирке божеский вид, потому что она умела хорошо делать подобные вещи, но по большому счету это была ужасная конура. Мать всегда говорила: «Это твое наследство, все записано на твое имя, если со мной что-то случится». А потом это что-то с ней случилось. Аневризма мозга, матери было всего сорок восемь. Оуэн вернулся из колледжа и застал ее лежащей ничком на кухонном столе.

Он подумал, возможно, она пьяна, что было с его стороны довольно странно, поскольку мать, как и он, пила алкоголь лишь в очень редких случаях.

Квартира так и не стала достойным наследством. Он выплатил все мамины долги по кредитной карте, долги на серьезную сумму, и после этого у него ничего не осталось. Всего несколько тысяч фунтов.

А потом он оказался в свободной комнате Тесси с продавленным матрасом, к которому, как и ко всему в его трагическом существовании, он привык и теперь безоговорочно принимает как данность.

В камеру ему приносят завтрак: подгоревший тост и дешевый джем, чашку чая и яйцо вкрутую. Оуэн жадно набрасывается на еду,

пряча корочки от тоста под бумажной салфеткой, чтобы офицер, который уберет его поднос, их не увидел.

Через несколько минут перед дверью его камеры появляется инспектор Анджела Керри. На ней приталенное платье с большими накладными карманами, плотные колготки и ботинки. Руки засунуты в карманы, большие пальцы торчат наружу. Вид бодрый и даже веселый.

– Доброе утро, Оуэн. Как у нас сегодня дела?

– Все нормально.

– Хороший завтрак?

– Да, хороший.

– Готовы поговорить еще?

Оуэн пожимает плечами и вздыхает.

– Неужели есть что-то еще, о чем нужно говорить?

Она улыбается.

– О да, Оуэн, да. О многом.

Охранник открывает дверь, и Оуэн следует за инспектором Керри через лабиринт коридоров к комнатам для допросов. Вчера вечером он получил шампунь и вещи, которые ему привезла Тесси. Его волосы теперь чистые, одежда чистая, но у него все еще остается на лбу подсохший шрам после того, как он случайно порезался ножницами, и асимметричная челка, из-за которой он выглядит слегка чокнутым.

В комнате для допросов он садится перед инспекторами Керри и Генри. Инспектор Генри сегодня выглядит немного усталым. По-видимому, у него в семье недавно родился ребенок, и бессонные ночи его крайне утомляют. Не то чтобы Оуэн откровенничал с инспектором Генри о личной жизни, но он улавливает кое-какие нюансы, когда полицейские разговаривают между собой.

Мгновение спустя приходит Барри. От него крепко пахнет лосьоном после бритья и чем-то еще, но не теми парфюмерными изделиями, которые привозят в голубых стеклянных флаконах из дьюти-фри в аэропортах, а пьянящим тяжелым запахом лосьонов в коричневых флаконах из старинных магазинов, затерявшихся в закоулках Мейфэра.

– Доброе утро, Оуэн, – говорит Барри, избегая смотреть Оуэну в глаза.

Допрос построен всегда одинаково. Оуэн откашливается, делает глоток воды из полистироловой чашки и ставит ее обратно на стол.

– Итак, Оуэн. Сегодня понедельник, двадцать пятое февраля. С момента исчезновения Сафайр прошло одиннадцать дней. Кровь, которую мы нашли на стене вашей спальни...

– Это не стена спальни моего клиента, – сухо поправляет полицейского Барри. Он вынужден каждый раз их поправлять. – Эта стена – часть дома, в котором живет много других людей. Она не принадлежит исключительно спальне моего клиента.

– Разумеется, извините, тогда я перефразирую. Кровь, которую мы нашли на стене под окном вашей спальни... ей не меньше недели.

– Возможно, даже больше, – говорит Барри. Разговор записывается, и он не позволит им небрежных формулировок, способных взвалить вину на Оуэна. – Как уже много раз упоминал мой клиент, мы не знаем точно, сколько дней этой крови. Он также в курсе того, что подростки часто использовали территорию заброшенной стройки по другую сторону этой стены как место, где они собирались, чтобы принимать наркотики. Эта девушка, которая, как мы теперь знаем, была связана с семьей, живущей напротив стройки, вполне могла тоже проводить там время. Однажды ночью, будучи в состоянии наркотического опьянения, она могла повести себя неосмотрительно и пораниться. Кровь на стене ничего не доказывает. Вообще ничего, кроме того, что Сафайр Мэддокс в какой-то момент в течение последних двух недель находилась поблизости от дома моего клиента.

Инспектор Анджела Керри вздыхает.

– Да, – говорит она. – Возможно. Но факт остается фактом: кровь Сафайр была обнаружена на стене под окном вашей спальни, и тот факт, что девушка находилась поблизости от вашего дома в момент своего исчезновения, достаточно важен для того, чтобы мы продолжали заниматься этим вопросом, причем, если потребуется, неустанно. Если бы мы этого не делали, мы бы не выполняли нашу работу должным образом. Итак, Оуэн, прошло одиннадцать дней с тех пор, как вы в последний раз видели ее возле дома, расположенного напротив вашего.

– Это была не она, – говорит Оуэн. – Теперь я точно это знаю. Я продолжаю раз за разом проигрывать это в голове, и чем больше я думаю об этом, тем больше понимаю, что это была не она. Это был какой-то парень.

Он видит, что инспекторы Керри и Генри тяжело вздыхают.

– Согласно вашему предыдущему утверждению, этот некто соответствовал описанию пропавшей девушки.

– Да, – говорит Оуэн, – именно так. Но это вовсе не значит, что это была она. Это мог быть кто угодно, похожий на описание девушки. В капюшоне все выглядят одинаково.

Инспектор Керри никак на это не реагирует. Вместо этого она нарочито медленно вытаскивает из папки, лежащей на столе перед ней, стопку бумаг и некоторое время их просматривает. Это откровенный, чистой воды спектакль. Оуэну теперь это понятно.

– Оуэн, – говорит она, показывая ему бумаги. – Помните, вы говорили нам, что не испытываете сексуального влечения к девушкам-подросткам?

Он чувствует, как кровь приливает к его лицу. Он чувствует подвох, его явно ожидает что-то недоброе.

– Да, – говорит Оуэн, кашлянув.

– Вы помните девушку по имени Джессика Бир?

– Нет.

– Ее имя вам ничего не говорит?

– Нет, – повторяет он, на этот раз решительнее.

– А вот Джессика Бир помнит вас, Оуэн. Она была одной из ваших студенток. – Инспектор Керри кивает на листок в ее руке. – В 2012 году. Ей тогда было семнадцать лет. Сейчас ей двадцать три, и вчера я была у нее. Мы побеседовали. И она поведала мне об очень настораживающем инциденте.

– Что? Извините? Джессика... как ее фамилия?

Оуэн всматривается в листок, но не видит ничего, что могло бы объяснить, что сейчас произойдет.

– Джессика Бир. Она утверждает... – инспектор Керри делает выразительную паузу, но в ближайшее время ей точно не светит никакой «Оскар», – ...что вы приставали к ней во время рождественской вечеринки в помещении колледжа. Сказали ей, что наблюдали за ней на уроках и что она хорошенькая. Что она... идеальная. Она утверждает, что вы прикоснулись к ее лицу и сказали, что ее кожа сияет. Что выдохнули ей в ухо.

– Что?! Нет! Такого никогда не было!

Инспектор Керри достает из папки фото и поворачивает его к Оуэну. На снимке очень красивая девушка смешанной расы, с мягкими

каштановыми кудрями, веснушчатым носом и пухлыми розовыми губами. Она выглядит знакомой. Но Оуэн не может вспомнить, почему. Возможно, она была его студенткой, но это было шесть или более лет назад, и за прошедшие годы у него были сотни студенток, сотни хорошеньких девушек. Он вполне мог учить эту девушку, но одно он знает точно: он никогда, никогда не говорил ей этого.

– Этого никогда не было, – решительно заявил он. – Я вполне мог учить ее, хотя и не могу этого вспомнить, но за одно я ручаюсь: я никогда не разговаривал ни с этой девушкой, ни с любой другой девушкой таким образом. Я бы просто не стал этого делать.

– Вы были пьяны на рождественской вечеринке в 2012 году, Оуэн?

– Боже мой, откуда я могу помнить? Это было семь лет назад!

– Чуть более шести лет назад, если быть более точным, Оуэн.

– Шесть, семь, какая разница, что я могу помнить? Я не помню эту девушку. Я не помню эту вечеринку.

Но Оуэн помнит эту вечеринку. Он отлично ее помнит. Эта вечеринка стала причиной того, почему он много лет не ходил на рождественские вечеринки. В тот раз он ужасно напился. Те юноши-студенты, которые довольно дружески относились к нему в течение всего семестра, угощали его рюмками текилы. В какой-то момент комната начала вращаться. Он помнил, как стоял посреди танцпола и смотрел на вращающийся диско-шар, подвешенный к потолку, а затем понял, что вращается вся комната, и он вращается вместе с ней. Оуэн тотчас побежал в туалет, и его вырвало в кабинке. К счастью, его никто не видел и не слышал. Через полчаса он вышел оттуда слегка серым и липким от пота и сразу же ушел домой. Но никаких инцидентов с девушкой не было. Просто не было. Он ничего не делал. Не хотел и не делал.

– Эта девушка лжет, – говорит он. – Кто бы она ни была. Она врет. Как и те, другие девушки.

– Она немного похожа на Сафайр, верно? – говорит инспектор Керри, поворачивая фотографию к себе лицом и делая удивленное лицо, как будто она впервые заметила сходство.

– Не знаю, – отвечает Оуэн. – Я не знаю, как выглядит Сафайр.

– Вот. – Она поворачивает фотографию Сафайр к нему лицом.

– Такой же цвет кожи, – говорит он. – Только и всего.

– Одинакового возраста. Обе очень хорошенькие.

– О, ради бога, – говорит Оуэн и ударяет ладонями по столу. – Я понятия не имею, кто эта девушка. Я никогда ее раньше не видел. И эту тоже. – Он касается фотографии Сафайр. – Я не люблю причинять людям боль. Я не люблю трогать людей. Я ни разу не приставал к женщинам с сексуальными намерениями, и именно по этой причине мне тридцать три года и у меня никогда не было секса. Я не могу смотреть на женщин. Женщины пугают меня. Девушки пугают меня. Я бы никогда не осмелился подойти к красивой девушке на вечеринке и говорить ей скабрёзности. Мне бы такое даже в голову не пришло, а если бы и пришло, я бы просто не осмелился!

– Да, но только в том случае, если вы не были пьяны, Оуэн. Потому что это, похоже, важная деталь. – Инспектор Керри трогает снимок Джессики Бир. – На вечеринке, согласно заявлению Джессики, вы были в нетрезвом состоянии. Потом девушки в колледже пожаловались на вас... на ваше поведение, на другой вечеринке, где опять же вы были пьяны. Ваш неприятный разговор с Нэнси Уэйд на улице, когда вы намеренно преградили ей путь...

– Это она так утверждает, – вмешался Барри. – У нас есть только ее слова об этом, вы не забыли?

– Но она утверждает, что вы намеренно преградили ей путь и назвали ее сукой. Это было вечером в День святого Валентина, когда вы, по вашему собственному признанию, были пьяны. Я склонна предположить, Оуэн, что, возможно, вы из тех людей, которые в состоянии опьянения ведут себя совершенно нетипично для себя самого, и что, будучи трезвым, вы не относитесь к числу тех мужчин, которые пристают к женщинам, агрессивно флиртуют с молодыми девушками, лапают их или оскорбляют женщин, мимо которых проходят на улице. Но, возможно, после нескольких рюмок спиртного ваш самоконтроль ослабевает, и наружу выходит другая сторона вашей личности. И, возможно, эта другая ваша сторона, какой бы мерзкой она ни казалась вам сейчас, на самом деле способна похитить молодую девушку и подвергнуть ее насилию. Со Дня святого Валентина, Оуэн, прошло одиннадцать дней, одиннадцать дней, и это уже много. Вы так не думаете? Это довольно долго, люди испереживались. Семья Сафайр не знает, что им думать. Они хотят знать правду. Итак, Оуэн, пожалуйста, просто вспомните ту ночь, когда вы были пьяны, могли вести себя не свойственным для вас образом и сделать что-то, чего не

собирались делать, что-то, что имело некий собственный импульс. Пожалуйста, Оуэн. Расскажите нам, что случилось. Расскажите нам, что вы сделали с Сафайр Мэддокс.

– Я ничего не сделал с Сафайр Мэддокс, – устало отвечает Оуэн, но, даже произнося эти слова, чувствует, как на периферии сознания бьется что-то крошечное, но очень настойчивое. Этакая крошечная плодовая мушка, зависшая над носом. Девушка в капюшоне. Имя *Клайв*. Он ощущает подошвами эхо шагов. Эхо своих шагов, когда он шел за девушкой в толстовке с капюшоном, звал ее в темноте, следуя за ней в свой сад.

Кейт проводит остаток утра, чувствуя, как спину холодит страх, заставляя вздрагивать снова и снова. Она ничего не сделала со смятым мешком и его содержимым, просто свернула его и снова засунула обратно за корзину для белья.

По идее, Кейт должна отправить издателям первый черновик обновленного руководства к концу месяца, но он все еще далек до завершения. Она сидит за ноутбуком и, тщательно подбирая слова, пишет электронное письмо, объясняя, что опаздывает. Она вздыхает и нажимает «отправить». Опаздывать не в ее привычках. Но ее мысли заняты другим, и она ничего не может с собой поделаться; всякий раз, когда она смотрит на экран, ее разум пустеет.

Вместо этого она переключается на свой браузер и гуглит «нападения на женщин в районе Хэмпстеда». Затем открывает блокнот и снимает с ручки колпачок.

Первое нападение, которое, как теперь предполагается, было совершено тем же человеком в балаклаве, произошло 4 января на Понд-стрит. В одиннадцать тридцать утра молодой человек в черном грубо схватил за грудь молодую женщину двадцати двух лет. А когда кто-то вспугнул его, очень быстро сбежал на взятом напрокат велосипеде.

Кейт печатает в поисковой строке: «11:30, 4 января». Следующее нападение имело место через три дня. Шестидесятилетняя женщина. Ее схватил за грудь молодой человек в черном. В результате нападения у нее остались синяки. Это было около четырех часов пополудни, недалеко от центра досуга, возле школы.

Кейт записывает подробности.

Следующий случай произошел 16 января. Они с Роаном узнали о нем из газет. Нападавший схватил двадцатитрехлетнюю женщину сзади и подверг сексуальному насилию через одежду. Она так и не разглядела насильника, но, по ее описанию, от него пахло стиральным порошком, и у него были маленькие руки.

Кейт записывает и это.

Она в курсе следующих двух случаев, оба раза на улицах недалеко отсюда. Оба произошли среди бела дня. Оба раза жертвы отделались синяками. А затем последний, 24 февраля, в сумерках, на другой стороне Финчли-роуд. Возле кинотеатра. На данный момент это самый серьезный случай, женщина получила травмы и лежит в больнице.

Кейт тяжело вздыхает и открывает свой онлайн-календарь. Здесь она сравнивает даты и время с собственными делами, отчаянно ища нестыковки, доказательства того, что никто в их доме не имеет никакого отношения к тем ужасным вещам, которые происходят с женщинами в этом районе.

Она вспоминает запах спортивной одежды Роана, которую обнаружила в спальне Джоша: совсем не стирального порошка, а кислый, мускусный, неприятный.

Кейт думает о мальчиках, которых Роан лечит в своей клинике, о мальчиках, которые еще не мужчины, но уже фантазируют о том, как будут делать женщинам больно.

Кейт думает о Джоше, его объятиях, его молчании, о том, что она толком не знает его. По ее спине снова пробегает дрожь.

Но это не одежда Джоша, это одежда Роана, а у Роана тоже есть свои «нестыковки». Он отсутствует весь день и держит телефон выключенным. По вечерам он бегаёт в черных спортивных штанах из лайкры; иногда по два часа, иногда больше. Он возвращается возбужденный и сияющий. У него есть свои секреты. Даже если в прошлом году у него не было романа, все равно что-то было. А еще есть валентинка от ребенка, которая по размеру не подходит к конверту. И пропавшая девушка, которая раньше была его пациенткой, которую видели возле их дома в ту ночь, когда она исчезла.

Так много странных вещей. Подозрительных. А теперь еще и сумка, полная провонявшей потом лайкры. И балаклава.

Кейт не может найти дату, которая не совпала бы с возможностью того, что нападающим мог быть ее муж или сын. Всякий раз ни того, ни другого могло не быть дома.

Она смотрит на время. Уже почти одиннадцать. Джош в школе. Роан на работе. Эти промежутки. Щели и лазы, в которые всегда можно успеть что-то сделать.

Она берет телефон и ищет в контактах номер Илоны, матери Тилли. На миг ее палец замирает над кнопкой вызова, но решимость

изменяет ей. Вместо этого Кейт нажимает на иконку сообщения и набирает текст. *«Дорогая Илона. Надеюсь, у вас с Тилли все хорошо. Я просто хотела кое о чем с вами поговорить. Вы будете свободны в ближайшее время, чтобы выпить кофе? Дайте мне знать!»*

Илона отвечает через тридцать секунд. *«Конечно. Я свободна сейчас, если это вас устраивает».*

* * *

Они встречаются в кафе «Неро» на Финчли-роуд. Илона – ухоженная женщина: черные волосы, собранные в скульптурный хвост, черная накидка с меховой отделкой, черные джинсы и ботинки на высоком каблуке. Кейт отказывается понять, как можно тратить время на то, чтобы выглядеть так гламурно. Усилия каждый день, забота, время, деньги. Илона обнимает ее, обволакивая облаком приторно-сладких духов.

– Я так рада вас видеть, Кейт, – говорит она с косоварским акцентом. – Вы хорошо выглядите.

– Спасибо, – отвечает Кейт, хотя знает, что это не так.

– Давайте я закажу вам кофе. Вам какой?

У Кейт нет сил спорить о том, кто кому должен покупать кофе, поэтому она просто улыбается и говорит:

– Маленький американо, пожалуйста. С теплым молоком.

Она устраивается в кресле и смотрит на свой телефон. Пришло сообщение от Джорджии. *«Мама?»*

Потом еще одно: *«Мам. Могу я испечь сегодня вечером торт? Можешь купить муки? А яйца?»*

Затем через две минуты: *«и мягкий коричневый сахар. Люблю тебя».*

Кейт отвечает смайликом с поднятым вверх большим пальцем и убирает телефон. Скажи ей кто-то несколько лет назад, что однажды Джорджия станет наименьшей из ее проблем, Кейт ни за что не поверила бы.

Илона возвращается с чашкой американо для Кейт и мятным чаем для себя.

– Итак, – говорит Илона, – как дела?

– Как обычно, – начинает Кейт. – Все слегка как в театре. Страсти кипят. Да вы и сами знаете, верно?

Илона согласно кивает.

– Я слышала, да.

Кейт приходит в голову, что Илона, вероятно, очистила свой журнал через тридцать секунд после того, как получила сообщение Кейт.

– Так что, собственно, происходит? – спрашивает Илона.

– Вы в курсе, что полиция арестовала этого типа? Того, что живет напротив нас?

– Да. Я читала об этом. Это же надо! И что вы думаете? Как вы считаете, это был он?

– В принципе, похоже на то, верно? Хотя я где-то читала, что это он рассказал полиции о том, что видел там Сафайр. Зачем ему это делать, если это и вправду был он? Если бы он ничего не сказал, полицейские никогда бы не узнали, что она была на нашей улице. Они бы даже не заглянули на этот строительный участок; не нашли бы там ее чехол от телефона и кровь. Лично мне все это кажется довольно странным.

– А если он хотел, чтобы его поймали?

– Думаю, да, такое возможно. И все-таки здесь явно что-то не так.

– И какова ваша теория?

Кейт нервно смеется.

– У меня ее нет. У меня, скорее, антитеория.

Илона лишь улыбается, явно надеясь услышать больше.

Кейт меняет тему.

– Итак, как там Тилли? Я давно ее не видела.

– Она стала слегка домоседкой. – говорит Илона, опуская взгляд на листья чая в чашке. – Не любит выходить на улицу. Наверное, из-за погоды. Ну, вы понимаете, темные вечера.

– Когда это началось? – спрашивает Кейт. – То, что она не выходит?

– Господи, я не знаю. Наверно, несколько недель назад. После Нового года. Она просто... – Илона на миг задумывается. – Дома она кажется счастливее.

– Кажется?.. – начинает Кейт и умолкает, подбирая нужные слова. – Как вы думаете, может, это как-то связано с тем вечером?

Когда она уходила от нас. Когда она сказала, что ее схватил какой-то мужчина.

Илона смотрит на Кейт.

– Знаете, эта мысль действительно приходила мне в голову.

– И?

Илона пожимает плечами.

– Она клянется, что ничего не было. Говорит, что она все выдумала.

– Но это же странно, не правда ли? Сам момент. А теперь выясняется, что все сексуальные нападения в этом году похожи на то, что она описала изначально.

– Правда?

– Да. Об этом писали в газетах. Шесть случаев, начиная с Нового года. Во всех случаях фигурировал молодой человек в черном. И во всех случаях он грубо лапал и щупал женщин.

Илона едва заметно поеживается.

– По-вашему, почему она отказалась от своих слов? Может, она боялась обращаться в полицию?

– Честно говоря, не знаю. Мы почти не говорили об этом. Я была так сердита на нее за то, что она тратит время других людей, сердита за то, что она солгала. Мне было стыдно за ее поведение, я ведь мать-одиночка, и все, что она делает, так или иначе отражается на мне, а она так высоко ценит Джорджию, вас и вашу семью.

– Правда?

– Да. О господи, да. Еще как! До Джорджии у нее никогда не было настоящей подруги. Она восхищается ею. И, я думаю, мы с ней обе были до известной степени потрясены тем, что произошло в тот вечер.

– О, прошу вас, не надо! Ей не нужно переживать о том, что мы думаем. Или что думает Джорджия. Моя дочь крепкая, как скала. Ее ничем не прошибешь. Она толстокожая. Скажите Тилли: что бы ни случилось тем вечером, было это на самом деле или нет, она может рассказать Джорджии. Та никогда ее не осудит. Никто в нашей семье не осудил бы ее. Я вам клянусь.

Илона улыбается и кладет ладонь на руку Кейт. У нее на узком запястье тяжелая золотая цепь, ногти окрашены в серо-коричневый цвет.

– Спасибо, Кейт, – говорит Илона. – Большое спасибо. Я поговорю с ней сегодня вечером и посмотрю, есть ли что-то такое, о чем она недоговаривает. С вашей стороны было очень любезно проявить такую заботу.

Кейт натянуто улыбается. Это не любезность. Это отчаяние и страх.

* * *

По дороге домой Кейт заходит в супермаркет, где покупает по списку Джорджии все необходимое для выпечки торта. На кассе она снова бросает взгляд через улицу на вход в метро, подсознательно выискивая в толпе своего мужа, как будто отголоски его появления там две недели назад могут звучать бесконечно.

Домой Кейт идет окольным путем, мимо пары мест, упомянутых в газетном репортаже, мимо агентства недвижимости, сразу за кинотеатром. Там вокруг черного хода натянута полицейская лента, у тротуара все еще припаркована полицейская машина. Отсюда Кейт идет к изгибу улицы, следующей от ее собственной, куда она иногда ходит, чтобы отправить письма. Кейт не знает, где именно произошло нападение, но тем не менее вздрагивает, глядя на укромные закоулки, где женщину можно легко облапать, и никто это не увидит.

После этого Кейт быстро идет домой. Ее нервы на пределе, дыхание чуть прерывистое. Она поворачивает за следующий угол на свою улицу и видит, что на стене перед ее домом кто-то сидит. Молодой человек, хорошо сложенный. На нем серая куртка, а под ней – ярко-зеленая толстовка. Подойдя ближе, она видит, что он смешанной расы, очень симпатичный. Видя, что Кейт свернула и идет в его сторону, парень спрыгивает со стены.

– Извините, вы здесь живете? – говорит он.

– Да, – отвечает Кейт. По идее, ей следует занервничать, особенно в свете того, что она только что делала, но она спокойна. – Я могу вам помочь?

– Я... наверное... пожалуй... Я не знаю. Моя племянница. Сафайр. Она была здесь. Я так думаю. Знаете, Сафайр Мэддокс? Она

исчезла... Я... – Говоря, он теребит подбородок, как будто пытается подобрать нужные слова.

– Вы – дядя Сафайр? – спрашивает она.

– Да. Аарон Мэддокс. Вы миссис Форс?

– Да.

– Вы – жена Роана Форса?

Она кивает.

– Вы не будете против, если я задам вам несколько вопросов?

Она знает, что должна сказать «нет». Должна ответить, «*я сказала все, что нужно, полиции*», и отправить Аарона восвояси. Но в языке его тела есть нечто такое, что заставляет ее предположить, что он что-то носит в себе, причем не только боль и тоску по пропавшей племяннице.

– Какие вопросы? – уточняет Кейт.

– Я кое-что нашел, – отвечает он. – В ее комнате. И знаю, что должен отнести это в полицию. Но сначала я бы хотел поговорить с вами. Потому что... я не знаю. В этом нет никакого смысла. Могу я войти?

Она смотрит через улицу на дом Оуэна Пика. Там пусто и тихо. Она смотрит на окна своих соседей.

– Конечно, – говорит она. – Конечно. Заходите.

* * *

В ее кухне Аарон Мэддокс мгновение сидит в своей толстой серой куртке, но затем Кейт предлагает:

– Давайте я повешу вашу куртку.

– Спасибо, если вас не затруднит. – Под курткой у него толстовка с капюшоном, с логотипом «Marvel» и картинкой Человека-паука. Кейт это странным образом успокаивает.

– Вам принести что-нибудь из напитков? Чай? Или что-нибудь холодное?

– Воды, пожалуйста, если вас не затруднит. Спасибо.

Она наливает стакан воды и ставит перед Аароном. Он откашливается и неловко улыбается.

– Знаете, – начинает он, – я познакомился с вашим мужем незадолго до того, как Сафайр начала с ним сеансы, еще в 2014 году. Он хороший человек.

– Да, – соглашается она. – Он хороший. Он прекрасный клиницист.

– Я поверил в него. Знаете, маленькая девочка, которая сама себе причиняет вред, и ты понимаешь, что происходит что-то плохое, что-то, с чем страшно столкнуться. Но он вылечил ее. Она почувствовала себя уверенно. Перестала причинять себе вред.

– Она причиняла себе вред?

Она уже знает это, но не потому, что Роан сказал ей, а потому, что в прошлом году она тайком залезла в его рабочие файлы и прочла его отчеты.

– Да. Началось, когда ей было десять лет. Это был кошмар. У нее до сих пор остались шрамы. Например, здесь. – Он указывает на нижнюю кромку своих спортивных штанов. – Но ваш муж. Он вылечил ее. Просто фантастика. А потом выясняется, что в момент исчезновения она была здесь, возле вашего дома. – Он качает головой. – Даже не верится. И вряд ли это просто совпадение, правда? Послушайте, я знаю, – он протягивает руку ладонью вперед, – я знаю, это никак не связано с ним. Я знаю, что вы в тот вечер ходили в паб. Я знаю, что он был с вами. Но все равно странно. Я постоянно думаю об этом. Эти мысли все время крутятся в моей голове. Потому что, насколько мне известно, после того как она прекратила сеансы с ним, она больше никогда его не видела. И я даже не представляю, откуда она узнала, где он живет. Вот что меня волнует. Как она узнала, где он живет?

Его вопрос повисает между ними в воздухе, словно маятник.

– Возможно, она видела адрес в его кабинете?..

Аарон кивает.

– Да, наверно, что-то в этом роде, – говорит он. – Возможно, я придаю этому слишком большое значение. И этот тип. – Он показывает назад, в направлении улицы. – Тот, который, как они считают, похитил ее. – Его голос слегка срывается. – Что вы о нем знаете? Вы вообще его знали?

Кейт качает головой.

– Нет. Я видела его лишь мимоходом. Мы даже не кивали друг другу. Он однажды, несколько недель назад, разговаривал с моим мужем. Этот мужчина, видимо, был пьян и спросил у моего мужа, женат ли он. Что довольно странно. Но с учетом того, что мы теперь знаем о его интернет-привычках...

– Ага, – говорит Аарон. – Это какое-то извращение. Я даже не знал обо всем этом, обо всех этих инцелах. Боже. Жалкие, несчастные люди.

– Токсичная маскулинность, – говорит она. – Она повсюду.

Он кивает, но потом говорит:

– Только не в нашей семье. Я просто хочу это сказать. Сафайр жила в доме с двумя порядочными мужчинами, которые одинаково ценили девочек и мальчиков. Я хочу, чтобы вы это знали. Что бы ни случилось, я знаю, она не пыталась убежать из дома. Ее дом был хороший. Он и сейчас хороший.

Кейт кивает. Она полностью верит этому человеку, каждому его слову.

– Я слышала, вы потеряли отца?

– Да. – Он смотрит на свой стакан с водой. – Еще в октябре. Она приняла это близко к сердцу. Перестала есть. Перестала делать уроки. Я сказал ей, чтобы она вернулась к доктору Форсу. Я предложил ей договориться с ним. Но она сказала, что с ней все в порядке. Я попросил, чтобы с ней поговорили в школе, чтобы это сделал школьный психолог. Толку от этого не было. А потом в начале ноября она просто вышла из этого состояния. Начала есть. Вновь взялась за учебу. У нас было потрясающее Рождество, просто мы были вместе, как настоящая семья. А потом, я не знаю, после Рождества ее как будто подменили... она снова отстранилась.

– В каком смысле?

– Просто редко бывала дома. Много времени проводила у своей лучшей подруги. Или «гуляла». Часто ночевала у подруг. И я просто подумал, знаете, ей семнадцать, она скоро вырастет, решил, что она расправляет крылья. В этом смысле она поздно расцвела. Была слишком инфантильной для своего возраста, никаких ночных клубов, никаких вечеринок, никаких мальчиков, никакого зависания с друзьями, ничего такого. И я подумал: кажется, ей пора встать на ноги. А потом...

Кейт видит слезы в его глазах. Ее охватывает инстинктивное желание прикоснуться к нему, успокоить, но она сдерживается. Он тыльной стороной ладони проводит по глазам и улыбается.

– У меня так и остались все эти вопросы. И я начал просматривать ее вещи. Честно говоря, ничего особенного не нашел. У полиции находится ее ноутбук, но вряд ли они там что-то нашли. Они бы уже сказали. Каждую ночь после работы я просто сижу в комнате с ее вещами, ищу что-нибудь, что-то такое, что могло бы объяснить, что с ней случилось. Почему она была здесь. Что она здесь делала. А вчера вечером я нашел в кармане ее старых спортивных штанов вот это...

Он сует руку в задний карман и вытаскивает сложенный лист бумаги. Аарон разворачивает его и толкает через стол к Кейт. Она читает написанные на нем слова, и кровь стынет в ее жилах.

Сафайр

Занятия в школе начались 7 января, и я снова стала «другой» Сафайр Мэддокс, той, которая появлялась в классе каждое утро чистой и свежей, с аккуратно заплетенными волосами, немного туши для ресниц, немного блеска для губ. Дело было не столько в том, что я хотела хорошо выглядеть, а в том, что, если бы я не выглядела хорошо, все начали бы волноваться, задавать мне вопросы. Школьный психолог затащила бы меня в свой кабинет и стала бы ждать, что я расскажу ей, что со мной не так.

И я делала уроки. Сплетничала с подружками. Я улыбалась мальчикам, хотя и держала их на расстоянии. Я как будто была Суперменом. Во мне уживались две разные личности. Днем я была Сафайр Мэддокс, не слишком общительная, но в целом вежливая и воспитанная отличница. Ближе к ночи я превращалась в ночное животное, что-то вроде лисы в человеческом обличье. Моей суперсилой была невидимость. Там, на игровой площадке в школе или в классе, все взоры были прикованы ко мне, но ночью меня не существовало. Я становилась невидимкой.

Случайная встреча с Харрисоном потрясла меня на многих уровнях. Звук моего имени на его губах. На тех же губах, которые он облизывал, когда делал то, что делал со мной, когда я была ребенком. По физическому развитию он уже не ребенок, а мужчина, почти взрослый. То, как он возник в полумраке, одетый во все черное. Мысль о том, что он сейчас где-то там, рыщет, где ему хочется, делает то, что захочет. И это было самое главное. Именно это переключило мои мысли от причинения боли себе на причинение боли Харрисону. Казалось, мы делим с ним одну и ту же территорию. Мы оба были невидимы, но видели друг друга в рассеянном свете уличного фонаря, как две лисы. Я подумала, что больше не хочу причинять себе вред из-за того, что он сделал со мной. Я решила, что хочу сама сделать ему больно.

Теперь, куда бы я ни пошла, я искала его. Я знала: тот момент, когда наши пути снова пересекутся, обязательно настанет, это лишь вопрос времени.

* * *

Середина января. Собачий холод. Я уснула на клочке земли напротив дома Роана, который теперь казался мне почти родным. Я редко спала, а когда все же засыпала, то быстро, сразу, крепко и глубоко, обычно минут на десять, а иногда и на полчаса. Меня всегда будили звуки. Любой шум. Но эти звуки меня не разбудили. Звуки, которые издавал паренек, пришедший на пустырь в два часа ночи. Он сидел за экскаватором и не видел ни меня, ни мое скромное лежбище.

Он не знал, что я была там. Я тоже не знала, что он был там. А потом я резко проснулась и со странным вдохом, который сопровождает любое внезапное пробуждение, села. Я подняла глаза и увидела лицо – знакомое лицо.

– О господи. – Мальчишка схватился за сердце. – Что за херня?

– Джош? – сказала я.

– Да. Черт. Откуда ты знаешь мое имя? – сказал он.

Я все еще была сонная, и мысли путались в моей голове.

– Я знаю твоего папашу, – сказала я.

Внезапно озябнув, я натянула свой спальный мешок выше.

– Откуда ты знаешь моего отца?

– Я проходила у него терапию.

– Ого, – сказал Джош. – В самом деле?

– Ага, – сказала я. – Более трех лет.

– Тогда почему ты здесь спишь? – спросил Джош.

– Это долгая история, – ответила я.

– Ты бездомная?

– Нет. У меня есть дом.

– Так почему?.. Это как-то связано с моим отцом?

С чего бы начать? Я понятия не имела.

– Ага, – все-таки начала я. – Типа того. Или, по крайней мере, это началось с твоего отца. А теперь тут дело во множестве других вещей.

Мне просто нравится быть на свежем воздухе. В помещении мне не хватает воздуха.

– У тебя клаустрофобия?

– Да. Может быть. Но только ночью.

– Ты спишь здесь каждую ночь?

– Да, теперь каждую.

– Так это была ты, – сказал Джош, – здесь, в канун Нового года?

– Ага, – ответила я. – Я была тут. Я пряталась. Вон там, в углу.

Я не знала, с чего это вдруг я стала такой открытой для его вопросов. В нем было что-то чистое, незапятнанное. Я посмотрела на него и подумала, что он меня поймет.

– Так ты слышала наш разговор?

– Слышала. Ты и твой друг собирались заявить о себе. Или что-то в этом роде.

– Ха. Да. Верно. Я думаю, мы понапрасну тратили время.

– Я подумала, вдруг вы задумали стрельбу в школе.

– Э-э-э, – кисло сказал Джош, – нет.

– Ладно. Итак, о чем вы говорили?

– О том, как мы собирались это изменить. В смысле, перестать быть невидимыми. Сделать нас «заметными».

– К черту это, – сказала я. – Seriously. К черту все. Лучше пусть тебя не видят. Оставайся за кадром. Так будет гораздо лучше.

Мы на мгновение умолкли, затем Джош обошел экскаватор и сел рядом со мной.

– Значит, мой отец? От него был толк? В смысле, он был хорошим терапевтом?

Я пожала плечами.

– Да, в некотором смысле. Но в других – нет. Нет, мне нравились наши сеансы, и он действительно излечил меня от членовредительства. Но он кое-что оставил. Внутри меня. Оно все еще там.

– Что-то? Например?

– Это как рак. Он избавил меня от симптомов, но оставил опухоль.

– Вот дерьмо, – сказал Джош и внезапно добавил: – Я ненавижу своего отца.

Услышав это заявление, я прямо-таки оторопела.

– Правда? Почему?

– Потому что у него гребаный роман.

– Ого. Откуда ты это знаешь?

– Потому что я его видел. Он даже не прячется. А моя мама слишком мягкая, чтобы видеть, что происходит прямо у нее перед носом. В прошлом году они чуть не расстались, и, я думаю, тоже из-за его романа.

– Что значит, ты его видел?

– Значит то, что я его видел. С той девушкой. Как он прикасался к ее волосам и все такое прочее. И даже не пытался это скрыть. И это как... Моя мама – лучший человек на свете. Она такая милая, любящая и добрая, она готова на все ради кого угодно. Он же ведет себя так, будто может делать все, что ему придет в голову, а потом возвращается домой, и она готовит ему вкусную еду, и слушает, как он стонет о том, какая напряженная у него работа. Мне интересно, как может человек, чья работа состоит в том, чтобы заботиться о людях, укреплять их разум, лелеять и лечить, как он может делать то, что он делает с другим человеком каждый божий день его жизни. Меня тошнит от этого.

Мне так многое хотелось сказать. Но я просто зажала руки между колен, чтобы согреть их, и промолчала.

– И это одна из тех вещей, которые я хочу изменить в этом году. Как я уже говорил в канун Нового года. Мистера Обаяшки больше нет.

– И что теперь?

Он опустил голову.

– Не знаю, – ответил он.

– Ее зовут Алисия Мазерс, – сказала я.

Он моментально вскинул голову.

– Что?

– Женщина, с которой у твоего отца роман. Ее зовут Алисия Мазерс. Я знаю, где она живет.

Он моргнул.

– Откуда? – растерянно заморгал он.

– Я тоже следила за ним. Я их видела. Он познакомился с ней на работе. Она психолог, как и он. Они начали встречаться летом. Незадолго до Рождества они провели ночь в отеле. Она живет в

Уиллесден-Грин. Ей двадцать девять. У нее два диплома и докторская степень. Она довольно умная.

Он примерно секунду молчал. Затем посмотрел на меня такими же, как у Роана, глазами и сказал:

– Кто ты? Ты настоящая?

Я рассмеялась.

– Ты хорошенькая, – сказал Джош.

– Спасибо, – сказала я.

– Неужели ты мне снишься? Я ничего не понимаю. Я ничего из этого не понимаю.

– Мы встречались раньше.

– Что? Когда? – удивился он.

– В прошлом году. Ты прошел пару уроков для начинающих в школе боевых искусств. Я разговаривала с тобой в раздевалке. Разве ты не помнишь?

– Да. Помню, – сказал он. – Точно. Вспомнил. У тебя тогда были розовые волосы. Верно?

– Да. Это была я.

– Ты знала, кто я такой? Даже тогда?

– Да. Да, я знала.

– Так вот почему ты заговорила со мной?

– Ага.

– Я тогда растерялся. Ты была такая красивая.

– Да, ты можешь больше не говорить об этом.

– Извини.

Я улыбнулась. Я не возражала. В этом мальчике было что-то легкое, располагающее.

– Ничего страшного, – сказала я. – Я просто шучу. Почему ты перестал туда ходить? В додзё?

– Я не переставал, – сказал он. – Я все еще хожу. Просто изменил время занятий. Теперь я хожу по пятницам.

– И есть успехи?

– Ага, – сказал он. – Зеленый пояс. Ну, ты знаешь, для начала неплохо.

– Помнишь, ты сказал мне, что хочешь защитить себя? Так вот, значит, почему ты брал уроки? Ты сказал мне, что тебя ограбили?

Он кивнул.

– Что случилось?

Он сунул руку в карман, вытащил небольшой кисет и, продолжая разговаривать, скатал на бедре «косячок».

– Этот урод, – сказал Джош, вытаскивая из бумажного пакета «Ризлу», – подошел ко мне сзади. Прошлым летом. Там, внизу. – Он указал на холм. – Схватил меня рукой за горло и сжал. Сказал: что у тебя есть? Обшарил все мои карманы. Я попытался оттолкнуть его, но он сказал, что у него нож. Затем он взял мой телефон, наушники и банковскую карту и со всей силы толкнул меня, так что я чуть не упал лицом вниз, я даже схватился за стену, чтобы не упасть, а он убежал. А я просто остался там. Казалось, сердце вот-вот выпрыгнет. Это было самое страшное. И я ничего не сделал. Я просто стоял, я позволил ему отобрать мои вещи. Вещи, ради которых мои родители очень много работали. Вещи, на которые он не имел права. И это меня жутко злит. Мне даже кажется, что сейчас, если бы я увидел его, я бы его точно убил.

Мне как будто дали под дых. Я громко втянула в себя воздух.

– Я знаю, что ты чувствуешь.

И это, как ни странно, после трех лет, в течение которых налогоплательщики исправно раскошеливались на то, чтобы Роан лечил мою душу в теплом кабинете в Портман-центре, после всех этих бесконечных бесед и разговоров, когда я так и не сказала ту единственную вещь, которая действительно имела значение? Наконец-то я обрела слова, чтобы рассказать кому-нибудь про Харрисона Джона.

– Нечто подобное случилось и со мной, – сказала я. – Кое-кто кое-что у меня отнял. И я ему позволила это сделать.

– Что именно?

Я выдержала паузу. А потом заговорила.

– Когда мне было десять лет, этот мальчик, на год старше меня, ухаживал за мной. Он был самым высоким в своей параллели. В школе у него были две младшие сестры, и он всячески их защищал. Он был непослушным, но учителя любили его. И он вроде как выбрал меня. Когда мы на переменах играли в вышибалу, он просил других шестиклассников уйти с моей дороги. Уступить мне свою очередь. И он бросал на меня такие взгляды, как бы говоря, «не волнуйся, я тебя

поддержку». Он заставил меня почувствовать себя особенной. А потом однажды...

Я ненадолго умолкла, отгоняя от себя волну эмоций.

– Однажды он заманил меня в ту маленькую часть игровой площадки, где обычно играли малыши, но все они тогда были в классной комнате, и он сказал:

– Хочешь увидеть кое-что волшебное?

Я сказала: «Да, да» – и последовала за ним, а он сказал:

– Тебе нужно присесть на корточки, вот так. – И он присел на корточки, чтобы показать мне; я сделала то, что он сказал, и посмотрела на него, как бы говоря: «Да! Я приседаю! А теперь покажи мне волшебство!» И тогда он... Все произошло так быстро. Он вставил в меня пальцы, и это было больно, было очень больно, и я сказала: «Ой!»

А он сказал:

– Все в порядке. Больно только в первый раз. После этого происходит волшебство.

Он погладил меня по волосам, затем убрал руку, показал ее мне, улыбнулся и сказал:

– В следующий раз будет лучше. Я тебе обещаю.

Мне казалось, что вокруг моего живота стянули ремень, и с каждым словом, которое я произносила, он немного ослабевал. К тому времени, когда я добралась до конца, мне даже не верилось, что я наконец могу дышать. Хотя мои глаза были полны слез, а голова была свинцовой от печали той маленькой девочки, которая так и не дождалась волшебства, я теперь могла дышать. Трижды я позволила ему делать это со мной. А потом школа закрылась на лето, и Харрисон ушел, и я больше никогда его не видела. Но он оставался в моей голове, в моей ДНК, в моем костном мозге, в моем дыхании, в моей крови, в каждой моей частичке. Он остался. Он – моя раковая опухоль.

Джош лизнул папиросную бумагу, склеил ее, закрутил кончик, воткнул в самокрутку крошечный рулончик картона, чтобы получился фильтр. Затем сунул руку в карман куртки и вытащил зажигалку.

– Тот еще убудок, – сказал Джош. – Жесть, вот жесть.

– Да. Точно. Но знаешь что? Я видела его на днях. Видела этого говнюка, который сделал это со мной.

– О господи, – сказал Джош. – Вот же дерьмо. Где?

– Вон там. – Я указала на холм. – Я как раз шла с Финчли-роуд. Спускалась вниз. Он окликнул меня по имени. Он узнал меня и произнес мое имя, и это было, как будто... как будто я вновь перенеслась на ту игровую площадку. Как будто он имел на меня право, как будто мог распоряжаться мной, моим телом, моим именем. Понимаешь? Мне в течение пары дней казалось, будто я пячусь назад, как будто я поднялась на вершину горы, а потом потеряла равновесие и заскользила вниз. Я шарила руками, пытаюсь за что-нибудь ухватиться, но там ничего не было. А потом я кое-что нашла.

Джош вытаращил на меня глаза; на его лице играли оранжевые тени от пламени зажигалки, которой он чиркнул, чтобы закурить «косяк».

– Что?

– Месть. Я придумала мечь.

– О господи. Что ты сделала?

– Ничего. Пока ничего. Но я знаю: сейчас для меня это единственный выход. Единственный способ вытащить его из моей ДНК. Я должна сделать ему больно.

Джош поднес «косяк» к губам и затянулся. Затем прищурился и кивнул.

– Это точно, – сказал Джош.

Я быстро взглянула на него. Я лишь облекла в слова то, что было похоронено так глубоко внутри меня, что я сама толком не знала, что это такое, пока не сказала это вслух. Мне нужно было знать, как это воспримет другой человек.

– Ты так думаешь?

– Да. Даже не сомневаюсь. Возможно, он до сих пор бродит по улицам, продолжает издеваться над людьми. Если он сделал это, когда ему было одиннадцать, и это сошло ему с рук, то теперь...

Я снова посмотрела на Джоша. Он предложил мне «косяк». Я покачала головой.

А потом в кустах послышался шорох, и мы оба повернули головы. Две горящие янтарные точки. Блеск рыжего меха. Поднятая вверх морда. Я сунула руку во внешний карман своего рюкзака за собачьими лакомствами, которые теперь хранила там постоянно. Я открыла пакет и протянула его лису. Он подошел.

Я разложила угощение, и мы смотрели, как лис подобрал каждый кусочек, ни разу не взглянув на нас.

– Я хочу помочь тебе, – сказал Джош. – Помочь тебе отомстить. Пожалуйста. Скажи, я могу быть полезным?

Лис сел и выжидательно посмотрел на мою сумку. Он высунул язык и облизнулся. Я посмотрел на Джоша.

– Да. Пожалуйста, – сказала я.

– Как долго они могут держать меня здесь?

Барри вытаскивает из портфеля какие-то бумаги.

– Теперь, когда они выдвинули против вас обвинение, сколько захотят.

– Но они не нашли никаких новых улик. Я это к тому, что они не могут передать дело в суд на основании того, что у них есть.

– Нет. Но они могут и дальше пытаться что-нибудь найти, и, поверьте мне, Оуэн, они переберут каждую нить вашей жизни, каждую ниточку, пока не найдут то, что ищут. До тех пор они будут и дальше таскать вас в ту комнату и задавать вопросы, пока вы не расколаетесь.

– Расколюсь? – недоверчиво спрашивает Оуэн. – Но я не собираюсь раскалываться. Как я могу признаться в чем-то, чего я не делал?

Но, как только он произносит эти слова, на его сознание падает завеса сомнения. Его мысли постоянно возвращаются к тому моменту, о котором он даже не может уверенно сказать, что тот произошел. Момент сразу после того, как он увидел человека на другой стороне улицы. Момент как раз перед тем, как Оуэну показалось, что человек повернулся, вошел в дом и лег спать.

Потому что Оуэн не может вспомнить, как вернулся домой.

И после сегодняшнего утреннего допроса Оуэн перебирал каждый вечер своей жизни, когда он выпивал, и поймал себя на том, что нередко все, что он может вспомнить, – это обрывочные действия, но ничего промежуточного.

Он не помнит, как ехал домой. Он не помнит, как складывал одежду. Он не может вспомнить, кто такой «Билл», номер телефона которого он нашел в кармане на следующий вечер после вечеринки пару лет назад. Оуэн не помнит, как купил бутылку виски, которую однажды нашел в пакете на полу в своей спальне, с чеком, где был пробит номер его карты, доказывающий, что он был в супермаркете «Теско Метро» и лично оплатил покупку. Оуэн не помнит, как на танцполе гладил девушек по волосам. Или брызгал на них своим потом.

Оуэн не помнит, как сказал девушке по имени Джессика, что она красивая. И он определенно не может вспомнить, как ложился спать в День святого Валентина. Он знает, что проснулся в своей постели в рубашке и одном носке. Он знает, что проснулся поздно. Он знает, что у него было похмелье. Он помнит девушку, которая назвала его извращенцем, помнит мужчину с белой собакой и девушку в толстовке с капюшоном. Но кроме этого ничего не помнит.

В его сознании то и дело мелькает картинка: фигура проходит мимо него, рядом с его дверью, направляясь к задней части дома. Это могла быть она, девушка в толстовке с капюшоном. Это мог быть кто-то другой. Или это просто нелепый плод его воображения, нечто такое, что породила его психика, чтобы помочь ему справиться с травмой ситуации. Постоянно читаешь о подобных вещах: люди признаются в том, чего они не совершали. «Так вот это как бывает? – задается вопросом Оуэн. – Ваш собственный мозг делает это с вами и, словно гнутые медяки, подкидывает улики против вас самих?»

Он смотрит на свои руки. Они кажутся ему чужими, как будто чьи-то кисти пришиты к его рукам. Он постепенно утрачивает ощущение самого себя, того, кем он должен быть, что должен делать или кем он когда-либо был. Чтобы не видеть, как в этой комнате для допросов на него смотрит инспектор Керри, он пытается перенестись в тот итальянский ресторан с Дианой, пытается восстановить в памяти, как она смотрела на него в тот вечер. Если только он сможет удержать это в своей памяти, возможно, этот кошмар закончится.

Барри поглаживает свой толстый шелковый галстук.

– Пропала девушка. Вы – все, что у них есть. И в их глазах все улики указывают на вас. Неважно, вы это сделали или кто-то другой. Они никуда вас не отпустят, у них есть только вы.

– Я этого не делал.

Барри не отвечает.

– *Я этого не делал.*

Барри с прищуром смотрит на Оуэна.

– Чего вы не делали? – говорит он и тут же повторяет: – Чего вы не делали?

– Я ничего не делал этой девушке. Я не прикасался к ней даже пальцем.

Барри некоторое время молчит. Затем пристально смотрит Оуэну в глаза и говорит:

– Что ж, Оуэн, вам пора доказать это прямо сейчас. Докажите это, Оуэн. Скажите мне что-либо неопровержимое. Что-то, что поможет вам выбраться отсюда. Пожалуйста. Ради нас обоих.

* * *

– Итак, – говорит инспектор Керри. По мере того как расследование затягивается, она начинает терять свежесть лица. – Оуэн. Пожалуйста, я знаю, мы уже обсуждали это не раз. Но я думаю, что стоит повторить это снова. Чем больше мы об этом говорим, тем выше шанс, что вы что-нибудь вспомните. Пожалуйста, расскажите нам еще раз про вечер четырнадцатого февраля.

Оуэн шумно выдыхает. Он не может снова пройти через все это, просто не может.

– А как насчет Брины? – говорит он. – Вы так и не нашли его?

Керри бодро улыбается.

– Нет, – говорит она. – Еще не нашли.

– А жаль. Здесь должен быть он. А не я. Он больной. Он фрик. Возможно, прямо сейчас он насилует женщин, а вы сидите здесь и задаете мне одни и те же вопросы, снова, снова и снова.

Инспектор Керри молчит и с прищуром смотрит на Оуэна, а затем говорит:

– Хорошо, Оуэн. Хорошо. Если вы можете рассказать нам о Брине что-то такое, что поможет нам его найти, тогда, пожалуйста, не стесняйтесь. Когда будете готовы. Будьте добры. – Она откидывается на спинку стула и холодно смотрит на Оуэна.

Он вздыхает. Затем трет лицо и пытается что-нибудь вспомнить, то, что Брин мог бы сказать самому себе. Оуэн вспоминает подробности, вплоть до самого первого поста в блоге, который он прочитал. Вот Брин, сидит в пабе в снежный день и разглядывает Чэдов и Стейси. Оуэн делает над собой усилие, пытаюсь вспомнить больше. Диккенсовский силуэт паба в пелене снегопада, свет старых фонарей, висящих снаружи, и подъездная дорожка для экипажей, где

когда-то привязывали лошадей. Название паба после капитального ремонта поменяли, а до этого он назывался...

«Приют охотников».

Оуэн хватается за край стола.

– Город, в котором он живет. Там есть гастронаб. Новый гастронаб. Раньше он назывался «Приют охотников». На главной площади. Напротив пруда. С утками. Он там завсегда. Он постоянно ходит туда. Если вы найдете паб, то найдете и его. У него курчавая шевелюра. Он очень маленького роста. Он носит синюю куртку с пятном спереди. Спросите там у любого, кто он такой. Они его узнают. Он очень самобытный.

Оуэн видит, как инспектор Керри слегка закатывает глаза. Она не ожидала, что он выдаст хоть мало-мальски полезную информацию, и ее раздражает, что он это сделал.

– Мы проверим ваши слова, Оуэн. Предоставьте это нам. Но, Оуэн, даже если мы каким-то образом найдем этого типа, этого Брина, он наверняка удалил свой блог и свои посты на всех форумах, которые, как вы утверждаете, он раньше часто посещал. Даже если мы найдем его и спросим о рогипноле, как вы считаете, что он скажет? Неужели вы думаете, что он скажет нам то, что вы хотите услышать, что он якобы дал вам наркотик против вашей воли, а вы не собирались им воспользоваться? Оуэн, даже если этот человек существует, и если мы его найдем, он будет отрицать знакомство с вами, заявит, что знает вас не знает.

– Но его отпечатки пальцев. Они будут на пузырьке. А в пабе вы спрашивали? В пабе в Юстоне? Вы уже посмотрели их записи камер видеонаблюдения? Того вечера? Это докажет, что он меня знает. На записи будет видно, как он дает мне наркотик.

– Да, но чего вы, похоже, не понимаете, Оуэн, так это того, что все это не имеет никакого значения. Факт остается фактом: в вашей спальне были спрятаны наркотики для изнасилования на свидании, и, честно говоря, нам все равно, где вы их взяли и для чего. Если вы хотите доказать нам, что вы не похищали Сафайр Мэддокс и не причиняли ей вреда вечером четырнадцатого февраля, то, боюсь, вам придется испробовать совершенно иной способ.

Оуэн бросает взгляд на Барри. Тот смотрит на него, как будто говоря: «Что я тебе сказал?»

Оуэн шумно втягивает воздух и моргает. Затем смотрит прямо на инспектора Керри и говорит:

– Пожалуйста, скажите мне, что, по вашему мнению, случилось с Сафайр? Мне действительно очень хотелось бы знать. Что, по-вашему, я с ней сделал? Как я схватил эту девушку, эту довольно высокую девушку, и куда, по вашему мнению, я ее повел? Я, один, без посторонней помощи. Как я смог незаметно протащить ее за собой по улицам Хэмпстеда в полночь? В День святого Валентина улицы полны людей, разве не так? У меня нет машины. Я не особо силен. Я очень хочу, чтобы вы поделились со мной своими предположениями. Потому что, честно говоря, с того места, где я сижу, видно, что вы хватаетесь за соломинку.

Инспектор Керри поджимает губы.

– Оуэн, – говорит она. – Мы делаем свою работу. Мы исследуем самые разные направления. Поверьте нам. И у нас есть немало версий относительно того, что случилось с Сафайр, но смею заверить вас: мы не стали бы понапрасну тратить тысячи фунтов стерлингов налогоплательщиков, чтобы держать вас здесь, не будь у нас серьезных оснований полагать, что вы знаете, что случилось с Сафайр. Итак, Оуэн, еще раз, пожалуйста, расскажите нам о событиях вечера четырнадцатого февраля, насколько вы их помните. Начиная с того момента, когда вы вышли из дома и отправились на свидание с женщиной по имени Диана Вурт в ресторане в Ковент-Гардене.

Оуэн роняет голову на грудь. Затем поднимает ее и говорит:

– Примерно в шесть часов вечера я вышел из дома, спустился с холма и пошел к станции метро Финчли-роуд...

Кейт сидит и ждет возвращения Роана. Перед ней лежит листок бумаги. Его оставил Аарон. Она все еще не понимает, почему он не отнес его прямо в полицию. Не иначе как из какого-то наивного уважения к Роану, подозревает она. Как будто Аарон надеялся, что она предложит ему приемлемое объяснение.

Она кладет его листок рядом со своим листком, вырванным из блокнота, на котором раньше делала записи. Ее взгляд быстро скользит с одного листка на другой, замечая сходство и одну большую разницу. Кейт разглаживает страницы, и ее руки слегка дрожат.

Она смотрит на кухонные часы. Семь восемнадцать. Где он?

Теперь она почти на сто процентов уверена, почти уверена, что происходит что-то ужасное. Когда сын, вернувшись из школы, обнял ее сегодня днем, она почувствовала, как по ее телу пробежали мурашки.

– Ты плохо себя чувствуешь, мама? – спросил он, и его голубые глаза были полны тревоги.

– Все нормально. Просто слегка нездоровится. Не хочу передавать тебе свои микробы.

У Джоша с собой был экземпляр бесплатной газеты «Метро». Он помахал им перед Кейт и указал на заголовок.

– Смотри, – сказал Джош, – они до сих пор не знают, что случилось с Сафайр.

Кейт отметила странную теплоту в его голосе, когда он произнес имя Сафайр.

– Ты когда-нибудь встречал ее? – как бы невзначай спросила Кейт.

– Кого?

– Сафайр. Ты когда-нибудь встречал ее? Ведь она жила недалеко от твоей школы. И, очевидно, посещала ту же школу боевых искусств, куда ходишь ты. Может, ты встречался с ней?

Джош тогда покачал головой.

– Нет. Определенно нет, – сказал он. А затем: – Что на ужин?

Теперь Кейт снова смотрит на листок бумаги. Листок бумаги с именем ее сына. Найденный в кармане спортивных штанов Сафайр. И

не только имя ее сына, но и даты и места всех сексуальных нападений в их районе, начиная с Нового года. Те же даты, что и на ее собственном листке. С одним отличием: список Сафайр включает 21 января. В газетах не сообщалось о сексуальном нападении 21 января. Но, согласно дневнику Кейт, 21 января – это тот день, когда Тилли заявила, что на нее напали возле их дома.

Аккуратным почерком под датами написано несколько, на первый взгляд, случайных имен.

Клайв.

Роан.

Джош.

Алисия.

– Я просто подумал, – сказал Аарон, – вдруг это что-то значит. Я видел в газетах, что у вас сын по имени Джош. Нет, я знаю, что это популярное имя. И все-таки. Вы сможете спросить своего сына? Спросите его, знает ли он, что это значит? Знает он ее?

Кейт мгновенно поняла значение этих дат.

– Конечно, я спрошу его, – ответила она, пытаясь дышать и говорить ровно. Как только Аарон ушел, она вырвала страницу из своего блокнота и сравнила их. Ее рука потянулась к горлу.

Кейт вошла напрямиком в спальню Джоша и вытащила из его гардероба корзину для белья. Пластиковый пакет исчез. Она взяла с полки учебники Джоша и, сама толком не зная, что ищет, быстро пролистала их. Кто такие Клайв и Алисия? Почему Сафайр рядом с датами сексуальных нападений написала на листе бумаги имена Роана и Джоша? *Что вообще она делала возле их дома в ночь своего исчезновения?*

В спальне сына Кейт ничего не нашла. В его истории запросов в поисковой системе ничего нового. Джорджия первой пришла из школы и отправилась напрямиком в свою комнату, чтобы снять форму. Затем нацепила поверх спортивных штанов и толстовки фартук, открыла на своем айпаде рецепт, поставила телефон на кухонный стол и принялась колдовать над тортом. Кейт рассеянно кружила вокруг нее, что-то убирая, загружая миски и ложки в посудомоечную машину, время от времени вставляя короткие восклицания в высокооктавный

монолог дочери о том, какой та хотела бы видеть свою спальню в их доме. Ее комната непременно должна быть темной, очень темной, не исключено, даже черной, ну, или почти черной, или же, наоборот, всех оттенков белого, как в ее спальне здесь, но темный уютнее, правда?

Джош вернулся домой через час и, сказав матери «привет», сразу же направился в свою комнату. Теперь торт стоит на столе, залитый шоколадным кремом и украшенный крошками молочного шоколада «Флейк». С той стороны, где Джорджия уже отрезала себе ломтик, зияет дыра, демонстрируя ванильные внутренности.

В духовке запекается паста. От запаха Кейт слегка подташнивает. Она снова смотрит на часы.

Семь тридцать одна.

– Мам! – Это Джорджия. – Когда будет готов ужин?

– Скоро, – отвечает Кейт. – Когда вернется папа!

Она рассеянно накрывает на стол, кладет в миску листья салата, наискось нарезает на куски багет. В конце концов, они поужинают и без Роана.

Но через минуту Кейт слышит, как хлопает дверь, и на кухне появляется Роан. Он буквально исходит жаром аэробных упражнений.

– О, это ты, – говорит она. – Был на пробежке?

– Да, прямо с работы. – Он все еще часто дышит, снимая перчатки, шарф и шапочку. – Столько всего накопилось... надо было выпустить пар. Пробежал до деревни и обратно. Я нашел это место. – Он расстегивает куртку и стягивает ее. – Прямо на другом конце деревни. Странное место. Что-то в духе фильмов про Джеймса Бонда: странные невысокие здания, пешеходные дорожки, спрятанные в круге деревьев. – Он бросает куртку на спинку кухонного стула. – В любом случае, я погуглил, и, похоже, это то, что осталось от самого дорогого муниципального квартала в нашей стране! Какой-то неудачный социалистический эксперимент при лейбористском правительстве 1970-х годов. Сейчас, конечно, все в частной собственности... стоит, наверное, целое состояние. Но, если честно, невероятно странное место. Как будто из будущего. Словно из какого-то научно-фантастического фильма...

Роан продолжает говорить, и Кейт на каком-то уровне понимает, о чем он говорит, и на каком-то уровне ей хочется ответить ему, сказать: «да, да, я тоже видела это место!» Но слова застревают у нее в

горле, потому что, когда он говорит, ее взгляд упирается в угловатые контуры туловища мужа, обтянутые лайкрой. Ткань плотно облегает его длинные мускулистые руки. Взгляд Кейт скользит по флуоресцентному оранжевому узору, который тянется по рукавам от запястья и до плеча.

– Где ты нашел эту футболку? – перебивает она Роана.

– Что?

– Эту футболку? Где ты ее нашел?

– Не знаю. В ящиках шкафа, я думаю... а в чем дело?

– Я думала...

– Что?

– Ничего. Я просто не видела ее какое-то время.

Загадочным образом футболка, спрятанная в задней части шкафа в комнате Джоша, была выстирана и возвращена в ящик Роана. Роан пожимает плечами.

– Я иду в душ, – говорит он. – Что будет на ужин?

– Запеканка из спагетти, – говорит Кейт похожим на писк, высоким голосом. – И салат.

Джош спросил меня, как выглядит Харрисон Джон, и я погуглила его фотку. Пока я это делала, мои руки дрожали. Вдруг я узнаю о нем что-то хорошее? Например, что у него есть ребенок, или что он совершил благородный поступок, или что он умный, или еще что-то в этом роде. Мне было страшно, вдруг он сделал что-то такое, что искупало его вину, что было способно ослабить мою жажду мести, потому что на тот момент моим единственным чувством была эта самая жажда. Именно она заставляла меня вставать по утрам, ходить в школу, заставляла есть, заставляла дышать. Я нажала на «поиск» и затаила дыхание.

А потом появился он: та же физиономия, приплюснутый нос, тяжелый лоб, какая-то глупая гангстерская поза. Согласно сопроводительной подписи, он был участником музыкального проекта, что-то связанное с колледжем, в котором он учился. Я повернула телефон к Джошу.

– Это он.

– Это Харрисон?

– Да.

– Похож на обычного лузера.

– Верно, – согласилась я. – На вид – типичный лузер.

Мы были на детской площадке рядом с моим домом, где я попросила Джоша встретить меня. Я все еще была в школьной форме.

– Тебя не узнать, – сказал Джош, увидев меня.

– Это мое второе «я», – сказала я.

– И каков твой план? – спросил Джош.

Я выключила телефон.

– Теперь я знаю, где он живет.

– Как ты это узнала? – спросил Джош.

Я постучала пальцем по носу.

– Я же говорила тебе. Я умная.

– И ты собираешься за ним следить?

Я игриво шлепнула Джоша по руке.

– Я не извращенка! – заявила я.

– А по-моему, есть маленько, – ответил он.

Он улыбнулся, и мне понравилась его улыбка. Когда собака смотрит на вас таким преданным, задушевым взглядом, вы думаете: «Ты тоже слишком хорош для этого мира, песик». Именно это мне подумалось, когда Джошуа Форс улыбнулся. Как будто он был слишком хорош для этого мира.

– Вообще-то, – ответила я, – я уже начала. Сегодня днем я проследовала за ним до универсама «Ко-Оп» и обратно. Он меня не видел.

– Что он купил?

– «Харибо». И немного табака.

– Классно.

– Неужели? – сказал я. – И теперь я знаю, в каком колледже он учится. От меня ему не сбежать.

– Можно я пойду с тобой?

– Ты имеешь в виду, что хочешь быть моим напарником?

– Да.

– Конечно, можешь.

– Идем?

Я проверила время на телефоне. Было почти пять.

– Идем, – сказала я. Мы спрыгнули со стены. – Сюда, – сказала я. – Толай за мной.

* * *

Харрисон жил на другом конце моей улицы, ближе к Чок-Фарм, в жутко уродливом малоэтажном многоквартирном доме, расположенном рядом с железнодорожной веткой. Мы сели на скамейку напротив. Было жутко холодно, и я слышала, как Джош клацает зубами.

– Замерз? – спросила я. – Можешь пойти домой, если хочешь.

Он покачал головой.

– Нет. Я хочу увидеть его. Живьем.

Я улыбнулась одним уголком рта. Затем мы оба повернули головы, чтобы следить за квартирами.

И тут появился он. Толкнув плечом входную дверь, Харрисон вышел из дома. Он снова был во всем черном: куртка, черные эластичные брюки, черные кроссовки, обнаженные щиколотки над коротенькими носками, на спине сумка. Выйдя на улицу, он закурил самокрутку и, прищурившись, выпустил дым. Затем повернул направо и зашагал вверх по склону холма в сторону Хэверсток-Хилла. Мы молча последовали за ним. Увидев шедший в Хэмпстед автобус, Харрисон бросился ему вдогонку, чтобы успеть заскочить до того, как закроются двери.

Мы с Джошем переглянулись. Это был одноэтажный автобус. Мы не сможем войти в него так, чтобы нас не заметили. Я пошла домой. Джош потопал к себе. Мы договорились встретиться на следующий день, в это же время, в том же месте.

* * *

Два дня спустя я увидела заголовок о сексуальном нападении в Хэмпстед-Хите. Мужчина в черном, в маске, схватил женщину на безлюдной тропинке и стал ее щупать. Сунул руки ей в трусы. Лапал за грудь. А потом убежал. Я вспомнила Харрисона Джона, который два дня назад в пять двадцать прыгнул в автобус до Хэмпстеда – в черной куртке и черных легинсах. Это был он. Я знала, что это был он.

* * *

21 января мне позвонил Джош. Судя по голосу, он был в панике.

– Я думаю, – сказал он, – Харрисон напал на подругу моей сестры. Полиция уже здесь. Вот же мудака. Что мне делать?

Он объяснил, что подруга его сестры пришла к ним после школы, а когда они собирались поужинать, ушла. Через несколько минут она вернулась и заявила, что к ней кто-то приставал.

– Как он выглядел? – уточнила я.

Повисла пауза.

– Она сказала, что не видела его. Но добавила, что он молчал. Что он молча схватил ее сзади. За бедра. Что он потерялся об нее. Пытался схватить ее за грудь. Но она вырвалась и побежала обратно к нам. Может, мне рассказать об этом, Сафайр? Сообщить в полицию? Сказать, что я знаю, кто это может быть?

Больше всего я сожалела о том, что я не сказала «да», что я ничего им не рассказала. Не назвала им его имя. Пусть они проследят его до двери, обыщут его черную сумку, снимут отпечатки пальцев, перевернут его жизнь. Пусть уничтожат его.

Я не сказала это потому, что не хотела быть той самой. Что, если они постучат в его дверь, и он скажет: «Это не я»? И они ему поверят? А потом он закроет дверь, выпятит грудь и решит, что он умнее всех. Или что, если они подойдут к его двери, приведут его и допросят, и окажется, что это был не он? Я же хотела, чтобы это был он. Мне нужно было, чтобы это был он. Он был гадким, мерзким, и его нужно было остановить.

Поэтому я сказала:

– Нет, ничего не говори. Просто молчи. Оставь это мне. Оставь это мне.

В комнату для допросов входит Барри. Оуэн слышит скрип его кожаных подошв по деревянному полу, за которым тут же следует крепкий запах лосьона после бритья.

– Доброе утро, Оуэн.

– Они меня отпускают?

Барри останавливается и закрывает глаза.

– Нет, Оуэн, боюсь, что нет. И, послушайте, вы должны знать, что сейчас происходит.

Он вытаскивает из портфеля сложенную в несколько раз газету и бросает ее перед Оуэном на стол. Это утренний выпуск газеты «Метро»:

ЖУТКИЙ ПЛАН ПОДОЗРЕВАЕМОГО В
ПОХИЩЕНИИ САФАЙР – ИЗНАСИЛОВАТЬ НА
СВИДАНИИ ДЕСЯТКИ ЖЕНЩИН.

Ниже помещен кошмарный снимок. На нем Оуэна втискивают в полицейскую машину. На лбу – свежий порез, мокрая челка криво подстрижена, волосы торчат во все стороны, в глазах – мертвый взгляд, сквозь приоткрытые губы виден кривоватый зуб. Оуэн поднимает глаза и ошарашенно смотрит на Барри.

– Но?.. Я не?..

– Просто прочти это, Оуэн.

«У Оуэна Пика, уволенного за недостойное поведение преподавателя колледжа, который в настоящее время содержится под арестом в полицейском участке на севере Лондона по подозрению в похищении и возможном убийстве пропавшей без вести девушки-подростка, Сафайр Мэддокс, по словам его друга по форуму инцелов, который он ранее часто посещал, имелся грандиозный план. Друг, пожелавший остаться неизвестным, поведал нам про ужасающий план, которым Пик поделился с ним во время встречи в пабе в начале этого месяца.

Вот что он рассказал: “Отчасти проблема сообщества инцелов состоит в том, что мы выведены за рамки общества. Женщины

отказываются рассматривать нас в качестве сексуальных партнеров, поэтому нам отказано в возможности воспроизводить потомство. Наши гены постепенно выводятся из генофонда – нашими правительствами, средствами массовой информации и обществом. Это проблема очень глубоко проникла в психологию сообщества инцелов. Это то, что мы с Оуэном долго обсуждали. Хотя в целом я согласен с его теорией и сам активно участвую в сообществе инцелов, пытаюсь изменить то, как нас воспринимает общество, однако я был очень встревожен, когда мы с Оуэном Пиком встретились в последний раз, чтобы выпить.

Он выбрал убогий паб, и я был удивлен, когда впервые встретил его. Он был довольно хорошо одет и явно следил за своей внешностью. На мой взгляд, он не выглядел как классический инцел. Он производил впечатление человека, которого прекрасно принимают в обществе. Я не мог понять, откуда у него проблемы с женщинами. Но было в нем что-то холодное, жестокое. Он меня даже слегка напугал. Я бы сказал, что у него было много черт психопата. А потом он сказал мне, что у него есть план. Он показал мне баночку с таблетками. Я понятия не имел, что это такое. Он положил их на стол между нами и рассказал мне, каков его план.

Он собирался знакомиться с женщинами на форумах знакомств, затем накачивать их наркотиками и, пока они без сознания, оплодотворять их. Он сказал мне, что делает это на благо сообщества инцелов, но я не купился на это. Было в нем что-то отталкивающее: нарциссизм, недостаток человечности и сострадания. Я бы сказал, что у него расстройство личности, и он использовал инцел-сообщество и наши убеждения для того, чтобы решить свои личные психические проблемы. На мой взгляд, Оуэн Пик – насильник, маскирующийся под инцела”».

Оуэн издает странный звук. Он не ожидал, что способен на такое. Звук исходит из глубин его нутра, сдавленное рычание. Он вскидывает кулаки, которые сжал, пока читал статью, и с силой опускает их на стол. Затем берет газету в руки, комкает ее и швыряет через всю комнату.

– К черту! – кричит он. – К черту все. К чертовой матери!

Он тяжело садится, зарывается лицом в ладони и плачет. А когда поднимает голову, Барри сидит и поправляет манжеты своей рубашки.

Он видит, что Оуэн смотрит на него, и протягивает ему носовой платок, который достает из внутреннего кармана пиджака.

– Это выглядит некрасиво, Оуэн, – тихо говорит Барри.

– Это чушь собачья... вы ведь это знаете? Бред какой-то. Ничего этого не было. Он все вывернул наизнанку. Если кто и преступник, так это он. Это он дал мне наркотики. Он просто продвигает свои планы и бросает меня под колеса, чтобы добиться своего. Вот же мудака!

Барри продолжает смотреть на него.

– Ну что ж, – говорит он. – Нам предстоит еще много работы. А это, – Барри указывает на скомканную газету, – это все слухи, и они не должны иметь никакого отношения к расследованию. Давай даже не думать об этом и посмотрим, что наши друзья приготовили для нас сегодня, ладно?

Через несколько секунд в комнату входят инспекторы Керри и Генри. Оуэн тотчас замечает их бодрое настроение. Последние пару дней они как будто медленно увядали, поскольку все их так называемые зацепки ни к чему не приводили, а обвинения в адрес Оуэна так и остались голословными. Но теперь, когда они занимают свои места, устраиваются поудобнее и раскладывают на столе свои бумаги, зацепки у них явно есть.

Инспектор Керри без проволочек переходит к делу.

– Оуэн, вы знаете женщину по имени Алисия Мазерс?

Оуэн качает головой.

– Никогда о такой не слышал.

– Что ж, Алисия Мазерс утверждает, что знает вас.

Оуэн вздыхает. Он угодил в кроличью нору. Он в мире, где люди говорят ему, что небо зеленое, трава синяя, дважды два – пять, черное – это белое, а белое – это черное. И, конечно, в этом мире женщина по имени Алисия Мазерс утверждает, что знает его.

– Она знает меня? – уточняет он.

– Да. Она утверждает, что видела вас той ночью. И что вы разговаривали с молодой девушкой в толстовке с капюшоном.

Оуэн кладет голову на стол. Прикосновение лба к пластику столешницы кажется прохладным. Его глаза закрыты, и, прежде чем снова поднять голову, он молча считает до пяти.

– И она заявила об этом только сейчас, потому что...

– Все сложнее, – говорит инспектор Керри. – У нее имелась очень веская причина не говорить этого раньше. Очень деликатная причина.

– И что это за причина?..

– Я не имею права делиться этим с вами.

– Понимаю, – говорит Оуэн. – Нет. Конечно, нет. Итак, продолжайте, что видела эта Алисия?

– Алисия утверждает, что видела, как вы разговаривали с девушкой в толстовке с капюшоном. Рядом с вашим домом.

В голове Оуэна мелькает вспышка света. Вновь тот самый потерянный момент, который раз за разом возникает перед ним в виде осколков, стоит ему закрыть глаза. Девушка в толстовке на самом деле не уходит, а идет ему навстречу. И что-то говорит. Он думал, что это ложное воспоминание. Но теперь ему говорят, что это не так.

– Такое могло быть, – говорит он. Не успели слова слететь с его губ, как ему становится легче. – Я вспоминал весь прошлый день или позавчерашний. Такое могло быть. Но я, хоть убей, не помню, о чем мы говорили. Ни того, что сказала она. Ни того, что я сказал. Я понятия не имею.

Оуэн слышит, как справа тяжело вздыхает Барри, замечает, как лица двух полицейских слегка искажаются, мышцы и нервы под кожей реагируют на его слова.

– Оуэн, Алисия Мазерс утверждает, что видела девушку в толстовке, которая разговаривала с вами возле вашего дома. Она утверждает, что видела, как вы пошли следом за ней в ваш сад.

– Да, – говорит Оуэн. В его голове мельтешат расплывчатые картины, кожа покалывает от смутного воспоминания о руке девушки на его плече. – Да, такое могло быть. Да. Она подбежала ко мне. К дому напротив шла женщина. Девушка подбежала ко мне. Она перебежала дорогу и сказала... – Вот оно, всплывшее из глубин его разума: – «Клайв! Это ты, Клайв?» Она назвала меня Клайвом. Она хотела что-то увидеть. Она...

Что же она сделала? В комнате воцаряется тишина. Оуэн видит, что Анджела Керри затаила дыхание. Он смотрит на свои руки. Кожа на его ладонях покалывает. Он чувствует, что всплывает еще одно воспоминание.

– Она попросила меня посадить ее. На крышу гаража. Я вытянул руки, вот так. – Он показывает, как его пальцы были сцеплены вместе,

образуя подножку. – Она была тяжелой. Я же не очень силен. Она чуть не упала на меня, но успела за что-то ухватиться. За желоб. За что-то такое. И подтянулась. А потом...

Он зажимает переносицу. Где это было? Все эти дни?

Он продолжает:

– Не знаю. Я стоял и наблюдал. Не знаю, как долго. Я с ней не разговаривал. Потом она прыгнула. Она прыгнула. Она сказала «ой». Это было!.. – Ему что-то приходит в голову, и он вздрагивает. – Должно быть, она порезалась! На моей стене. И уронила свой телефон. Она уронила телефон и снова взяла его. И убежала. Она сказала: «Спасибо, Клайв» – и убежала.

– Клайв? – переспрашивает Анджела.

– Да. Я не знаю. Не знаю, почему, но она назвала меня Клайвом. Должно быть, приняла меня за кого-то другого.

Он замечает, как инспекторы Керри и Генри переглядываются.

– Она убежала? – задает вопрос инспектор Керри.

– Да! – волнуясь, говорит Оуэн. – Она прыгнула. Она ойкнула. Уронила свой телефон. Подняла его. Сказала: «Спасибо, Клайв». И убежала.

Он чувствует прилив эйфории от того, что сумел восстановить недостающий отрезок времени между тем, как он увидел ее у дома бегуна в лайкре, и тем, как она бежит по улице и ее резиновые подошвы глухо стучат о холодный, сухой тротуар.

– А женщина на другой стороне улицы?

– Я не помню. Я не... Она была...

И вот он, найден, как старая фотография, упавшая за спинку дивана: недостающий фрагмент.

– Она разговаривала с мужчиной, который живет на другой стороне улицы. Тем, что занимается бегом. Ну, вы знаете, с психологом. Она говорила с ним. Она кричала. Она плакала. Вот и все, – говорит Оуэн. – Насколько я помню.

В комнате воцаряется тишина. Инспектор Керри что-то пишет на листе бумаги. Затем откашливается.

– Что ж, спасибо, что вспомнили, Оуэн. Хотя, если честно, это кажется мне весьма странным после стольких дней вашего молчания.

– Это потому, что вы сказали о женщине. Я знал... я вроде как знал, что чего-то не хватает. Но я не мог вспомнить, пока вы не сказали

об этой другой женщине.

– Это называется фрагментарным затемнением, – говорит Барри и выпрямляется. – Такое часто бывает после пьянства. Утерянные воспоминания всплывают благодаря тому, что кто-то восполнил недостающую деталь.

Оуэн поднимает взгляд на Барри. В нем появилось что-то новое. В его манере поведения, в тоне его голоса. Какая-то мягкость, какой не было раньше. Заинтересованность. «Как будто, – думает Оуэн, – Барри мне верит».

Инспектор Керри просматривает свои документы.

– Мы кого-нибудь отправляли на крышу гаража? – спрашивает она инспектора Генри.

Инспектор Генри сверяется со своими документами, быстро листает их.

– Я не уверен, – говорит он. – Я проверю.

Инспектор Керри медленно кладет руки поверх бумаг и смотрит на Оуэна. Она говорит:

– Извините, пожалуйста, мы скоро вернемся.

Когда они выходят из комнаты, Барри поворачивается к Оуэну и впервые с того момента, как Оуэн в пятницу утром был доставлен для допроса, улыбается.

– Хорошая работа, – говорит Барри. – Очень хорошая работа. А теперь посмотрим, с чем они вернутся.

Телефон Кейт на кухонном столе начинает вибрировать. Она берет его и смотрит на экран. Это Илона, мама Тилли.

– Кейт?

– Да, – отвечает Кейт. – Привет!

– Привет. Это Илона. Хотела узнать, найдется ли у вас минутка поговорить?

– Да, – отвечает она. – Да. Разумеется.

– Я говорила с Тилли. Вчера вечером. О том, что произошло. Она очень расстроилась. Думаю, она в некотором роде была шокирована тем, что я снова подняла эту тему. По-видимому, Тилли считала, что она закрыта. Она все время говорила: «Ну почему ты спрашиваешь меня об этом, почему ты спрашиваешь?» Но, Кейт, она расплакалась, а затем сказала: «Я не могу тебе сказать, я не могу тебе сказать». И я спросила: «Что именно»? И она сказала: «Это ужасно. Я не могу». Она сказала... и здесь я отчасти читаю между строк, потому что она несла полную бессмыслицу, но, мне кажется, она пыталась сказать, что это действительно произошло. Что это произошло и что она знает человека, который это сделал. Но она казалась напуганной, Кейт, слишком напуганной, чтобы сказать мне, кто это был.

Мысли Кейт головокружительной спиралью возвращаются к вечеру двадцать первого января. Тилли на кухне. Кастрюля с карри на плите. Джош говорит: «Я настроен на что-нибудь острое». Тилли уходит. Все четверо садятся есть. Их ведь было четверо, так? Она щурится, пытаясь представить картинку: Керри, стол, Джорджия, Роан, Джош. Они уже сели ужинать, когда вернулась Тилли? Нет, было слишком рано. Должно быть, она все еще накрывала стол или подавала еду. Кейт не может вспомнить, кто тогда был в кухне. Она точно знает, что Джорджия там была. Роан и Джош, должно быть, тоже были там. Кейт почти уверена в этом.

Но когда она думает об этом, то чувствует, как на нее наползают сомнения и начинает затуманиваться память.

– Хорошо, – бодро отвечает она Илоне. – Спасибо, что сообщили мне об этом.

– Но кто? – спрашивает Илона с ноткой отчаяния в голосе. – Если это случилось?.. Если так и было, и она боится сказать? Кто это мог быть?

– Понятия не имею, Илона. Честное слово, извините.

– Как вы думаете, может, мне следует снова пойти в полицию?

– Господи, я действительно не знаю. Похоже, Тилли не готова об этом говорить...

– Но, если они расследуют дело этого типа, который напал на женщину за агентством недвижимости, это может быть... это может быть тот самый тип, ведь так? И они должны знать?

– Я, честное слово, не знаю, я, правда...

– Я боюсь, Кейт. Что, если этот тип... если он все еще разгуливает на свободе и преследует Тилли? Если она знает нападавшего, то он может знать, где она живет, где мы живем? Что мне делать, Кейт? Что мне делать?

Желудок Кейт тревожно урчит. Она отрывает телефон от уха, делает глубокий вдох, затем снова подносит телефон к уху и говорит:

– Извините, Илона. Примите мое искреннее сочувствие, но мне пора идти. Еще раз извините.

На этом она заканчивает разговор.

Ланч – сэндвич с тонким ломтиком ветчины, сырая морковь, апельсиновый сквош, черничный кекс. Да, могли обойтись и без черники. Оуэн выковыривает ягоды и оставляет их на краю подноса.

С сегодняшнего утра атмосфера изменилась, после того как Оуэн вспомнил недостающую часть ночи четырнадцатого. Он почти уверен: его воспринимают не как извращенного детоубийцу, а скорее как того, кто на самом деле этого не делал. Но затем его мысли возвращаются к утренним газетам, к фальшивой истории, подброшенной Брином. Что бы ни происходило здесь, в этих стенах, как бы скоро ему ни разрешили вернуться домой, а обвинения будут сняты, и, возможно даже, он удостоится пары сочувственных рукопожатий от инспектора Керри и инспектора Генри, независимо от того, что произойдет здесь, прежде чем он вернется домой, он все равно останется в глазах людей типом с первой полосы газет, с окровавленным лбом, якшающимся с инцелами и хранящим наркотики в ящике для нижнего белья. Он останется типом, который обозвал незнакомую женщину сукой и под окнами которого обнаружили кровь девушки. Станным типом, которого вытурили с работы за то, что он брызгал потом на девушек на дискотеке. Он всегда будет Оуэном Пиком, немного чокнутым типом, извращенцем, который, возможно, и не убивал Сафайр Мэддокс, но, черт возьми, что-то там сделал.

Дверь открывается, и полицейские возвращаются. Они аккуратно садятся и смотрят на Оуэна. Инспектор Керри говорит:

– Да, мы отправили человека на крышу гаража. И только что получили первые данные. Следы, похожие на кроссовки Сафайр. Ее отпечатки пальцев на водостоке. Никаких свидетельств того, что вы там были. Но, Оуэн, мы не можем поверить вам на слово относительно того, что случилось той ночью. Мы не готовы исключить вас из числа подозреваемых. Даже близко не готовы. Пока. Если вдруг вы вспомните что-то еще, пожалуйста, поделитесь этим с нами.

Они берут свои папки с бумагами и уходят.

Оуэн смотрит на Барри и выдыхает.

– Мы приближаемся к цели, – говорит Барри. – Мы приближаемся к цели. – А затем добавляет: – О, кстати, Тесси только что переслала мне кое-что. Электронное письмо. Не хотите его прочитать?

– Э-э-э... да. Конечно.

Барри включает свой смартфон и через стол протягивает его Оуэну. Письмо от Дианы.

«Дорогая Тесси!

Большое спасибо за письмо, касающееся вашего племянника Оуэна. Хотя я в День святого Валентина провела с Оуэном очень приятный вечер, думаю, в моей жизни сейчас достаточно дел, чтобы взваливать на себя еще одно. Я понятия не имею, как относиться к его аресту или газетными сообщениями о его биографии и случившейся с ним истории. Они плохо вяжутся с человеком, с которым я ужинала, мягким, воспитанным, внимательным. Но, с другой стороны, люди умеют скрывать за тщательно придуманными масками немало темных вещей, не так ли? Мне печально, что вы сейчас вынуждены пройти через все это, и я надеюсь, ради вас и ради Оуэна, что все это пройдет и его арест окажется ошибкой. Пожалуйста, передайте ему, что я думаю о нем, но в свете сложившейся ситуации я пока не могу делать никаких дальнейших шагов. Желаю вам всего наилучшего,

Ваша Диана Вурт».

Оуэн перечитывает письмо дважды. Его взгляд останавливается на словах надежды. Он отмечает, что Диана нигде не говорит, что считает его способным на убийство. Нигде не говорит, что никогда больше не захочет его видеть. Нигде не говорит, что ненавидит его или в ужасе от содеянного им. Он думает, что это луч света. Нечто такое, за что можно держаться.

Джош возвращается из школы поздно вечером. Он, как всегда, идет прямо в кухню и обнимает Кейт. Его лицо все еще холодное с улицы.

– Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – говорит она, и собственные слова кажутся ей неискренними. Затем, прежде чем он выйдет из комнаты, прежде чем ей изменит храбрость, Кейт спрашивает: – Джош, можно вопрос? Немного странный вопрос?

Сын поворачивается и смотрит на нее. Он как будто похудел за последнее время, отмечает она, лицо, и без того довольно худощавое, сильно осунулось.

– Да?

– Я была вчера в твоей комнате.

Глаза сына слегка вылезают из орбит, едва заметно, но достаточно, чтобы выдать его тревогу.

– Да?

– Забирала в стирку грязное белье. И за корзиной была сумка. А в ней лежало что-то из отцовского спортивного снаряжения. Есть идеи, откуда там взялись эти вещи?

На миг воцаряется молчание. Но затем Джош говорит:

– Я ходил на пробежку.

– На пробежку? Когда?

– Не помню. Несколько раз.

Кейт закрывает глаза и думает о том, как он двигается, ее второй ребенок, всегда так медленно. Вечно отстает на несколько шагов. Она вспоминает, как бывала вынуждена бесчисленное количество раз останавливаться на тротуаре и ждать, пока он ее догонит, когда он был малышом.

«Хватит ползти, – говорила она. – Догоняй!» И даже сейчас, вымахав почти до шести футов, он все еще движется со скоростью улитки. Он все делает медленно. Кейт не может представить, чтобы он бегал.

– Правда? Ты бегал? – спрашивает она.

– Да. Почему бы нет?

– Потому что... я не знаю. Ты не из породы бегунов.

– Хм. Люди меняются, верно?

Она вздыхает.

– Наверно, да. Но вот странная вещь. Я не стирала комплект для бега. Оставила его в пакете. А теперь его там нет, и твой отец снова носит его и говорит, что нашел его в своем ящике.

Джош пожимает плечами.

– Да. Я его постирал.

– Ты его постирал?

– Да.

Она снова закрывает глаза.

– Поправь меня, если я поняла неправильно. Ты одолжил у отца комплект, чтобы побегать. Даже не сказав мне, что собираешься бегать. Ты оставил его в пластиковом пакете в задней части гардероба. Потом достал, постирал, высушил, положил обратно в папин ящик?

– Да.

– Я не понимаю, Джош. В этом нет никакого смысла.

– В чем нет смысла? В этом есть смысл.

– Нет, Джош. Нет. Никакого смысла нет. И я за тебя беспокоюсь. Как будто ты что-то от меня скрываешь.

А потом Джош делает нечто такое, чего никогда не делал. Он орет. Он открывает рот, рычит и орет на нее.

– Ну, хорошо. Черт возьми. Ладно. Я описался. Ясно? Я бегал и не знаю, почему. Не знаю, почему, поняла? Но я описался. И я никому не мог сказать, чтобы не чувствовать себя идиотом. Поэтому я просто засунул комплект спортивной одежды в сумку и спрятал, пока не успел постирать. Ясно? Теперь ты счастлива?

Кейт слегка покачивается после вспышки сына. Но потом идет к нему, обнимает и говорит:

– Извини. Я не хотела давить на тебя. Не хотела ставить тебя в неловкое положение. Извини. Все хорошо.

Она чувствует, как его руки обнимают ее, как его лицо утыкается ей в плечо, и она понимает, что он плачет. Джош говорит:

– Мам. Я так виноват, – говорит он. – Я так виноват перед тобой. Я так сильно люблю тебя. Я действительно тебя люблю.

Она гладит его по затылку. Она шепчет ему на ухо:

– Все в порядке, Джош. Ничего страшного, ты можешь мне сказать, что происходит. Ты можешь сказать мне. Ничего страшного.

– Я не могу тебе сказать, – говорит он. – Просто не могу. Никак.

С этими словами он вырывается из ее объятий и выходит из комнаты.

Сафайр

Около восьми часов вечера в День святого Валентина я получила от Джоша сообщение. Вот что в нем говорилось:

«Назревает буря дерьма! Алисия отправила моему отцу валентинку, и Джорджия ее только что открыла. Ее еще никто не читал. Не знаю, что, черт возьми, делать».

Я ответила: *«Сожги».*

Он сказал: *«Не могу. Отец знает, что она здесь. Я собираюсь вызвать его на разговор».*

Он прислал мне фотку текста на открытке. Там говорилось:

«Я не могу больше ждать. Я умираю. Оставь ее сейчас, или я убью себя».

Я подумала: Господи, какая актриса! И еще: как этих людей берут на работу, на которой им разрешено копаться в детских головах?

Я ответила Джошу: *«Ничего не делай. Просто подожди».*

«Нет», – ответил он. – Пора».

Мое сердце забилося быстрее. Меня даже странным образом замутило, как будто в опасности оказалась моя семья, а не чья-то еще.

После этого я не получала ответа от Джоша несколько часов. На улице было холодно и сыро, моросил мелкий дождь, и я подумала, что не горю желанием спать сегодня ночью на улице, поэтому я надела свои теплые спортивные штаны, съела разогретую в микроволновке лазанью и посмотрела по телевизору «Влюбленного Шекспира». Аарон вернулся около одиннадцати, и мы какое-то время поболтали. А потом от Джоша пришло сообщение: *«Она здесь! Алисия здесь! В нашем доме! Она совсем сбрендила! Ты можешь прийти?»*

– Я забегу на минутку к подружке, – крикнула я Аарону в кухню.

– К какой подружке? – крикнул он в ответ.

– Из школы. Живет в Хэмпстеде. Я скоро вернусь, хорошо?

Я была у дома Роана примерно в одиннадцать пятнадцать. Вокруг как будто тихо. Я написала Джошу: *«Я на улице. Что там у вас?»*

«Думаю, я избавился от нее», – ответил он.

«А что твои родители?»

«Их нет», – ответил он.

Я написала: «Я буду следить».

Я завернула за угол и уселась на стену. Все было тихо. Минут через пятнадцать я увидела, как Роан и его жена вернулись домой. Они, похоже, были навеселе, вполне довольны и держались за руки. Затем на какое-то время снова стало тихо.

Я написала Джошу: «Думаю, она ушла домой. Здесь ее нет. Подожду до полуночи, хорошо?»

Он ответил: «Ты лучшая».

Я ответила смайликом с веселой улыбкой и вторым, с медалью.

Прошло еще пятнадцать минут. Мимо, держась за руки, прошла какая-то парочка. В другой руке женщина держала розу. Потом прошел мужчина с маленькой белой собачкой. Затем прошла женщина, уткнувшаяся в свой телефон.

А затем я периферийным зрением уловила какое-то движение. Прямо перед входной дверью Роана стояла женщина. В руке у нее был телефон. Она повернулась вполоборота, и я увидела, что это Алисия.

Я перешла улицу и оказалась у дома Роана.

– Алисия! – шепотом позвала я ее. Она повернулась и посмотрела на меня. Мне было видно, что она заплакана и пьяна.

– Да? – откликнулась она.

– Что бы вы ни задумали, не делайте этого. Ладно? – сказала я.

– Я тебя знаю? – спросила она.

– Раньше я была пациенткой в Портман-центре. Я знаю Роана. И я знаю, чем вы с Роаном занимались.

– Это не твое дело, – огрызнулась она.

– Верно, – согласилась я. – Не мое. Но Джош – мой друг. Если вы сделаете то, о чем думаете, вы разрушите его жизнь.

Она отвернулась от меня и снова пошла к двери.

– Не делайте этого, Алисия, – сказала я. – Пожалуйста!

Затем я услышала шаги, доносившиеся с другой стороны улицы. Я повернулась и увидела, что к нам идет какой-то мужчина. Он шел, немного покачиваясь. Шаркал ногами. Когда он подошел ближе, я увидела, что это Клайв. Или Оуэн. Или как там его звали. Я снова

посмотрела на Алисию. Я сложила на груди руки. Я в упор посмотрела на нее.

– Пожалуйста, Алисия, идите домой!

Как только я это сказала, дверь открылась, и появился Роан. Я метнулась к другой стороне садовой калитки, чтобы меня не было видно. Я слышала, как Алисия сказала что-то вроде:

– Ты не можешь так поступить со мной, Роан.

Затем ее голос стал еле слышен, как будто кто-то зажал ей рот рукой, а потом я увидела, как Роан выталкивает ее из своего палисадника на улицу. Я хотела посмотреть, что происходит, но с того места, где я стояла, мне ничего не было видно. Я повернулась и увидела чувака по имени Клайв, или Оуэн, или как его там, он стоял возле своего дома и смотрел на происходящую драму. Я бросилась к нему.

– Клайв, – сказала я, – мне нужна твоя помощь. Подсади меня на эту крышу. Быстрее.

И, благослови его Бог, он сделал то, о чем я его просила, и поднял меня туда. И тогда я все смогла увидеть.

Я достала телефон и все записала. Алисия совсем обезумела. Она была Роана, а он не сопротивлялся. Она говорила всякую чушь о том, что она собирается убить себя, и это будет его вина, а он просто продолжал хватать ее за запястья и повторял: «Тише, тише, прошу тебя, пожалуйста, Алисия, тише. Пожалуйста. Боже». Мне было видно: Роана больше заботило, что его жена все узнает, чем покончит с собой Алисия или нет. А она кричала все громче и громче, и я видела, как он рукой зажал ей рот. Я видела, как она укусила его за руку, и видела, как он ударил ее. Она попыталась дать ему пощечину, но он схватил ее за руки и с силой оттолкнул от себя, она упала. Мои руки дрожали. Это было ужасно. Все равно что наблюдать за животными.

Когда Алисия, наконец, ушла, я увидела, что Роан просто стоит на тротуаре, раскачиваясь взад и вперед. Я сняла на телефон, как он идет назад к дому.

Но тут меня окликнул Клайв.

– Я ухожу, – сказал он.

– Подожди, подожди, помоги мне спуститься! – крикнула я.

– Мне пора спать, – сказал он.

– Нет, Клайв, подожди.

Он, похоже, собрался уйти и оставить меня там, поэтому я спрыгнула, но неправильно рассчитала высоту. В прыжке моя нога задела стену, и я почувствовала, как рвутся мои штаны. Я тяжело приземлилась на пятую точку и уронила телефон. От удара у меня перехватило дыхание. Я хватала ртом воздух, чувствуя, как через дырку в моих штанах сочится кровь, но мне удалось подняться на ноги. Я пошарила в траве, нашла упавший телефон, затем протолкнулась мимо Клайва и побежала следом за Алисией. Я хотела убедиться, что с ней все в порядке.

Я почти догнала ее, когда услышала щелчок и жужжание камеры наблюдения рядом с особняком за высоким забором, которая повернулась, чтобы наблюдать за мной. Я пригнулась и плотнее натянула на лицо капюшон толстовки, чтобы остаться невидимой.

Шедшая впереди меня Алисия зашагала быстрее. Она знала, что за ней следом кто-то идет. Я ускорила шаг, чтобы догнать ее. Но затем я снова пошла медленнее, когда услышала сзади чьи-то приглушенные шаги и увидела длинную черную тень идущего за нами человека.

Еще до того, как я увидела его лицо, я знала, чья это тень.

На следующее утро завтрак был такой – чуть теплая каша, маленький банан и какой-то непонятный сок – может, тропический? Оуэн думает, что, когда придет время вернуться домой, ему будет не хватать тюремной еды. Ему нравится тюремная еда. Это похоже на настоящую еду, но без ненужных прибабасов. Ему нравится, как она разложена на подносе, ему нравится не думать об этом. «Может, мне понравится тюрьма», – думает он. Может, он будет счастливее в тюрьме, чем в обычном мире, где ему приходилось принимать решения о еде, иметь дело с женщинами, которые смотрят на него так, будто он собирается их изнасиловать, беспокоиться о работе, о девушке? Может, такова его судьба? Вдруг полиция найдет тело Сафайр Мэддокс, разрезанное на куски, под его кроватью, и он внезапно вспомнит, что он действительно убил ее. И тогда дело закрыто, пожизненное заключение без права на условно-досрочное освобождение. Черeda безвкусных, бесконечных блюд на подносах до скончания века. Возможно, теперь, когда он стал бессердечным убийцей красивой молодой девушки, последовательницы культа странных женщин, желающих выйти за него замуж, толпятся в очереди. Возможно, это был бы лучший исход для всех сторон.

Оуэн передает пустой поднос полицейскому по ту сторону двери. Полицейского зовут Вилли. Он болгарин. Он совершенно лишен чувства юмора, что не очень хорошо для человека по имени Вилли.

Уже восемь часов. Похоже, день сегодня солнечный. Возможно ли, задается вопросом Оуэн, менее чем за неделю угодить в тюрьму? Он потерял реальное представление о том, какой была раньше его жизнь. Тот чувак, который стоял в ванной Тесси, намереваясь подстричь челку, кажется ему чужим, каким-то далеким воспоминанием. Чувак, который раньше каждый день ходил на работу и учил подростков программированию, тоже кажется чем-то вроде сна. Тот тип из газет, инцел, склонный к оплодотворению впавших в кому женщин, – это вымышленная версия. Единственная версия, которая кажется ему реальной, – это тот, кто сидит сейчас один в своей камере в Кентиш-Тауне. Несколько секунд он разглядывает солнечные углы,

нарисованные на стенах его камеры. Он испытывает странный момент надежды. Диана не считает его монстром. Этого достаточно. Это все, что ему нужно до конца его дней.

Его мысли начинают крутиться вокруг самих себя, улетая за пределы солнечной камеры, туда, где ему не нужно стричь челку в ванной Тесси, где нет запотевших окон его класса в Илинг-колледже, нет руки Тесси на его плече на похоронах матери, где его мать не сидит за кухонным столом, как будто она пьяна, но на самом деле мертва. Он мысленно возвращается к другой версии себя, симпатичному маленькому мальчику, который не желает улыбаться в камеру в студии модельного агентства. «Кто был этот малыш? – задается он вопросом сейчас. – Кем он был и как он здесь оказался?»

Он пытается вспомнить те моменты боли, которые могли довести его до этого. Он думает о разводе своих родителей, когда ему было одиннадцать лет. Развод, думает Оуэн, вреден для детей; это известно всем. Но было ли что-то особенное в том, как расстались его родители, что-то, что из всех бесчисленных возможных версий его личности могло привести именно к этой?

Он вспоминает дом в Уинчмор-Хилле, в котором они когда-то жили. Послевоенная постройка, облицованные каменной крошкой стены и крошечные окна, полная пауков веранда, темный комод, на котором стоит телефон, а рядом лежит блокнот, небольшая люстра. Его мать питала слабость к люстрам. Оуэн вспоминает, как она, прижимая к носу смятую салфетку, стояла на нижней ступеньке с телефоном в руке и разговаривала с подругой: «Я думаю, на этот раз все кончено, Джен. Честное слово».

Оуэн помнит запах сигаретного дыма, как тот поднимался вверх, туда, где он сидел на лестничной площадке. Оуэн вспоминает, как через минуту после окончания телефонного разговора спустился вниз и спросил:

– Что кончено, мама?

А она, улыбаясь, затушила сигарету и сказала:

– Ничего, Оуэн. Вообще ничего. А теперь возвращайся в постель. Тебе завтра в школу.

Но после этого он смотрел в оба, наблюдал за своими родителями, как ястреб, в надежде заметить то, что подскажет ему, что происходит на самом деле.

Внезапно по коже Оуэна пробегают мурашки. К нему возвращается воспоминание – воспоминание о том, о чем он думал все время, но потом, с тех пор, как умерла мать, не вспоминал годами, чтобы лишний раз не расстраиваться.

Он вспоминает, как однажды поздно вечером отец пришел домой с работы, и от него пахло лондонскими пабами. Оуэн увидел его с верхней площадки, увидел, как он уронил ключи на темный комод. Как расстегнул куртку. Увидел, как отец вздохнул, а затем расправил плечи, словно готовясь к чему-то.

– Рики? – раздался из гостиной голос матери. – Рики?

Его отец снова вздыхает и направляется к двери.

– Привет, любовь моя.

А затем, когда отец открыл дверь в гостиную, раздалась звуки музыки, но не музыки из телевизора, а странной, мечтательной музыки – какой-то американец пел что-то о жестокой игре.

– Привет, дорогой, иди в мой будуар, – сказала его мать.

И Оуэн на цыпочках спустился по лестнице, заглянул через перила и увидел мать. Она стояла в комнате, полной свечей, в каком-то странном наряде: нижнее белье с прорезанными в нем дырками, что-то на шее, каблучки высотой в четыре дюйма, губы покрашены красным, и, когда отец вошел туда, мать схватила его за галстук и потянула к себе со словами:

– Я хочу, чтобы ты трахнул меня, как шлюху.

А потом дверь закрылась, и из-за нее доносились звуки – сопенье, стук, приглушенные всхлипы и стоны, – но вскоре резко прекратились. Слышно было рыдание матери, а отец, застегивая брюки, вышел из комнаты. Лицо у него было красное.

– Веди себя как шлюха, – бросает он, – и я буду относиться к тебе как к шлюхе.

Его мать плачет:

– Рики. Пожалуйста. Прошу тебя. Я не могу без тебя. Ты мне нужен. Пожалуйста. Я сделаю все!

Тушь стекала по ее щекам. Одна грудь вылезла от низкого декольте бюстгальтера. Обвисшая. Сморщенная.

– Рики. Пожалуйста.

Его отец берет висящее в коридоре пальто. Берет ключи. Уходит.

Американец все поет о своей жестокой игре.

Входная дверь закрывается.

Через две недели отец Оуэна ушел навсегда. Дом был продан. Куплена квартира. Мать умерла. Отец ненавидел Оуэна. Жена отца ненавидела Оуэна. Тетка ненавидела его. Девушки его ненавидели. Он потерял работу. Его арестовали за убийство девушки. Он пристрастился к тюремной пище.

«Неужели все так просто?» – думает он. То, что он видел, как мать предлагала себя отцу? То, как отец бросил мать? Не это ли первопричина того, что с тех пор все пошло не так? Не отсюда ли его страх перед женщинами? Страх быть отвергнутым? Будь все так просто, наверняка это можно было бы стереть из памяти? Отредактировать историю жизни? А потом все начать сначала. Но как? Как ему вырезать тот момент? Оуэн понимает: есть только один способ стереть это воспоминание – добраться до сути. Достучаться до отца.

Оуэн идет к двери камеры и колотит по ней кулаками.

Вилли открывает окошечко.

– Да.

– Мне нужно позвонить, – говорит Оуэн. – Пожалуйста. Это очень срочно.

Вилли медленно моргает.

– Мне нужно узнать.

– Пожалуйста. Я еще не звонил. Мне разрешен один звонок. Я еще им не воспользовался.

Вилли закрывает окошечко и говорит:

– Я выясню. Ждите.

Через мгновение Вилли возвращается.

– Возьмите свои вещи, – говорит он.

– Какие вещи?

– Вашу одежду и туалетные принадлежности. Похоже, вас выпускают отсюда.

– Что? Я не?..

– Я тоже не знаю. Я лишь говорю то, что мне сказано. Пожалуйста, соберите свои вещи. Быстрее. Пора идти.

– Я не понимаю. Что случилось? Они ее нашли?

– Быстрее.

Оуэн собирает вещи. Он смотрит на золотистые тени на стене камеры, на вмятину в матрасе, на аккуратно сложенное одеяло. Он смотрит на квадрат голубого неба в окне камеры. Он думает о часах, проведенных в этой комнате, которая так похожа на единственное спокойное место, которое он когда-либо знал. И все же теперь он свободен от нее.

Но одно он знает с ослепляющей точностью: он не вернется в ту, другую жизнь. Он не вернется в квартиру Тесси с ее запертыми дверями. Он больше не станет тем, кого окружающие сочли способным к изнасилованию и убийству. Он не вернется ни на форумы инцелов, ни в грязноватые пабы, он не будет пить там с разъяренными женоненавистниками.

Вилли открывает дверь. Оуэн молча следует за ним по коридорам, через комнаты, где люди возвращают ему вещи и просят подписать какие-то бумаги. Затем он выходит на улицу. Он на тротуаре в Кентиш-Тауне. Сегодня яркое солнце, теплое солнце, дыхание весны, дыхание новой жизни.

Оуэн проверяет свой бумажник, смотрит, на месте ли банковская карта и наличные деньги, затем поднимает руку и останавливает такси.

Кейт в полицейском участке Кентиш-Тауна вместе с Джошем. Она не сказала Роану, что они здесь. Она не сказала Джорджии. Сегодня утром Кейт позвонила в школу Джоша и сказала, что ему срочно нужно к врачу. Она кладет сумочку на колени и нервно кашляет, наблюдая, как каждые несколько секунд двери перед ней распахиваются и закрываются. Полицейские в форме и в штатском спешат мимо, держа в руках папки, сумки, стаканчики кофе, телефоны. Кейт поворачивается к Джошу.

– С тобой все в порядке?

Сын нервно кивает. Он выглядит так, будто каждая частичка его существа сопротивляется желанию вскочить и убежать. Наконец, через пятнадцать минут к ним выходит инспектор Керри.

– Здравствуйте, миссис Форс, – говорит она. – Большое спасибо, что пришли. Ты Джош?

Джош кивает и пожимает ей руку.

– Пожалуйста, идите за мной. На наше счастье, мне удалось заполучить для нас комнату для допросов. По какой-то причине сегодня все здесь безумно заняты.

Они идут за ней по коридору к двери. Она стучит, и кто-то отвечает.

– Это мой напарник, инспектор Джек Генри. Мы вместе расследуем дело об исчезновении Сафайр Мэддокс. Садитесь, пожалуйста. Кофе? Чай?

Кто-то идет за водой, а затем инспектор Керри улыбается каждому по очереди и говорит:

– Итак, Джош, твоя мама говорит, что у тебя может быть какая-то информация о местонахождении Сафайр Мэддокс.

Кейт смотрит на Джоша. Он качает головой, затем кивает.

– Я не знаю, где она, – говорит он. – Я просто знаю, что случилось. Вот и все.

– И что случилось?

– Да. Ночью. В День святого Валентина. И я знаю, что это никак не связано с тем чуваком из дома напротив. Я это точно знаю. Но я не

знаю, где она. Я не знаю, где Сафайр.

Кейт видит, как двое полицейских обмениваются взглядами. Инспектор Керри поворачивается и ласково улыбается Джошу.

– Значит, ты был там? Поздно вечером в День святого Валентина?

У Кейт перехватывает дыхание. Джош уже рассказал ей об этом, и она знает, что будет дальше, и думает, что во второй раз будет еще хуже.

Он пришел к ней сегодня утром, в ее комнату. Присел в изголовье ее кровати и сказал:

– Я должен тебе сказать одну вещь. Что-то очень плохое.

Кейт уронила салфетку, которую только что выжала, чтобы вытереть лицо, и села рядом с ним на кровать.

– Рассказывай, – произнесла Кейт.

И он рассказал.

И ее мир рассыпался на мелкие осколки.

Инспектор Керри продолжает:

– А что ты видел?

Джош смотрит на нее.

– Я не просто видел, – говорит он. – Я был частью этого. Я и Сафайр. Мы пытались кое-что предотвратить. Но все пошло не так. А потом она просто убежала. Она убежала. И я не знаю, где она прячется. Она не отвечает на мои сообщения, и я боюсь, что с ней случилось что-то плохое. Я даже боюсь подумать, что.

Инспектор Керри делает медленный вдох и снова улыбается своей слегка деревянной улыбкой.

– Хорошо, Джош, – говорит она, – я думаю, здесь мы забегаем вперед. Пожалуй, будет лучше, если ты начнешь с самого начала. С того момента, когда ты впервые встретил Сафайр. Как ты с ней познакомился. Такие вещи.

Джош бросает быстрый взгляд на Кейт и осторожно кладет руки на стол.

– Она ночевала на строительном участке. Через дорогу. Я иногда заходил туда. Просто для уединения. Чтобы побыть одному. Ну, вы понимаете. И там была лиса.

– Лиса?

– Да. Почти прирученная. Точнее, лис. Я любил сидеть с ним. И вот однажды вечером я зашел туда, чтобы увидеть лиса, а она была

там. Сафайр. И она сказала мне, что была пациенткой моего отца.

– Она сказала тебе, почему она была там?

Джош смотрит на Кейт. Она ободряюще сжимает его руку.

– Она была там, потому что тайно следила за моим отцом. Следила за нашей семьей. Я правда не знаю, почему. Я думаю, у нее были проблемы. Типа, клаустрофобия или что-то в этом роде. Она не могла спать в собственной постели. Поэтому она спала на улице под открытым небом.

– Как ты думаешь, откуда у нее такая заикленность на твоём отце?

Кейт снова сжимает его руку.

– Я думаю, сначала это было потому, что ей казалось, будто он ее бросил. Она ведь лечилась у него около трех лет. Она тогда была ребенком. А потом ей показалось, что он оттолкнул ее, не долечил. И она не была готова уйти. И начала ходить за ним следом и наблюдать за ним. Хотела по-прежнему быть частью его жизни. А потом, наблюдая за ним, поняла, что он... – Джош нервно сглотнул. – Что у него роман с другой женщиной.

Кейт чувствует, как ободряющая улыбка застывает на ее лице.

Кейт вспоминает, как ее замутило, когда Джош сегодня утром сказал ей об этом. Она как будто получила удар кулаком в грудь, за которым последовало тошнотворное, изнуряющее чувство неизбежности всего происходящего. Конечно, у Роана был роман. У Роана, наверное, всегда были романы. Он изменял ей. Все три десятилетия их совместной жизни. Непрерывная череда романов, от Мари и до Алисии. Конечно, подумала Кейт. Конечно.

– А потом, – продолжает Джош, – мне кажется, она заиклилась на нем, на том, что он делал, и на нас, на его семье. Она как будто присматривала за всеми нами. Но тем вечером, в самый первый раз, когда мы встретились, мы с ней говорили. Это было невероятно. Мы просто открылись друг другу. Мы говорили целую вечность. У нее все эти проблемы были из-за того, что случилось с ней в детстве. И у нее была идея, как вылечить себя. А я сказал, что помогу ей. И тогда все с самого начала... пошло не так...

– Пошло не так?

– Да. Совсем не так.

Дом отца Оуэна выглядит точно так же, как и дом, в котором они жили в Уинчмор-Хилле: послевоенная застройка, маленькие свинцовые окна, палисадник, веранда, через цветное стекло окошка над входной дверью проникают солнечные лучи. Раньше Оуэн никогда здесь не был. Просто писал адрес на поздравительных открытках ко дню рождения и на Рождество. Он платит таксисту и идет вверх по тропинке. Отец раньше работал на госслужбе, но сейчас он на пенсии.

Оуэн нажимает кнопку звонка, и тот блямкает. Оуэн откашливается и ждет. За матовым стеклом входной двери появляется тень. Оуэн делает глубокий вдох, надеясь, что это отец, а не его жена. Дверь открывается, и да, это отец. Оуэн видит, как отцовское лицо раскалывается на сотни осколков, видит, как удивление на нем сменяется страхом и ужасом.

– Оуэн, боже мой, что ты здесь делаешь?

Отец выглядит старше, чем Оуэн его помнит. Отец вышел на пенсию только в прошлом году, но, похоже, с тех пор постарел лет на пять. Некогда пегие, самых разных оттенков коричневого, серебристого и белого, теперь его волосы почти полностью белые.

– Меня отпустили, – говорит Оуэн.

– Полиция?

– Да. Прямо сейчас. Они меня отпустили.

– И что? Выходит, ты этого не делал?

– Нет, папа. Нет. Конечно, я этого не делал. – Оуэн заглядывает через отцовское плечо. – Мне можно войти?

Отец вздыхает.

– Честно говоря, сейчас не самое подходящее время, Оуэн.

– Папа, давай посмотрим правде в глаза: у тебя никогда не бывает подходящего времени. Никогда. Но я тебе вот что скажу: я провел почти неделю в полицейском изоляторе, меня допрашивали о преступлении, которого я не совершал. Меня хлестали по лицу на первых страницах всех газет, на меня клеветали люди, которые меня даже не знают. А теперь меня оправдали, сказали, что я свободный

человек, что я не сделал ничего плохого и меня можно выпустить на свободу. Так что, возможно, для меня сейчас самое подходящее время.

Отец слегка опускает голову. А когда поднимает ее снова, его глаза слезятся.

– Тогда заходи, – говорит он. – Но у меня мало времени. Мне правда очень жаль.

В доме тепло. Каждая стена окрашена в свой цвет. На стенах неоновые таблички: «К ДЖИНЕ СЮДА», «ЛЮБОВЬ», «НАШ ДОМ». Радуга. Единорог, вставая на дыбы, меняет цвет.

– Джина любит все яркое, – говорит отец, ведя Оуэна в гостиную. Здесь небольшое эркерное окно, ставни, розовые бархатные диваны, заваленные вышитыми подушками – в основном на них животные из джунглей, – и снова таблички. – Садись, – говорит отец. – Пожалуйста.

Он не предлагает Оуэну выпить. Но Оуэну без разницы.

– Папа, – говорит он. – Я много думал, пока сидел взаперти. О том, как я попал в такое положение. Как я стал таким, какой я есть. Ну, ты понимаешь?

Отец пожимает плечами. На нем серый джемпер и темно-синие брюки, и со своими седыми волосами он выглядит незакрашенным пятном посреди ярких красок комнаты.

– Ты знаешь, о чем я говорю, папа. Ты знаешь, что со мной всегда было что-то не так. С самого детства. Но я больше не маленький мальчик. Я мужчина. Мне тридцать три года. Почти тридцать четыре. Худшее, что могло случиться с невиновным человеком, случилось со мной из-за того, что я такой. И ты бросил меня. Ты позволил мне уйти от тебя той ночью. Ты не остановил меня, восемнадцатилетнего парня, который только что похоронил мать, ты дал мне уйти. Почему ты дал мне уйти?

Отец слегка ерзает на розовом бархате дивана.

– Мне казалось, так будет лучше. Сам понимаешь. Та квартира была слишком мала для всех нас. У нас был маленький ребенок. Ты бы чувствовал себя неуютно...

– Я чувствовал себя неуютно, потому что знал, что мне здесь не рады. Совершенно не рады.

– Что ж, возможно, в этом есть доля правды. Но с моей стороны не было ничего личного. Просто ситуация, в которой оказались все мы. И когда Тесси сказала, что возьмет тебя...

– Но ты ведь знаешь, какая Тесси, пап. Ты знаешь, что я ей никогда не нравился. Она не пускает меня в свою гостиную. Ты это знал? Мне нельзя переступать порог ее гостиной. А я ее племянник. Почему? Почему я тебе не нужен?

– Я сказал тебе, Оуэн. Ничего личного.

– Нет, папа, нет, с точностью до наоборот. Все было личным. Все. Все, что происходило со мной, было личным. Потому что я не нравлюсь людям.

– Прекрати, Оуэн, это чепуха. Ты мне нравишься. Ты мне очень нравишься.

– Пап, расскажи мне, что произошло между тобой и мамой. Почему вы расстались? Это из-за меня?

– Что? Нет! Боже упаси. Ты здесь ни при чем. Мы просто... мы не подходили друг другу. Вот и все. Ее было... недостаточно. С одной стороны. И слишком много – с другой. Она хотела еще одного ребенка. Но этого не случилось. И она ушла в себя. Очень глубоко ушла в себя.

– Знаешь, – медленно начинает Оуэн, – я однажды кое-что видел. Когда мне было лет одиннадцать. Я увидел маму в гостиной в соблазнительном нижнем белье. Горели свечи. Она затащила тебя в комнату. А потом...

Отец Оуэна вздыхает.

– Да, – признается он. – Я сказал ей. Я сказал ей, что ты можешь неожиданно войти. Я сказал ей, что это глупо.

– Ты назвал ее шлюхой. И после этого вы расстались. Она была шлюхой? Моя мама? Ты поэтому ушел от нас? – Оуэн знает ответ, разумеется, знает, но ему нужно услышать его из отцовских уст.

– Твоя мать? О боже, нет, конечно, нет!

– Тогда почему ты назвал ее шлюхой?

– О боже, Оуэн. Я даже не помню, чтобы я такое говорил.

– Ты сказал: веди себя как шлюха, и я буду относиться к тебе как к шлюхе.

Чувствуя, как подергивается мускул на его щеке, Оуэн ждет, как на это отреагирует отец.

– Я так сказал?

– Да. Ты так сказал.

– Что ж. Для нас это было не самое лучшее время. Ну, ты понимаешь. Мы отдалялись друг от друга. Она знала, что я встречался

с другой женщиной. Она была... полагаю, она была в отчаянии. Пыталась как-то удержать меня. А в отчаявшейся женщине есть что-то ужасное, Оуэн. Абсолютно ужасное.

Они оба на мгновение умолкают.

– Знаешь, я любил твою маму, Оуэн, – внезапно говорит отец. – Я очень ее любил. И тебя.

– Меня?

– Да. Оставив тебя, я погиб.

– Правда?

– А ты как думал. Ты был моим мальчиком. На пороге лучшей поры своей жизни. На пороге цветения. Но на меня давили обстоятельства. Джина не становилась моложе. Ей хотелось немедленно создать семью. Она тянула меня, да-да, сильно тянула, прочь от вас обоих. И теперь я понимаю, что тебе было нелегко.

– Значит, ты ушел не потому, что мама была шлюхой? Ты ушел, потому что Джина хотела, чтобы ты принадлежал только ей?

Отец кивает.

– По сути, да.

Оуэн пару секунд молчит, обдумывая услышанное.

– И ты дал мне уйти, когда мне было восемнадцать, потому что Джина хотела, чтобы это была только ваша с ней семья?

– Опять же, были и другие факторы. Но в целом да. С ее стороны было некое... давление.

Наступает еще одна пауза. Затем Оуэн говорит:

– Папа. Что ты думаешь о женщинах? Они тебе нравятся?

– Нравятся?

– Да.

– Конечно, они мне нравятся! Боже мой. Да. Женщины замечательны. И мне повезло, что две из них позволили мне разделить с ними мою жизнь. Я это к тому, посмотри на меня... – Он показывает на себя. – Согласись, я ведь не улов дня?

Рядом с дверью раздается шорох, Оуэн поворачивается и видит Джину. На ней черная атласная блузка с принтом темных цветов и узкие синие джинсы. Ее волосы выкрашены в цвет красного дерева и собраны в хвост. Ей уже под шестьдесят, но она все еще выглядит молодо.

– Ой, – говорит она. – Мне показалось, что я слышу голоса. Рики, – она смотрит на отца Оуэна, – что происходит?

– Они выпустили его, Джина. Этим утром. Сняли все обвинения. Он свободный человек.

– Понятно. – Она явно не знает, что сказать. – Значит, все хорошо?

– Конечно, хорошо! Просто замечательно!

– А все остальное? – спрашивает она, все еще стоя в дверях. – Девочки в колледже? Наркотики для изнасилования на свидании?..

– Джина...

– Нет, Рики. Это важно. Извини, Оуэн, но это так. Послушай. Я не очень хорошо тебя знаю, и мне очень жаль. Как ты знаешь, у меня – у нас – за эти годы было много проблем с Джексоном. Но нет дыма без огня, Оуэн. И даже если с тебя сняли обвинения в исчезновении той девушки, вокруг тебя по-прежнему очень много дыма. Слишком много.

Оуэн чувствует в груди жар, знакомый прилив гнева. Но он подавляет его, глубоко дышит. Оуэн поворачивается и смотрит на Джину так, как редко смотрел на женщину, ясными глазами и с открытым сердцем.

– Вы правы, Джина, – говорит он. – Я отлично понимаю, о чем вы говорите. Я долгие годы был далеко не лучшей версией себя, и я беру свою долю вины за все, что со мной произошло. Но то, через что я только что прошел, изменило меня. Я больше не хочу быть тем человеком. Я буду работать над собой.

Он видит брешь в обороне Джины. Едва заметный кивок подбородка.

– Что ж, это хорошо, – говорит она. – И наверно, ты мог бы для начала извиниться перед этими девушками. Теми, кого ты невольно обидел на дискотеке в колледже.

– Да, – говорит Оуэн. – Да. Я хочу во всем разобраться. Во всем. Я клянусь.

Джина кивает и говорит:

– Молодец. – Затем она на мгновение задумывается. – Но если ту девушку похитил не ты, то кто же тогда?

Оуэн моргает. Он даже не спросил. Он был настолько ошарашен неожиданной последовательностью событий, что просто ушел и ни разу не задался вопросом.

– Мой отец получил валентинку, – объясняет Джош инспектору Керри. – Моя сестра открыла ее, но мама выхватила ее и сказала, что это личное и сестра не должна была ее открывать. И моя мама и сестра даже повздорили. Сестра сказала маме, что ей должно быть интересно, кто присылает валентинки моему отцу. А потом мама спрятала валентинку в ящик. Когда она не видела, я прокрался и прочитал, что там написано. Валентинка была от нее. От той женщины. Алисии.

– И что там было написано? – уточняет инспектор Генри.

– Ну, как обычно. Мол, она нуждается в нем и не может без него жить.

– То есть ты подумал, что он собирается бросить ради нее твою мать?

Джош пожимает плечами.

– Думаю, да. И я... Я так разозлился на отца, когда увидел эту открытку. Мне было противно, что его делишки с той женщиной каким-то образом проникли в мой дом. В итоге я вызвал его на разговор.

– Когда это было?

– Тем вечером. В День святого Валентина. Отец вышел на пробежку, а я побежал за ним и остановил его на углу. У меня в руке была открытка. Я сказал: пап, что ты, черт возьми, делаешь? Если ты это сделаешь, ты убьешь маму. Ты ее убьешь! Но потом папа рассказал мне, что в тот день он пригласил Алисию на обед, чтобы сказать ей, что он не собирается оставлять маму ради нее. Что их роман закончился. И мы с папой обнялись, и я плакал, а он сказал, что ему очень стыдно, просто ужасно стыдно. Я спросил, что нам делать с этой открыткой. Я сказал: «Мы не можем выбросить ее, потому что мама знает, что она в доме. И, если открытка исчезнет, мама заподозрит неладное. Она догадается». И папа сказал: «Оставь это мне. Я разберусь. Оставь это мне». А потом они с мамой пошли ужинать, а я и Джорджия были дома, и около одиннадцати часов раздался звонок в дверь, я подумал, что это мама и папа, забыли свои ключи, но это были не они, это была она. Алисия. И она была страшно пьяна. Она плакала

и повторяла: «Впусти меня, впусти меня. Я хочу его увидеть. Впусти меня!» А я сказал: «Его здесь нет. Он гуляет с мамой». Я сказал ей, чтобы она отвалила. Чтобы оставила нас в покое.

– А где была твоя сестра, когда все это происходило?

– Она была в своей комнате, на другом конце коридора, смотрела на своем айпаде фильм и поэтому ничего не слышала.

Инспектор Керри записывает его слова и кивает Джошу, чтобы он продолжал.

– Тогда я позвонил Сафайр, чтобы рассказать ей, что происходит. Она сказала, что придет.

– Почему она так сказала?

Джош пожимает плечами.

– Как я уже сказал, мы просто поддерживаем друг друга. Мы друзья. Я помогал ей. Она помогала мне. – Он берет стакан с водой и снова ставит его. – Она добралась до нашей улицы примерно в одиннадцать пятнадцать. Сафайр написала мне, что она на улице и там все тихо. Алисии нет. Она сказала, что останется и присмотрит за этим местом. А минут через пятнадцать я услышал, как вернулись мама и папа, и подумал, ну все. Что все кончено. Но через несколько минут я услышал за окном своей спальни голоса и увидел в палисаднике папу, а потом увидел, как он вытаскивает кого-то на тротуар. Ее. Алисию.

Я тогда не знал, где была Сафайр. Я подумал, может, она просто ушла домой. А через несколько секунд я увидел, как мимо нашего дома пробегает Алисия. Мне показалось, будто она плачет. А потом внезапно я увидел бегущую за ней Сафайр. Это был последний раз, когда я видел Сафайр. Бегущей за Алисией.

Джош откашливается и делает глоток воды.

– А куда делись Сафайр и Алисия? Ты знаешь? – спрашивает инспектор Керри.

Джош качает головой.

– Понятия не имею. Но Сафайр позвонила мне позже, примерно в час ночи. Сказала, что не может сказать мне, где она находится, но она сделала что-то, причем очень плохое, и ей нужно на время скрыться, потому что она напугана. Она сказала никому не рассказывать, ни полиции, ни даже ее дяде. После этого она выключила свой телефон. Я не мог с ней связаться. Но... – Джош заламывает руки, и Кейт ласково гладит их. – Сафайр за кем-то охотилась. Она охотилась за парнем,

который что-то с ней сделал, когда она была ребенком. Она выяснила, где он живет, и следила за ним. Она была убеждена... мы оба были убеждены... что он явно имеет отношение ко всем нападениям в этом районе. Ну, тот тип, который хватал женщин.

Инспектор Керри удивленно смотрит на Джоша.

– Понятно, – говорит она. – Ладно. Но ты хотя бы представляешь, кто это мог быть?

– Она велела никому не говорить. Никому и никогда. Но теперь я волнуюсь, что он с ней что-то сделал. Потому что она уже должна вернуться. Если бы ей ничего не грозило, она бы вернулась, правильно?

– Кто, Джошуа? Кто, по твоему мнению и по мнению Сафайр, нападает на женщин в этом районе? – мягко спрашивает инспектор Керри.

Джош вздыхает. И пока он обдумывает ответ, наступает момент гнетущей тишины. Кейт в упор смотрит на Джоша.

– Парень по имени Харрисон Джон, – наконец отвечает он. – Он живет на Альфред-роуд, ближе к Чок-Фарм. Ему лет восемнадцать. Он сделал больно Сафайр, когда она была ребенком, и теперь она думает, что он делает больно другим женщинам.

Оба инспектора переглядываются. Инспектор-мужчина встает и выходит из комнаты, а инспектор Керри вновь поворачивается к Джошу.

– Спасибо, Джош, – говорит она. – Большое спасибо. Инспектор Генри сейчас займется этим вопросом.

– Есть еще одна вещь. Просто... – Джош проводит ладонями по лицу. – Я... – Он смотрит на инспектора Керри. – Я тоже следил за ним.

Он смотрит на Кейт. Та широко распахивает глаза – сын не говорил ей об этом раньше.

– Меня попросила об этом Сафайр, когда позвонила мне в час ночи. Она сказала, что не сможет вернуться, пока полиция не поймает его, Харрисона Джона. Она сказала, что боится, что он убьет ее. Она попросила меня и дальше следить за ним, пока я не застукаю его на месте преступления, пока не получу неопровержимые доказательства, что нападения совершал он. И я бегал по вечерам и следил за ним. Ждал, что он что-то сделает. Что угодно.

Кейт тяжело сглатывает. Ее переполняют смешанные чувства: гордость, страх, ужас, любовь. Ей кажется, что она вот-вот утонет в них.

– Потом несколько дней назад я услышал, как он по телефону говорил кому-то, что встречается с девушкой в воскресенье днем и ведет ее в «O2», посмотреть фильм. Поэтому я тоже пошел и просидел с ними весь фильм, наблюдал за ним. Он постоянно лапал ту девушку, и было видно, что ей это совсем не нравится, она то и дело отталкивала его, а затем они вышли, и я увидел, как он тянет эту девушку по улице, к задней части кинотеатра. При этом он притворялся, как будто понарошку дерется с ней, но было видно, что ей это не нравилось, и поэтому я держался к ним близко. Очень-очень близко. Даже слишком. Потому что он увидел меня и прижал к стене. Вот так. – Джош изображает, как его хватают за горло. – Он сказал, что не знает, кто я и что мне нужно, но, если он когда-нибудь снова увидит, что я болтаюсь где-то рядом с ним, он меня убьет. Он так и сказал: «Я видел твое лицо, пидор, я видел твое лицо. В следующий раз, когда я увижу тебя, тебе хана».

Джош умолкает. Он облизывает губы и поворачивается к Кейт.

– И тогда я обмочился.

К глазам Кейт подкатываются слезы. Она представляет, как ее дорогого красивого мальчика прижали к стене. Ужасная, неизбежная струя горячей мочи из опорожненного от страха мочевого пузыря. А потом он трясущимися руками запихивает влажную, вонючую одежду в сумку и засовывает ее в угол шкафа.

«Что ты сделал с Сафайр?» – спросил я, и он ответил:

«Не произноси имя этой шлюхи. Она маленькая грязная шлюха».

«Где она? – спросил я. – Где она, черт возьми?»

Он сказал: «Я не знаю. Надеюсь, получает то, что ей причитается. А теперь проваливай, сталкер-педик».

Плечи Джоша опускаются. Он смотрит на инспектора Керри и говорит:

– Я ни разу его не застукал, Харрисона Джона. Хотя так старался. Но вы ведь все равно сможете его поймать? Пожалуйста, уберите его с улицы. Чтобы Сафайр могла вернуться. Пожалуйста. Я очень прошу.

Сафайр

Каждый мускул, каждая жилка в моем теле напряжены, каждый волосок встал дыбом. Мое сердце, которое уже колотилось как бешеное, забилося еще быстрее. Я видела, как он приближается к Алисии, как ускоряет шаг.

«О нет, нет, Харрисон Джон, – подумала я. – *Нет, нет. Не смей!*»

Я осталась в тени, ожидая, пока он пройдет мимо, а затем подбежала к нему сзади, схватила за шею и повалила на землю. Ударившись о тротуар, его тело издало приятный стук. Некоторое время я держала Харрисона, прижав лицом к тротуару, чтобы он меня не видел.

– Что тебе нужно? – спросил он.

Я приблизила рот к его уху – так близко, что почувствовала запах лосьона после бритья, запах недавно выкуренной сигареты.

– Хочешь увидеть кое-что волшебное, Харрисон Джон? – прошипела я ему на ухо.

Я сняла шапку-бини и сунула ему в рот, чтобы заглушить крики. А потом я взяла его руку. Его правую руку. Разогнула ее и поднесла к его лицу. Затем не спеша взяла каждый из трех пальцев, которые он сунул в меня, когда мне было десять лет, и по очереди щелкнула каждым. И каждый раз, когда он мычал от боли, я говорила:

– Больно только в первый раз, Харрисон. Больно только в первый раз. В следующий раз это будет *волшебство*.

– А-а-а, – простонал он, сжимая сломанные пальцы, его лицо было перекошено от боли. – Ты что делаешь? Какого хрена! – Ему удалось пересилить меня. Он перевернул меня и посмотрел мне прямо в глаза. Он замахнулся, как будто собирался меня ударить, но затем его взгляд остекленел, и он рухнул на меня в глубоком обмороке.

Я подняла глаза и увидела лицо ангела, освещенное уличным фонарем, с нимбом красных волос. Это была Алисия.

– Ты в порядке? – спросила она. На ее скуле, в том месте, где ударил Роан, уже начал проявляться синяк.

Я столкнула с себя Харрисона. Он пошевелился, сжал сломанные пальцы и застонал. Я посмотрела на Алисию.

– А ты? – спросила я. Она растерянно посмотрела на меня.

– Ты кто?

– Пойдем отсюда, – сказала я. – Позвонишь в Uber?

Она кивнула и вытащила из сумки телефон. Ее руки дрожали. Харрисон попытался встать на ноги. Он хотел увязаться за мной, но я схватила Алисию за руку, и мы вместе побежали вниз с холма.

– Я убью тебя, Сафайр Мэддокс! – крикнул мне вслед Харрисон. – В следующий раз, когда я тебя увижу, тебе капец. Ты, блин, меня слышишь? Я убью тебя.

* * *

Мы на такси доехали до квартиры Алисии. Я хотела сказать ей, что видела этот дом раньше и знаю, что она живет на четвертом этаже. Но, поразмыслив, решила, что ночь и без того была достаточно странной для нас обеих и нет необходимости делать ее страннее.

Ее квартира была очень милой. Зеленые, как мята, диваны с пуговицами на спинках и приземистыми деревянными ножками, фанк-арт в белых рамках, много растений, много книг.

Алисия заварила нам чаю и открыла коробку печенья. Беря кружку, я заметила, что у меня дрожат руки. Я снова поставила кружку и тяжело вздохнула. Мне вспомнился хруст ломающихся костей Харрисона Джона, странный звук, похожий на тот, когда Анджело хрустел сухим кормом. А потом я представила себе, как Харрисон, сжимая сломанные пальцы, неуклюже бредет домой, в свою квартиру на Альфред-роуд с видом на железнодорожные пути. Я представила, как он сидит в отделении неотложной помощи местной больницы, представила, как спустя какое-то время уходит с пластиковой шиной, гипсом, повязками и прочим, что будет фиксировать его руку, пока кости не срастутся. Я подумала: как он объяснит это миру? А потом пришла другая мысль: он пойдет в полицию? Я представила, как он рассказывает какому-нибудь молоденькому, свежеиспеченному копу,

что девушка по имени Сафайр, в темноте, без всяких на то причин, одним ударом свалила его на тротуар и сломала ему пальцы, и не смогла этого представить.

– Ты скажешь мне, кто ты такая? – спросила меня Алисия.

– Я – Сафайр Мэддокс, – ответила я.

– Ты раньше была пациенткой Роана?

– Угу.

Я наблюдала за тем, как Алисия пропускает услышанное через себя, видела, как ее большой умный мозг пытается все разложить по полочкам и терпит неудачу.

– А этот тип?

– Я знала его. Он сделал мне больно. Теперь больно сделала я.

– Он сказал, что убьет тебя, если увидит снова.

– Ага, – сказала я. И в этом была проблема. Вот почему у меня дрожали руки. Я, наконец, очистилась от печального опыта своего детства, сделав больно преступнику, но тем самым открылась для еще большей боли, для большего страха, для еще больших страданий.

– У тебя есть где жить?

Я уставилась на свои пальцы.

– Я живу с дядей, – сказал я.

– Ты там в безопасности?

– Не совсем, – сказала я. – Это очень близко к тому месту, где живет этот тип. Моя школа прямо за углом от его дома.

– Ты можешь остаться здесь сегодня вечером, если хочешь.

Я взглянула на Алисию. Ее глаза все еще были красны от слез, а царапина на щеке, там, где ее ударил Роан, теперь опухла. Я подумала: я ей нужна так же, как и она мне. И кивнула.

– Спасибо. Я очень это ценю.

* * *

В итоге я провела у Алисии две недели. И две недели я сопротивлялась желанию дать о себе знать Аарону. Я не могу объяснить, как я могла с ним так поступить. С человеком, который так любил меня и так заботился обо мне. Я знала, что он будет страдать, но каждый день на рассвете я думала:

– Не сегодня, еще рано, с ним еще несколько часов все будет в порядке, я скоро вернусь домой.

Каждый день я думала, что это будет мой последний день в бегах. Каждый день мне казалось, что сегодня Джош наверняка выследит Харрисона Джона, что полиция арестует этого гада, и я буду в безопасности.

В те дни время не имело особой формы. Без знаков препинания, без той версии себя, которая красит глаза и каждый день ходит в школу, я просто пребывала как будто в спящем режиме. Мои инстинкты не работали так, как надо: Алисии приходилось напоминать мне, что нужно поесть. Я могла проснуться в три часа ночи и подумать, что сейчас день и что я ослепла.

Первые несколько дней Алисия оставалась дома. Она позвонила на работу и сказала, что прихворнула. Она делала все для того, чтобы чувствовала себя в безопасности и была в здравом уме. Станными, разрозненными потоками сознания я поведала ей все, все, что никогда не говорила Роану, о настоящих причинах своего страха.

Алисия была на двенадцать лет старше меня, но за те дни, которые мы провели вместе, она была для меня скорее другом, чем терапевтом. Я подумала, что такого друга, как она, мне недоставало почти всю мою жизнь. Потом Алисия снова вышла на работу, а я весь день оставалась в ее квартире одна. Порой я едва могла вспомнить собственное имя. Осколки моего бытия мелькали в голове, словно какое-нибудь психоделическое слайд-шоу. Иногда я видела лису в углу комнаты. Иногда слышала в телевизоре Алисии голос Джоша, мяуканье крошечного котенка у входной двери, безумный смех Жасмин в квартире наверху. И всякий раз, когда я закрывала глаза, Харрисон Джон нависал надо мной со всех сторон со звериными когтями вместо руки, угрожая убить меня.

* * *

Я пришла в шок, увидев лицо Оуэна Пика на первой странице газеты, которую Алисия принесла с работы, чтобы пробудить меня от моего странного существования. «О нет, нет, этого не может быть, –

подумала я. – Только не Клайв. Не этот несчастный лузер с его дрянной односпальной кроватью и злой квартирной хозяйкой».

Меня тошнило от чувства вины.

В тот день я едва не ушла, едва не отправилась в полицейский участок Кентиш-Тауна, чтобы сказать им правду и вытащить оттуда этого бедолагу. Но что-то меня остановило. То же самое, что мешало мне позвонить Аарону. Ощущение, что не надо вмешиваться, пусть все идет своим ходом, что есть какой-то другой финал, о котором мы пока не догадываемся, и что он самый правильный.

А потом через несколько дней я прочитала о том, что Оуэн Пик был инцелом, и что в его ящике с нижним бельем нашли рогипнол, и о том, что он планировал насиловать женщин на свиданиях, в отместку за то, что никто не хочет заниматься с ним сексом. И тогда я подумала, может, это даже к лучшему? Я подумала обо всех женщинах, которых Оуэн Пик теперь не сможет насиловать на свиданиях, и, возможно, оно даже к лучшему, что я исчезла, потому что благодаря этому преступника убрали с улицы?

Алисия указала на фотографию.

– А ведь он похож, да? Если хорошенько подумать?

Я кивнула.

– Это да, – сказала я, пытаюсь не думать о нем, окосевшем от вина, в тот вечер, в День святого Валентина, когда он помогал мне забраться на крышу, пытаюсь не вспоминать ощущение твердости его плеч под элегантной курткой, то, как он то и дело смахивал с глаз челку, чтобы видеть, что делает, его невиновность, его бесхитрость.

Я старалась не думать и про другой раз, несколько недель назад, когда мы встретились на холме, и он был пьян, мы перебросились с ним парой фраз, и я сказала, что меня зовут Джейн, а он сказал: «Доброй ночи, Джейн». Сказал так искренне и ласково. Я очень старалась не думать об этом.

* * *

Во вторник я проснулась в холодном поту от кошмара. Детали кошмара исчезли, как только я проснулась, но главное застряло в памяти: в этом сне Аарон умер, и мой котенок тоже.

Я знала без тени сомнения: это был крик из глубины души, и он подсказал мне прекратить это дело, прекратить немедленно. Я вошла в спальню Алисии. Было почти семь утра, и я подумала, что ее будильник вот-вот зазвенит, поэтому села у нее в ногах и слегка пощекотала ей пятки. Она проснулась и вздрогнула.

– Можешь сегодня позвонить в полицию? – спросила я. – Можешь сказать им, что ты там была? Что ты меня видела. Что Оуэн Пик не тронул меня даже пальцем. Можешь сказать им, что ты видела, как я убегаю? Тебе не нужно говорить им, что ты знаешь, где я. Я не хочу, чтобы у тебя возникли проблемы. Просто расскажи им, что ты видела. Скажи им, что Оуэн Пик меня не убивал. Пожалуйста.

* * *

На следующий день Алисия принесла домой номер «Ивнинг Стэндард». Аршинный заголовок гласил: «ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В ПОХИЩЕНИИ САФАЙР ОТПУЩЕН НА СВОБОДУ». Я разложила газету на кофейном столике и очень быстро прочитала.

«Полиция Северного Лондона сегодня освободила главного подозреваемого в похищении 17-летней школьницы Сафайр Мэддокс. Бывший преподаватель колледжа Оуэн Пик, 33 года, отпущен домой, а предъявленные ему обвинения сняты после того, как по делу были представлены показания нового свидетеля, который утверждает, что Сафайр в безопасности и в данный момент скрывается. Причины ее исчезновения не раскрываются. В результате этих новых свидетельств полиция сегодня арестовала 18-летнего Харрисона Джона из Чок-Фарм по подозрению в нескольких сексуальных нападениях в этом районе. Джон, который ранее подвергался аресту за ограбление и мелкую кражу, в настоящее время задержан для допроса».

Я посмотрела на Алисию.

– Это ты рассказала им про Харрисона Джона? – спросила я.

Она покачала головой.

– Нет, не я.

Я запрокинула голову и ахнула.

– Джош! – воскликнула я. И рассмеялась.

А сегодня утром Алисия позвонила мне с работы.

– Харрисону Джону предъявлено обвинение, – сказала она. – Это все есть в новостях. Одна девушка заявила, что он напал на нее, а затем пригрозил убить ее и ее мать, если она когда-нибудь скажет хоть слово полиции. Все закончилось, Сафайр, – добавила она, и я услышала, как ее лицо освещает такая искренняя, такая хорошая улыбка, что я боюсь в ней утонуть. – Все закончилось. Можешь возвращаться домой.

Аарон сидит в машине напротив квартиры Алисии. Сначала я не вижу его, когда, прикрывая от солнца глаза, выхожу из подъезда на улицу. Но он видит меня и открывает дверцу машины. Он быстро идет по дорожке, чтобы встретить меня на полпути, и едва не сбивает с ног, потому что бросается ко мне, обнимает за плечи, зарывается лицом в мои волосы.

Я тоже обняла его и держу крепко-крепко-крепко; и я чувствую его любовь ко мне, чувствую, что он любит меня, знаю, что он меня любит. Аарон плачет, и я понимаю, что тоже плачу.

– Прости, – говорю я, чувствуя, что мои слезы намочили ткань его куртки. – За все. За бессонные ночи. За ложь. За то, что причинила тебе боль. Мне так стыдно.

– Ничего страшного, – говорит он. – Ничего страшного.

– Я не хотела... – начинаю я, не зная даже, что хочу сказать.

– Это не имеет значения, – говорит он. – Абсолютно никакого значения. Теперь все позади. Позади.

Мы отстраняемся, и Аарон смотрит на меня, пристально смотрит мне в глаза.

– Я это знал, – говорит он, – я всегда знал, что ты в безопасности. Я это чувствовал. – Он касается груди кулаком. – Я чувствовал это здесь. Связь. С тобой. С твоей душой. Мы – семья, – говорит он. – Что бы ни случилось. Навсегда. Да?

Я рукавами вытираю с лица слезы, смотрю на дядю, на этого поистине золотого человека, улыбаюсь и говорю:

– Ужасно хочу увидеть своего котенка.

– С тех пор как ты ушла, он вырос. Теперь он почти кот.

– Он скучал по мне?

– Конечно, он скучал по тебе! Мы оба скучали по тебе!

Мы забираемся в его отстойную машину, и я пристегиваю ремень безопасности.

– Могу я объяснить, Аарон? Могу я объяснить, что случилось?

– Все мое время, – говорит Аарон. – У нас много времени. Все время в этом мире. Но сначала давай просто доставим тебя домой.

Хорошо?

– Хорошо, – отвечаю я. – Хорошо.

Сейчас

Оуэн покидает полицейское отделение в Хаммерсмите, где он провел последние две недели. Конец марта. Солнечно. Сегодня ему исполняется тридцать четыре. Он поворачивается, чтобы попрощаться с женщиной позади него. Ее зовут Лиз. Она прошла тот же курс, что и он. Курс назывался «Обучение сексуальному поведению и реабилитация сотрудников и руководителей». Лиз – менеджер по персоналу библиотеки Илинга. В этом году она вела дело о сексуальных домогательствах по отношению к двум сотрудницам и сделала все неправильно. После двух недель ролевых игр и дебатов, видео и рассказов от первого лица они знают друг о друге едва ли не все. И, конечно же, все уже знали, кто такой Оуэн, в ту минуту, когда он вошел в дверь в самое первое утро. По комнате прокатилась волна энергии. Почти слышимый вдох. Это был он, тот самый тип, которого арестовали за убийство той девушки. Инцел. Извращенец. Урод. Подонок. Он видел, как все женщины в комнате слегка вздрогнули.

Не имело значения, что обвинения с него сняты. Не имело значения, что девушку нашли и вернули в семью. Ее улыбающееся лицо на первых страницах газет по какой-то причине не вытеснило с первых страниц газет его гримасу. Его фотография, его имя все еще несут в себе отрицательный заряд. Потребуется недели, месяцы, а возможно, и годы, чтобы Оуэн, наконец, забыл об этом времени, когда в глазах людей он был одним из самых мерзких подонков в стране.

Полиция нашла Брина. Его задержали, когда он выходил из местного паба напротив утинового пруда в зеленом городке недалеко от Лондона. В тот же день Оуэна отпустили домой. Разумеется, звали того парня не Брин. А Джонатан. В его квартире нашли наркотики для изнасилования на свидании. Груды инцеловской литературы. Море жесткого порно. На ноутбуке – черновики его постов в блоге. У него взяли отпечатки пальцев и сравнили их с отпечатками на флаконе с таблетками, который он дал Оуэну. Теперь этот парень в их списке наблюдения как потенциальный террорист. Оуэн был счастлив, узнав об этом.

Проходя мимо, Лиз улыбается ему.

– Пока, Оуэн, – говорит она. – Было здорово познакомиться с вами. Я действительно желаю вам всего наилучшего, всего самого наилучшего. Я надеюсь, вы сможете оставить все это позади. Вы хороший человек, и мне было приятно познакомиться с вами. – Она быстро целует его в щеку и пожимает руку.

Он наблюдает, как она спешит через улицу к тому, кто ждет ее в припаркованной машине. Она машет ему из окна, и он машет в ответ.

Учебный курс стал для Оуэна настоящим открытием. Не только потому, что он научил, как вести себя на рабочем месте, но и потому, что объяснил, как устроен женский ум, когда женщины чувствуют себя в безопасности, а когда нет, что считать дружеским подшучиванием, а что – сальными шутками.

Ранее на этой неделе к ним присоединилась женщина – рассказала о сексуальных домогательствах со стороны бывшего работодателя, о том, что сначала он казался таким милым, но через некоторое время она поняла, что каждую секунду, что бы они ни делали, о чем бы ни говорили, он воспринимал ее как женщину, а не как человека. Это сразило Оуэна наповал. Он понял, что делал это всю свою жизнь. Ни один разговор, ни одна встреча с женщиной не проходила без этого. В его голове всегда возникала мысль, что перед ним женщина. Всегда и везде.

Он поднял руку и спросил, как перестать это делать. На что женщина ответила:

– Вы не можете просто перестать это делать. Даже если вы сознательно попытаетесь, вы все равно будете ставить во главу угла мой пол. Единственный способ прекратить это делать, – сказала она, – это признаться себе, что вы это делаете, признать свою реакцию. Чтобы найти способ обойти ее. Подумайте о чем-то другом. Скажите себе: это человек в красной куртке. Или: это человек с северным акцентом. Или: это человек с красивой улыбкой. Или: это человек с проблемой, которому нужна моя помощь. Управляйте своей реакцией. Обходите ее. – Она ободряюще улыбнулась, и он тотчас применил ее совет на практике. Оуэн превратил разговор с молодой, довольно привлекательной женщиной в разговор с человеком в коричневых туфлях. Это сработало. Это разрушило чары. Оуэн улыбнулся и сказал:

– Спасибо. Большое спасибо.

И теперь, когда он получит подтверждение, что удовлетворяет оценочным критериям, он вернется на работу в колледж. Он написал Монике и Мейзи. Не ожидая с их стороны ни сожаления, ни понимания, объяснил, что, выпив даже небольшое количество алкоголя, он страдает кратковременными провалами памяти, отчего его воспоминания о том вечере сильно отличаются от их воспоминаний, но что он искренне верит им и принимает их версию событий. Что ему стыдно и что он очень сожалеет о том, что причинил им физические и эмоциональные страдания и отказался поверить им, когда они нашли в себе смелость сказать правду. Слегка многословное послание, подумал он, но зато от души и стоит затраченных на него усилий – никто не обвинит его в том, что он написал это лишь ради возвращения на работу. Он очень надеется, что сможет посмотреть им в лицо на следующей неделе и что между ними возникнет взаимопонимание, а не отчуждение.

Оуэн больше не живет у Тесси. Он снимает однокомнатную квартиру в Вест-Хэмпстеде, но это временно. Скоро он начнет строить настоящие планы. А пока для него было важно сбежать от тетки и ее предвзятого к нему отношения. Она пыталась притвориться, что ей грустно расставаться с ним. Но это неправда. Теперь у Оуэна есть диван, а не кресло, двуспальная кровать, а не односпальная, и он поддерживает в квартире такую температуру, какую захочет.

Он идет к метро, чтобы по линии Пиккадилли доехать до Ковент-Гардена. Перед тем как спуститься на эскалаторе, он достает телефон, находит номер Дианы и отправляет ей эсэмэску. *«Сажусь в метро. Будь там через двадцать минут».*

Он ждет, что она ему ответит. И вот оно, ее сообщение: *«Увидимся через двадцать минут, именинник!»*

Он выключает телефон, улыбается и направляется в метро, чтобы отметить со своей девушкой свой день рождения.

Кейт вставляет ключ в блестящий новый замок на входной двери их дома в Килберне и оглядывается на детей. Джорджия слегка подталкивает ее и говорит:

– Давай! Не тяни резину!

Кейт поворачивает ключ в замочной скважине, толкает дверь, и вот он. Их дом. Прекрасное апрельское утро, середина пасхальных каникул. Грузчики уже везут мебель из квартиры в Хэмпстеде, и наконец, через 456 дней после прибытия строителей, дом Кейт снова принадлежит ей.

Солнце играет на безупречных пастельно-серых стенах, оставляет лужицы золотого света на недавно отшлифованных и воцеленных половицах. Нигде ни пылинки, ни грязного следа, ни даже намека на беспорядок. Это красивый чистый холст, достойный новых начинаний.

– Красотища! – ахает Джорджия и бежит вверх по лестнице, чтобы осмотреть свою спальню.

Кейт идет на кухню и проводит руками по бледному дереву стола, серо-голубым дверцам шкафчиков и блестящей керамической плитке. Кейт с трудом может вспомнить, как выглядела ее кухня раньше. Слишком многое произошло за это время.

Кейт, наконец, рассталась с Роаном. После того, как Джош пришел к ней тем утром – еще в феврале – и рассказал о романе своего отца, Кейт в оцепенении подумала, что, возможно, она еще сможет спасти их брак. Она ведь уже делала это раньше, она могла сделать это снова, искусственно поддерживая их брак еще несколько лет, пока дети не выпорхнут из гнезда. Но как только драма исчезновения Сафайр улеглась и жизнь вернулась в привычную колею, однажды утром Кейт проснулась очень рано, посмотрела на лицо спящего мужа, всегда такое мирное во сне. Его кожа была почти по-юношески гладкой и свежей, на губах играла слегка самодовольная улыбка, и Кейт подумала: «Все в тебе – иллюзия. Ты обманывал меня тридцать лет, и я больше никогда не смогу тебе верить».

Он заплакал, когда она сказала ему, что хочет, чтобы он ушел. Заплакал и сказал, что не может без нее жить. Еще бы! В этом весь

Роан.

Но Кейт упивалась ощущением силы, вернувшейся к ней после того, как она на протяжении долгих лет чувствовала себя несчастной женой. Роан взял на работе отпуск, чтобы пережить травму от осознания последствий своих действий, которую он, наконец, почувствовал. Он вернулся в город Рай, в запасную спальню родительского дома. Он часто звонит и говорит о том, что он еще может измениться. Но Кейт не хочет, чтобы он изменился. Она просто хочет, чтобы он оставил ее в покое, чтобы она могла прожить оставшуюся жизнь, будучи сама себе хозяйкой.

Какова же будет дальнейшая жизнь Кейт? На прошлой неделе она внесла залог за процедурный кабинет в клинике в Нисдене и, как только Джорджия сдаст экзамен на аттестат зрелости, вновь начнет целыми днями заниматься физиотерапией. В наши дни дети в целом самодостаточны. Джош расцвел с тех пор, как подружился с Сафайр, и Кейт больше не чувствует настоящей потребности все время быть с ним дома. Она повторно заложит дом, чтобы выплатить Роану его долю, и для этих выплат ей потребуется доход. А еще ей требуется жизнь за пределами кухонного стола, общение с людьми, с которыми она не связана семейными узами. Походы за продуктами в супермаркет больше не могут быть единственным смыслом ее жизни.

После допроса Джоша в полиции многое тотчас встало на свои места. Все было странно взаимосвязано.

Выяснилось, что Тилли на самом деле подверглась нападению возле их дома, и нападавшим был Харрисон Джон, тот самый парень, за которым охотились Джош и Сафайр. Во время нападения Тилли узнала Харрисона. Он проучился в их школе пару лет, а потом его отчислили за хулиганское поведение и перевели в спецшколу. В школе его имя было на слуху. Харрисон был печально известен своим дурным поведением. Харрисон понял, что Тилли его узнала, он тоже ее узнал, потому что дружил с кем-то, кто жил в ее доме. Очевидно, поняв, что узнал, Харрисон крепко схватил ее за руку и прошептал на ухо: «Я знаю, где ты живешь. Запомни это. Я знаю, где ты живешь», после чего назвал ее адрес и растворился в ночи.

У истории Харрисона Джона имелся странный и довольно тревожный постскрипtum. Когда он уже сидел под арестом за нападение на Тилли, выяснилось, что, когда ему было одиннадцать лет,

Роан в течение нескольких недель лечил его в своей клинике. По странной, тошнотворной причуде судьбы выяснилось также, что Харрисон Джон – тот самый мальчик, который сочинял фантазии о жестоких изнасилованиях, о которых Роан мимоходом упомянул всего несколько недель назад. Эта связь не давала Кейт покоя.

Как только полиция предъявила Харрисону обвинения в нападении на Тилли и он был взят под стражу, Сафайр, как и предсказывал Джош, появилась снова. Она так толком и не объяснила, где была все это время, сказала полиции, что после угроз Харрисона Джона она боялась за свою жизнь и была «у подруги». На следующий день после того, как Кейт отвела Джоша в полицейский участок, Сафайр вернулась в свою квартиру на восьмом этаже дома на Альфред-роуд, к своему дяде и котенку. Эта фотография сопровождала все статьи в газетах – улыбающаяся Сафайр Мэддокс и ее котенок Анджело. Счастливый конец.

Хотя, конечно, никакой не счастливый.

Ничто не идеально. Даже этот дом, думает Кейт, глядя на его четкие очертания, не идеален. Даже сейчас в этой недавно оштукатуренной и покрашенной комнате Кейт видит большую трещину, идущую от точки, где сходятся углы. А ведь строители уехали только вчера.

В жизни ничто не может быть идеальным. И это нормально. Кейт не ждет совершенства. Ей довольно того, что у нее есть, вот это, вот здесь, в этот момент, когда они гуляют по пустому, блестящему, пахнущему краской дому. Скоро лето, садовая мебель, которую Кейт заказывала в «Икеа», лежит в картонных коробках, ожидая сборки, вечеринка с барбекю, о которой Кейт мечтала все эти долгие зимние месяцы, так близко, что теперь она почти чувствует запах сладкого дыма гикори.

Хеппи-энд не бывает, мы все это знаем. Но, вернувшись с Аароном домой, я ощутила себя в безопасности. Я преодолела клаустрофобию и теперь сплю в своей постели под пуховым одеялом, с котенком. Когда я просыпаюсь по утрам, мои простыни лежат на кровати, а не спутываются вокруг моих ног. По прогнозам, хоть я и пропустила две недели в школе, я должна хорошо написать пробники выпускных экзаменов. А еще у меня появился парень. Кто-то, кто был влюблен в меня много лет. Не скажу, что это серьезно, но все равно приятно. И как же это здорово, что я, наконец, могу впустить кого-то в свой мир, подпустить кого-то близко к себе.

Алисия сейчас работает в другой клинике и не может понять, чем ее когда-то привлекал Роан. Мы с ней по-прежнему хорошие друзья, и примерно раз в неделю я бываю у нее, чтобы выпить чашку чая и поболтать.

Я поддерживаю связь и с Джошем. Он сказал мне, что его родители расстались, и это меня не слишком удивляет. Я рада за его маму; она производила впечатление женщины, вся жизнь которой строилась вокруг мужчины, но теперь она свободна и может стать тем, кем ей хочется быть. У Роана случился нервный срыв, и в настоящее время он взял на работе отпуск и живет с родителями где-то в Сассексе.

Харрисон Джон находится под следствием за то, что он сделал с той маленькой девочкой. И за два других нападения в том списке, который я составила несколько недель назад.

Увидев его фотографию в газетах, жертвы дали о себе знать и опознали в нем нападавшего. Видеозаписи с камер наблюдения показали, что он находился в непосредственной близости от мест нападения, а его отпечатки пальцев совпали с отпечатками, снятыми с сумочки одной из жертв. Так что я получила то, что хотела – его

настигло возмездие. Я смогла упрятать за решетку мерзкого негодяя, и теперь вся страна знает, кто он такой.

А еще есть Оуэн Пик. Как ни странно, на днях я с ним столкнулась. Он как раз выходил из метро, а я входила. Мы ненадолго остановились, и я, наконец, смогла должным образом извиниться перед ним за то, что не пошла в полицию раньше, не сообщила, что он не имеет к моему исчезновению никакого отношения.

– У меня в голове все перепуталось, – сказала я. – Я не отличала хорошее от плохого.

– Отлично понимаю, что ты имеешь в виду, – сказал он. – С моей головой было то же самое.

Он сказал мне, что написал заявление с просьбой восстановить его на работе в колледже, и администрация согласилась. А еще он сказал, что больше не живет в доме рядом со строительной площадкой, что у него теперь есть своя квартира, впервые в жизни. А еще, сказал он мне, у него появилась девушка.

– Совсем недавно, – сказал он. – Но пока все хорошо.

Мы обнялись на прощание. Казалось бы, последний фрагмент головоломки встал на место. Я ушла с мыслью: ну вот. Теперь все ясно. Теперь все встало на свои места.

Но нет. Что-то не дает мне покоя. Что-то не так. Что-то, связанное с Днем святого Валентина, с тем моментом, когда я сидела возле бывшего дома Роана.

В ту первую ночь у Алисии я просмотрела на своем телефоне запись, которую сделала с крыши гаража Оуэна. Я смотрела ее снова и снова. Мой взгляд был прикован к лицу Роана, когда его рука соприкоснулась с фарфоровой кожей Алисии. И я увидела их. Подспудную злость. Ярость. Тьму.

Я знаю, как устроен мир. Мужчины бьют женщин. Женщины бьют мужчин. Девушки ломают парням пальцы в отместку за то, что те сделали с ними в детстве.

Но было в лице Роана, когда он ударил Алисию, нечто леденящее душу, пугающее, и это при том, что он врач, его работа заключалась в том, чтобы исцелять людей. Правильно Джош сказал тем вечером, когда мы впервые болтали с ним: как человек с такой работой может причинять боль людям, которых он любил, причем каждый день?

Той ночью я показала Алисии отснятые кадры. К синяку на скуле она приложила пачку замороженного горошка. Алисия вздрогнула, когда я показала ей свою запись.

– Блин, Алисия, что это за человек? – спросила я.

– Не хочу даже говорить об этом, – сказала Алисия.

Она уронила пакет с горошком себе на колени.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Он как будто идет по жизни в маске. Сегодня вечером маска слетела с его лица, и мне это не понравилось. Это заставило меня задуматься, – сказала она. – Это заставило меня задуматься кое о каких вещах.

– О чем именно?

– О том, что он говорил. О том, чем он хотел заниматься в постели.

– Например.

Она снова поднесла горошек к щеке и слегка покачала головой.

– Я застучала его однажды, – сказала Алисия прерывающимся голосом. – Поймала в офисе. Он... доставлял себе удовольствие. Я подразнила его, спросила, думает ли он при этом обо мне. Он отшутился, сказал, что, конечно, он думает обо мне. Но я краем глаза увидела, Сафайр, я увидела эссе, написанное одним из его пациентов. Фантазию об изнасиловании.

Мои глаза в буквальном смысле полезли на лоб.

– Подумай сама, – сказала она. – Он один из них, понимаешь? Один из тех, в ком тебя ничто не удивит, если как следует об этом не задуматься. Если не заглянуть под маску. Тогда увидишь, что на самом деле он дурной человек, а вовсе не хороший. Что никакой он не спаситель. – Она остановилась и посмотрела на меня. – Что, возможно, он хищник.

Как только она это сказала, мне как будто дали под дых.

* * *

На днях я вернулась, чтобы проведать свой небольшой клочок земли напротив бывшего дома Роана, просто по старинке. Похоже, что квартиры наконец-то будут там построены. Закладывается фундамент.

Скоро начнут забивать сваи. Люди трудятся там целый день, ворота открыты, машины въезжают и выезжают.

Моего укромного местечка больше нет, а вместе с ним ушли и покой, и тишина, и маленький рыжий лис.

И сейчас, в этот ясный апрельский вечер, я сижу на своей кровати, смотрю на свой розовый бумажный абажур с вырезанными сердечками, и мне еще больше нравится восьмилетняя девочка, которая его выбрала, потому что она выросла и стала обалденной девушкой, ломающей пальцы обидчику, мстящей тому, кто когда-то причинил ей боль. Я смотрю на Анджело. Он больше не пушистый комочек, а настоящий маленький котик, моя маленькая частичка дикой природы в помещении, и, по идее, я должна быть счастлива, но что-то гудит и гудит в моей голове. Харрисон находится под стражей за три сексуальных нападения, но у него есть алиби на все остальные; похоже, что все это время по улицам разгуливал не один хищник.

Я встаю, подхожу к окну и смотрю на площадь. А потом вспоминаю ночь в начале этого года, одну из ночей, когда мы с Джошем отправились на поиски Харрисона Джона. И правда бьет меня, как стрела, в грудь.

– Постарайся сделаться невидимым, – посоветовала я Джошу.

В следующий раз, когда мы встретились, он был в беговой одежде из лайкры, в куртке на молнии и в черной трикотажной шапочке. Я сначала не поняла, что это он, потому что его лицо было закрыто балаклавой. Но, подходя, он потянул ее вниз, и из нее показалось его улыбающееся лицо.

– Что скажешь? – спросил он. – Достаточно незаметен?

Я со смехом указала на балаклаву.

– Где ты взял это жуткое дерьмо? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Нашел в ящике у отца.

Он снова улыбнулся.

– Давай, – предложил он. – Пойдем на охоту.

От автора

Теоретически этот раздел предназначен для выражения благодарности тем, кто приложил руку к написанию книги, в которой эти слова опубликованы. В данном случае я в первую очередь должна поблагодарить себя любимую! Я большую часть года пишу без подсказок или советов, только я, мои (три) печатающие пальцы и мой странный воображаемый мир. Я добираюсь до конца и без чьей-либо помощи ставлю последнюю точку. Я не занимаюсь исследованиями, даже когда должна, потому что это сбивает меня с толку (так что извиняюсь за все возможные ляпы), и не люблю редакционные комментарии, когда я все еще работаю над текстом.

Но как только ставится последняя точка, все эти волшебные люди появляются над гребнем холма и молча входят в созданный вами воображаемый мир, чтобы исправить его за вас, сделать привлекательным, придумать для него обложку, поговорить с владельцами книжных магазинов и попросить их продать его, переслать иностранным издателям и попросить их опубликовать, сделать так, чтобы он выглядел привлекательно на книжных полках, чтобы люди заметили его, купили и прочитали, написали о нем красивые слова, побуждая других людей его прочесть. Они водят вас по книжным магазинам и библиотекам, чтобы вы поговорили о нем с читателями, и призывают друзей прочитать его, они пишут вам, чтобы сказать приятные вещи о том, что ваша книга заставила их почувствовать.

Так что, конечно, не все зависит от меня. Будь это так, это был бы довольно неряшливый, полубессмысленный документ на моем ноутбуке, полный ошибок и опечаток, и сейчас он не был бы у вас в руках.

Так что спасибо всем-всем-всем.

Селине, моему редактору в Великобритании, Линдси, моему редактору в США, моим агентам Джонни и Деборе за самые ранние их советы. Спасибо Риченде Тодд за дотошную вычитку и редактирование. Люку, Анне и съемочной группе агентства «Кертис Браун» за то, что предложили мою книгу людям, которые снимают

фильмы, а также Джоди и отделу по продаже авторских прав за рубеж за распространение по всему миру. Командам продаж по всему миру, которые сделали все для того, чтобы эта книга попала в магазины. Спасибо Саре и ее отделу маркетинга, Лауре и ее команде по рекламе в Великобритании, а также Ариэле и Мери в США за то, что теперь о моей книге знают все. Книготорговцам, библиотекарям, читателям и рецензентам тоже большое спасибо.

Заметка об имени персонажа «Анджела Керри»

В 2014 году самые известные британские авторы поддержали кампанию «Дайте имя своему персонажу» от CLIC Sargent, ведущей британской благотворительной организации по борьбе с раком среди детей и молодежи. На сегодняшний день собрано более 40 000 фунтов стерлингов.

Я с радостью поддерживала эту кампанию на протяжении многих лет, и одна из победительниц этого года представлена в этой книге как Анджела Керри. Кампания снова будет запущена на eBay в марте 2021 года. Более подробная информация будет доступна на сайте www.clicsargent.org.uk при подготовке к аукциону.